

06(57) КН 9

31-324

Записки Зап.-вост.

1887

ОМСКАЯ
ГОРОДСКАЯ
ВТОРАЯ
БИБЛИОТЕКА

Хр. кат. №

1148

Отделъ "VI"

№ "86"

116211

Книга должна быть возвращена
не позднее указанного здесь срока

сир. 1900

РК

Кол-ч. пред-д. выдачи

86

17

14

1-55

14

ЗАПИСКИ

06 (57)
3-324.
к 9.
1887г.

ЗАПАДНО-СИБИРСКАГО ОТДѢЛА

ИМПЕРАТОРСКАГО

116211. РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

КНИЖКА IX.

Печатано по распоряженію Западно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго
Русскаго Географическаго Общества.

ОМСКЪ.

Типогр. Окружн. Штаба.

1887.

КАШГАРІЯ

И

ПЕРЕВАЛЫ ТЯНЬ-ШАНЯ

СТАНОКОСТАТЕННИКЪ ВЪЗЛЕДО СТАНОЧНИКЪ-ОБЪЕДАНЪ СИННИИТОСКОАТ СИН ОНАТАРЕИ
ВЪЗЛЕДО СТАНОЧНИКЪ-ОБЪЕДАНЪ СИННИИТОСКОАТ СИН ОНАТАРЕИ

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ

Н. ЗЕЛАНДА.

ОМСКЪ.

Типогр. Окружн. Школа.

1888.

КАША

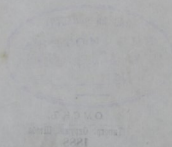
И

ПЕРВЫЙ ТИП-ШАН

Печатано по распоряжению Западно-Сибирского Отдела Императорского
Русского Географического Общества.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Н. Звезда

ОТЧЕТЫ

1.	I. Отчет о работе за 1911 год
12.	II. Отчет о работе за 1912 год
42.	III. Отчет о работе за 1913 год
83.	IV. Отчет о работе за 1914 год
108.	V. Отчет о работе за 1915 год
125.	VI. Отчет о работе за 1916 год
140.	VII. Отчет о работе за 1917 год
163.	VIII. Отчет о работе за 1918 год
186.	IX. Отчет о работе за 1919 год

КАШГАРІЯ И ПЕРЕВАЛЫ ТЯНЬ-ШАНЯ.

ПУТЕВЫЯ ЗАПИСКИ

Н. ЗЕЛАНДА.

I.

ОТЪ ВЪРНАГО ДО НАРЫНА.

Причина путешествія. — Тянь-шань и Семирѣчье. — Отъѣздъ. — Пишпекъ. — Токмакъ. — Буйакское ущелье. — Джунанъ-Арыкъ. — Барантая. — Долонскій переваль. — Оттукъ. — Нарынъ. — Піонеры цивилизаціи. — Мусульманскій разсказчикъ.

Около 20-го августа 1886 г. получено было въ Верномъ¹⁾ извѣстіе отъ Императорскаго Россійскаго Консула въ Кашгаръ, что въ городъ Аксу, находящемся въ томъ же Кашгарскомъ намѣстничествѣ, открылась сильная холера. Такъ какъ Кашгарія находится въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ нашими Семирѣченскою и Ферганскою областями, то необходимы были безотлагательныя мѣропріятія, чтобы предупредить нашествіе эпидеміи на нашу территорію, откуда она затѣмъ могла даже дойти до Европы. Но одновременно съ санитарными распоряженіями на случай холеры необходимо было констатировать самый фактъ, т. е. дѣйствительно-ли свирѣпствовавшая въ Аксу болѣзнь была холера. Такъ какъ во всей Кашгаріи нѣтъ научно-образованныхъ врачей, то повѣзка туда кого-либо изъ нашихъ врачей сдѣлалась необходимою. День спустя послѣ сообщенія извѣстія о холерѣ высшему начальству, было получено по телеграфу распоряженіе о командированіи меня въ Кашгарію.

¹⁾ Главный городъ Семирѣченской области.

На сборы въ это неожиданное и отчасти трудное путешествіе я имѣлъ недѣлю, или, точнѣе говоря, 4 дня, такъ какъ первые три дня прошли въ различныхъ административныхъ распоряженіяхъ, въ писаніи всевозможныхъ инструкцій, циркуляровъ, отчетныхъ вѣдомостей и т. д.

Семирѣчье и Фергана въ сущности близкіе сосѣди Кашгаріи, или т. н. Восточнаго Туркестана, но попасть изъ первыхъ въ послѣднюю труднѣе, чѣмъ проѣхать тысячу верстъ по Европѣ или Сибири, потому что между ними поднимается гигантская стѣна Тянь-шаня или *Небесныхъ горъ*. Этотъ хребетъ, или, точнѣе, эта система хребтовъ въ длину раскинулась на 2000 вер., въ вышину уступаетъ только Гималаю. Со-сѣдственныхъ его вершинъ низвергаются въ обѣ стороны множество потоковъ, которыми питаются стекающія у подножія хребтовъ долины и степи. Сѣверная или русская сторона Тянь-шаня богата растительностію (не лѣсною, впрочемъ) и ея предгорія и низменности по климату, по количеству воды и плодородныхъ участковъ, а отчасти и по минеральному богатству, представляютъ вполне годный для культуры край.

Восточная часть этой полосы, т.-е. Семирѣчье лишь съ четверть вѣка тому назадъ примкнула къ культурнымъ странамъ, ставъ достояніемъ Россіи. И теперь еще, какъ тысячу лѣтъ тому назадъ, киргизскій кочевникъ пасетъ свои стада въ степяхъ и долинахъ Семирѣчья, раскидывая то тутъ, то тамъ, свое подвижное войлочное жилище. Но уже двинулись колонизировавшія нивы въ травяныя пустыни, поднялись окруженные садами города и селенія, надъ потоками повисли мосты, по широкимъ дорогамъ тянутся обозы и гремѣтъ почтовый колокольчикъ, нескончаемая вереница телеграфныхъ столбовъ шагаетъ черезъ горы и равнины и соединяющая ихъ проволока поетъ пустынь свою таинственную пѣсню. Жаркое и продолжительное лѣто при умѣренной зимѣ, обиліе дѣственной почвы и возможность орошенія полей и садовъ гор-

ной водой, какъ необходимая гарантія отъ капризовъ погоды—составляютъ условія, по которымъ эта страна способна быть преимущественно земледѣльческою. Пшеница, кукуруза, просо, рисъ¹⁾ даютъ великолѣпные урожаи; вѣрненскій табакъ начинаетъ составлять себѣ извѣстность; Каракольскій и Лепсинскій медъ почти не имѣетъ себѣ равныхъ; въ садахъ и огородахъ Вѣрненскаго и Токмакскаго уѣздовъ зреютъ превосходные яблоки, персики, дыни, арбузы и проч., даже въ горахъ растутъ довольно порядочные яблоки²⁾ и урюкъ (мелкіе абрикосы). Клеверъ скашивается 3 раза въ годъ, а деревья садовъ и аллей растутъ съ неслыханною въ Европѣ быстротою.

Не первый годъ уже тянутся сюда переселенцы изъ Россіи и Сибири, кромѣ дунганъ и таранчей изъ Кульджи, и можно сказать, что это одна изъ тѣхъ окраинъ, которая для русскаго представляетъ подобіе того, чѣмъ бываетъ Америка для западнаго европейца. Много уже захудалыхъ и приниженныхъ мужичковъ почувствовали себя здѣсь людьми и зажили такъ, что „одна рука въ потокъ, другая въ меду“. Нищета здѣсь почти неизвѣстна, она составляетъ единичное и обыкновенно переходное явленіе, чаще всего относящееся къ людямъ вновь прибывшимъ, или къ пьяницамъ, лѣнтяямъ и тому подобнымъ чуждымъ субъектамъ. Правда, есть въ здѣшнемъ быту еще темныя пятна—отсутствіе гласныхъ судовъ и обиліе кабаковъ, этой всероссійской язвы. Кромѣ того, слишкомъ мало развита промышленность, техническое обученіе юношества, земская санитарная часть и нѣкоторыя другія статьи. Все—это предметы, заслуживающіе полнаго вниманія администраціи и общества. Невниманіе къ нимъ неминуемо приведетъ край къ упадку, тогда какъ легко было бы

¹⁾ Рисовыхъ полей здѣсь до сихъ поръ немного; разведеніемъ его занимаются дунгане Токмакскаго уѣзда.

²⁾ Оттуда старинное названіе Вѣрнаго—*Алматы*.

бы, напротивъ, возвысить степень его процвѣтанія¹⁾.

Я отправился изъ Вѣрнаго въ двухъ экипажахъ, изъ которыхъ одинъ назначался для фельдшера съ аптекою. Прежде всего надлежало проѣхать въ укрѣпленіе Нарынъ, чрезъ которое проходитъ наиболее удобный изъ 4-хъ караванныхъ путей, существующихъ между Кашгаріей—съ одной стороны, Ферганою, Семирѣчьемъ и Кульджею съ другой. Почтовая дорога изъ Вѣрнаго идетъ сначала степями вдоль подножія *Алатау* (одного изъ хребтовъ Тянь-шаня) чрезъ городъ *Пишпекъ* и селеніе (върѣе посадъ) *Токмакъ*, затѣмъ чрезъ Буамское ущелье поднимается къ озеру *Иссыкуль*, но оставляя его вълѣво, продолжая подниматься по р. Чу и ея притокамъ къ Нарыну. Время было жаркое, сады еще нескинули

1) Строки эти были написаны до катастрофы, постигшей городъ Вѣрный и нѣкоторые другіе мѣста Семирѣчья въ маѣ 1887 г., но, тѣмъ не менѣе, я и теперь считаю, что землетрясенія не составляютъ препятствія для заселенія этого края. Ничего нѣтъ грустнѣе мысли о внезапномъ разрушеніи цвѣтущаго города, подвергшагося, какъ-бы дѣйствию бомбардировки, а безвременно погибшія жертвы какъ-бы обвиняютъ нашихъ пионеровъ въ слишкомъ поспѣшномъ занятии новыхъ странъ. Но первыя впечатлѣнія не могутъ дать вѣрнаго понятія о сущности дѣла. Туркестанъ (къ которому примыкаетъ Семирѣчье) всегда былъ театромъ періодическихъ землетрясеній, что, однако, не помѣшало ему быть искони населеннымъ и богатымъ краемъ. Бѣда лишь въ томъ, что русскіе, какъ недавніе пришельцы, еще недостаточно знакомы съ мѣстной природой и поэтому не приняли надлежащихъ предосторожностей при постройкѣ домовъ, что впродъ конечно будетъ иначе. Извѣстно, что даже во время послѣдней катастрофы деревянные дома не пострадали. Строить здѣсь изъ дерева уже давно запрещено, за малочисленностію лѣсовъ, но есть способы, при которыхъ каменные стѣны укрѣпляются перекладинами настолько, что онѣ не падаютъ при землетрясеніяхъ. Такъ, въ Пишпекскомъ уѣздѣ, дунганская деревня, въ которой избы были построены въ этомъ родѣ, осталась цѣла въ 1885 г., въ то время какъ сосѣднія русскія деревни были разрушены. Кромѣ того, не слѣдуетъ строить многоэтажныхъ домовъ.

своихъ зеленыхъ кудрей, на пашняхъ, бахчахъ и огородахъ лежащихъ по дорогѣ селеній и хуторовъ кипѣла дѣятельность, а киргизы еще не возвращались изъ своихъ лѣтнихъ кочевыхъ.

До Буамскаго ущелья, которымъ поднимаются въ Иссы-кульскій край, вѣзда бываетъ благополучная; но тутъ начинаются препятствія. Знаменитое это ущелье¹⁾, тянущееся верстѣ на 70, до сихъ поръ не поддавалось почтовымъ регламентамъ и подносило путнику первый образчикъ „нецивилизованной“ дороги. Въ этотъ конецъ мнѣ еще пришлось ѣхать старой дорогой. Скатерть ея вилась то вверхъ, то внизъ, тѣнясь узенькой полоской у самой скалы, откуда мѣстный терминъ „карнизъ“. Карнизъ этотъ мѣстами такъ узокъ, что двумъ тарантасамъ невозможно было-бы разъѣхаться; наружный край не защищенъ ничѣмъ, а внизу, подъ бокомъ, склистая крутизна и бездна, на двѣ которой бушуетъ бѣшеная Чу. Дорога въ иныхъ мѣстахъ завалена камнями, во время большихъ дождей даже бываютъ обвалы и тогда вѣзда бываетъ опасна. Неособенно хороша она и въ сухую погоду ночью и зимою въ гололедицу. Впрочемъ, несчастій до сихъ поръ насчитывается очень небольшое число. Давно, какъ-то, говорятъ, свалился въ бездну экипажъ съ цѣлою купеческою семьею, которая, разумеется, моментально погибла. Въ прошедшемъ году во время гололедицы свалилась арба съ бочками и лошадьми, но безъ людей, такъ какъ воячикъ шелъ пѣшкомъ. Съ двухъ послѣднихъ станцій запрягаютъ по 5 лошадей въ тарантасъ для втаскиванія его на крутизны и часто тормозятъ на спускахъ. Въ настоящее время начали дѣлать дорогу внизу у самого берега Чу, причемъ саперы предварительно производили взрывы, и на обратномъ пути мнѣ пришлось ѣхать уже на половину по нижней дорогѣ, что оказалось значительно лучше. За неприят-

¹⁾ Буамъ есть испорченное слово *Бомо*, что по-монгольски означаетъ „прорывъ“.

ности тряской и медленной фазы путника вознаграждает величественно-живописный видъ этого ущелья. По обѣ стороны воздвигаются исполинскія, усеянные обломками, скалы разнообразнѣйшихъ оттѣнковъ—сѣрыя, бѣловатыя фіолетовыя, кирпично-красныя, черныя съ доскомъ, желтомшистыя. Мѣстами ютятся по расщелинамъ и бороздамъ ярко-зеленые оазисы. Вотъ, съ самаго гребня отвѣсной стѣны, на разныхъ высотахъ, смѣло выступаютъ уединенные стройные тополи, пятою держась за какую-нибудь тѣнистую складку горы, верхушкой поблескивая на утреннемъ солнцѣ, а внизу надъ самой рѣкой стоитъ семья ихъ товарищей, задумчиво всматриваясь въ шумящій потокъ и слегка потряхивая зелеными кудрями. Мѣстами съ высокаго ребра горы отвѣсно низвергаются въ потокъ серебряныя водяныя жилы. Съ высокихъ точекъ дороги киргизы, работающіе на нижней дорогѣ, кажутся муравьями. Надъ грохотомъ потока, криками ямщиковъ и звономъ колокольчиковъ по временамъ раздается острая нота орла или карканіе вороны. На самыхъ узкихъ мѣстахъ случалось мнѣ сталкиваться съ караванами перекочевывающихъ киргизовъ, или торгующихъ сартовъ, ѣдущихъ изъ Нарына или Каракола. При такихъ встрѣчахъ интересно наблюдать, какъ мастерски въюнныя и верховыя животныя—верблюды и лошади, ослы и быки—ухитряются увертываться, съезживаться, чтобы дать мѣсто и экипажу и самимъ не упасть въ пропасть. Однѣ ютятся кнутри, какъ-бы приростая къ скалѣ, другія цѣпляются по наружному краю. Особенно припоминаю я одного быка, который съ тяжелымъ въюкомъ на спинѣ самымъ философическимъ шагомъ прошагалъ, какъ-бы по рубцамъ башни, по шаткимъ камнямъ, окаймляющимъ дорогу надъ самымъ обрывомъ.

Буамское ущелье недаромъ названо прорывомъ. Оно какъ-бы прорублено поперекъ *Александровскаго хребта* и представляетъ такимъ образомъ великолѣпный разрѣзъ составляющихъ его породъ—кристаллическихъ, метаморфиче-

скихъ и осадочныхъ. Ущеліе рѣки *Теректы*, впадающей въ Буамъ, замѣчательное по залежамъ *каменнаго угля*, которыя лежатъ 4-мя пластами, сопровождаясь песчаникомъ. Въ Буамѣ же находится мощныя залежи *шпеса*, прикрытыя конгломератами (Мушкетовъ). Кстати сказать, известковыя породы, какъ и вообще осадочныя, здѣсь по *Чу*, *Качкаръ* и *Нарыну* появляются чаще, чѣмъ въ восточной части Тяньшанскихъ хребтовъ. Изъ растений здѣсь въ первые въ дикомъ состояніи встрѣчается *фисташковый* кустарникъ, который въ разныхъ мѣстахъ югозападной части Семирѣчья (Пишпекъ и Токмакъ) разводится въ садахъ.

У верхняго устья Буама стоитъ станція *Кутемалды*. Здѣсь начинается Иссыкульская долина, лежащая слишкомъ на 5000 ф. надъ уровнемъ моря. Отъ Кутемалды идутъ двѣ дороги: одна нѣмѣю вдоль озера Иссыкули, на берегахъ котораго расположены зажиточныя русскія селенія и городъ Караколь, другая направо по безплоднымъ и пустыннымъ берегамъ Чу и приговымъ Нарына, къ укрѣпленію Нарынъ.

Станція Кутемалды настолько пострадала отъ прошлаго землетрясенія, что комнаты для проезжающихъ до сихъ поръ не имѣется, ее замѣняетъ всегда готовая къ услугамъ въ здѣшнемъ краѣ войлочная юрта, въ которой поставлена и желѣзная печка. Если провѣзій въ Буамъ приходитъ къ убѣжденію, что дорога могла-бы быть получше, то далѣе вверхъ онъ теряетъ всякія воспоминанія о томъ, что бывають на свѣтѣ удобо-проезжаемыя дороги. Большая часть этого пути (6 станцій) въ данное время могла быть скорѣе всего названа пашьмой надъ дорогой. Уже на второмъ перегонѣ (отъ Куябельтинской до Ортъ-Токайской станцій) дорога пролегаетъ частію по кочковатымъ болотистымъ мѣстамъ, частію по заваленному крупными камнями берегу рѣки. Но самый букетъ начинается отъ Ортъ-Токай по ущелію *Джусванъ-Арыкъ*. Вкусивъ уже на предыдущей станціи

удовольствіе костоломной тряски, я предпочелъ ѣхать верхомъ впереди тарантаса. Выѣхать пришлось подъ вечеръ и при неводной медленности движенія скоро застала насъ темнота. Трудно придумать болѣе пустынную и дикую мѣстность. Все время дорога вѣтся по узкой береговой полосѣ на днѣ узкаго ущелья, которое какъ-бы рассчитано только для пропуска бурнаго потока, но никакъ не для людскихъ прогулокъ. По обѣ стороны голыя темныя скалы такой высоты, что нужно было далеко назадъ закидывать голову, чтобы увидать верхніе ихъ зубцы и между ними крошечную заставску ночнаго неба. Дорога и бока скалистыхъ стѣнъ, устланы темными обломками всевозможныхъ формъ и величинъ. Стѣна, притискивающая дорогу къ рѣкѣ, мѣстами отвѣсная, мѣстами даже надвигается. Въ иномъ мѣстѣ противоположныя стѣны до того сдвигаются, что казалось просвѣта впереди уже нѣтъ и дорога ведетъ въ какую-то подземную трубу. Подъ самымъ ухомъ назойливый шумъ Джувана, кругомъ ни птицы, ни насѣкомаго, ни растительности, а торчавшіе кое-гдѣ внизу изолированныя пучки сухой и желтой травы скорѣе усугубляли печальный видъ этого пейзажа. Экипажъ далеко отсталъ, и я одинъ съ моею лошадью оживлялъ это мертвое царство. Когда взошла луна, ее самой невидно было изъ-за гигантскихъ стѣнъ, но косыя полосы свѣта, падая на скалы и трещины, придавали имъ еще болѣе фантастическій и мрачный видъ. Нѣкоторые камни блистали металлическимъ блескомъ.

Я могъ сказать стихами Данте:

*Come noi fummo giù nel pozzo scuro
Edimirava ancora all'alto muro*¹⁾.

(Inferno CXXXII).

И вообще картина этого ущелья мнѣ напоминала иллюстраціи Густава Доре къ I части Божественной комедіи.

¹⁾ Когда мы находились внизу въ темномъ колодезѣ

И я еще созерцалъ его высокія стѣны....

Весьма возможно, что самъ поэтъ почерпнулъ часть красокъ, которыми онъ въ различныхъ мѣстахъ рисуетъ пейзажи Ада, въ дикихъ горныхъ мѣстностяхъ, наприм. во время путешествія его черезъ Альпы. Здѣсь и какъ-бы изображалъ Данте, вѣстующаго въ царство тьмы, но роль Виргилія на этотъ разъ приняла на себя лошадь, вводившая меня въ различные ярусы ада; была, впрочемъ, и та разница, что поэтъ спускался все ниже и ниже, а мы все выше и выше поднимались, по временамъ лишь спускаясь въ крутыхъ склонахъ. Въ стѣнахъ Джуванъ-Арыкского ущелья выступаютъ темнокѣтныя кристаллическія породы — гранитъ, сіенитъ, диоритъ и того же цвѣта тальково-кремнистаго (сланца¹). Мѣстность эта, впрочемъ, не вездѣ такъ безплодна и пустынна, какъ по дорогѣ. На крышѣ этихъ скалъ, обрывающихся къ ущелью стѣнами въ 1000 и 1500 фут., есть пастбище, тамъ гуляетъ *кормій козла* (тэкъ) и бываютъ киргизскія кочевки. Горное дѣло имѣетъ здѣсь будущность; въ горахъ этихъ есть богатая залежь *каменной соли*, въ особенности долина рѣки Чу наполнена соленосными глинами. Неподалеку отъ Кумбель-аты она теперь уже добывается.

Наконецъ мы разстались съ Джуванъ-Арыкомъ²), который остался вѣтвомъ, и поздно вечеромъ добрались до станціи, расположенной на пустынной, кругомъ закрытой голыми горами, площадкѣ съ малой рѣчкой по срединѣ. Грунтъ здѣсь уже необыкновенно плотный, каменно-глинистый. На этой станціи, въ одной крошечной комнатѣ, снабженной, впрочемъ, ширмою, стѣнными часами и необходимою мебелью, пришлось пробыть долго, за недостаткомъ лошадей, благодаря двойному проходу почты и медленности сообщенія. Въ ясное прохладное утро отправились далѣе къ *Кара-уикурту*, куда первая половина дороги оказалась неожидан-

¹) Слывцовъ. Путешествіе по Туркестанскому краю* 1873 г.
²) Онъ и Кочкара, сливаясь, образуютъ рѣку Чу.

но удобною, но затѣмъ уже пришлось мнѣ пересѣсть на купленную дорогой киргизскую лошадь. Дорога на этомъ переходѣ продолжаетъ подниматься. Передъ въѣздомъ въ обширную Долойскую долину ямщики мнѣ заявили, что въ горахъ ее окружающихъ избрали себѣ притонъ киргизскіе *барантаци*, которые здѣсь стерегутъ проѣзжихъ сартовъ, дунганъ, вообще людей, у которыхъ не бываетъ оружія, и отбираютъ у нихъ лошадей и другое что найдется. Къ русскимъ не рѣшаются приближаться, такъ какъ у нихъ предполагается огнестрѣльное оружіе, сами же они вооружены большею частію только пиками. Дѣйствительно, когда мы въѣзжали, и наверху что-то зашевелилось, кучка всадниковъ стала тамъ разѣзжаться вверхъ и внизъ, взадъ и впередъ. Тѣмъ дѣломъ, разумѣется, и ограничилось, барантаци удовольствовались многозначительными взглядами, испосылаемыми въ нашу сторону, а въ отвѣтъ получили насмѣшливыя улыбки нашихъ ямщиковъ. Вообще, не смотря на преслѣдованій со стороны администраціи, баранта въ разныхъ отдаленныхъ уголкахъ Семирѣчья еще не совсѣмъ угасла, выражаясь то тутъ, то тамъ вооруженнымъ грабежомъ скота, но до смертоубійства дѣло рѣдко доходитъ.

Когда мы въѣхали на *Долойскій перевалъ*, мы застали по бокамъ горы почти урсамой дороги снѣгъ. И немудрено, перевалу этому считаютъ 9800 футовъ надъ уровнемъ моря. Отъ него, какъ отъ узла, направляются въ разные стороны нѣсколько хребтовъ. Одно изъ нихъ, *Оттурк*. Здѣсь глазамъ неожиданно представились оживленные, болѣе мягкія картины. Появилась невиданная съ самаго *Вѣрнаго ема*. Вообще дѣла есть только по сѣвернымъ склонамъ Тянь-шани, и то въ такихъ мѣстахъ, гдѣ больше атмосферныхъ осадковъ, вслѣд-

ствіе встрѣчи теплаго западнаго и холоднаго восточнаго вѣтровъ; снѣга въ свою очередь способствуютъ накопленію влаги. Сначала стали встрѣчаться ели разбѣянными кучками, въ видѣ застрѣльщикова, потомъ цѣлымъ лѣсомъ, живописными группами распределѣннымъ по бокамъ и верхушкамъ горъ съ обѣихъ сторонъ. Въ одномъ мѣстѣ онѣ въ разсыпную, широкимъ потокомъ спускаются съ горы, въ другомъ стоитъ правильными шеренгами, одна надъ другою, какъ ряды солдатъ, въ третьемъ изъ каждой складки горной стѣны до самаго верха выглядываетъ зеленая ватага елей. Въ промежуткахъ лѣса красовался яркозеленый коверъ альпійскихъ травъ, кое-гдѣ подернутый золотистымъ оттѣнкомъ осени, а изъ-подъ нихъ мѣстами видѣлись обнаженные участки хребта, въ видѣ сѣрыхъ синеватыхъ красныхъ зубцовъ и морщинистыхъ полосъ горнаго известняка и песчаника. Мысли въ головѣ челоуѣка перекрещиваются неожиданнѣйшимъ образомъ: при взглядѣ на одно мѣсто этого ущелья мнѣ вдругъ вспомнился альпійскій видъ, видѣнный мною еще въ дѣтствѣ на картинкѣ, изображавшей Генриха IV въ видѣ пилигрима, когда онъ столь жалостнымъ образомъ отправлялся чрезъ Альпы на поклонъ къ Гильдебранту. Кстати здѣшніе пейзажи дѣйствительно напоминаютъ альпійскіе, какъ они мнѣ представились при проѣздѣ изъ Вероны чрезъ Бреннеръ въ Баварію.

Подѣзжая къ станціи, я увидѣлъ давно невиданныя бревенчатыя избы, изъ которыхъ одна занята станціею. Значить лѣсу здѣсь вдоволь. Въ горахъ, у подножій которыхъ расположенъ Вѣрный, словаго лѣса столько, что онъ служитъ украшеніемъ пейзажа, но строить деревянные дома тамъ, какъ и въ остальномъ Семирѣчѣ, запрещается.

Слѣдующая станція—опять новый дорожный курьозъ: по дну ущелья, Оттукъ бѣжить до того извилисто, что приходится перезакатывать въ бродѣ болѣе 30 разъ. Вода мѣстами лошади по брюхо, но это считается низкая вода. А что зна-

сколько крѣпостной артиллеріи; все это можетъ быть, страшнымъ только для азіятовъ, но это только и требуется. Нарынъ, по отдаленности и по пустынности своей, одно изъ тѣхъ вѣликихъ мѣстъ нашихъ окраинъ, которыхъ служанціе нами обыкновенно избѣгаютъ, какъ ссылки на поселеніе. Что дѣлать безъ этихъ мѣстъ нельзя, — они передовыя звенья той цѣпи русскихъ поселеній, которая выдвигается въ мусульманскій и китайскій востокъ, шагъ за шагомъ, отвоевывая почву отъ азіятскаго варварства. Что эти слова не слишкомъ сильны, мы увидимъ ниже. Мнѣ кажется, что каждый, кто прожилъ годъ — другой въ такихъ мѣстахъ, нѣкоторымъ образомъ заслуживаетъ право на названіе пионеръ цивилизаціи, и было бы справедливо, чтобы служба въ такихъ изолированныхъ пунктахъ, по крайней мѣрѣ, пользовалась нѣкоторыми привилегіями, которыхъ, однако, до сихъ поръ нѣтъ. Нигдѣ, какъ въ этихъ бездоленныхъ утлахъ, вся атмосфера зависитъ отъ качествъ мѣстнаго старшаго начальства. Въ этомъ отношеніи чувствую настоящее время Нарынъ счастливъ. Вліяніе К. А. Давыдова, срединащаго образованіе и знаніе края, съ достоинствомъ характера, можетъ быть названо благотворнымъ. Въ этомъ ему помогаетъ и его супруга, которая въ прежнее время сопровождала его во всѣхъ экспедиціяхъ для исследования этого края въ топографическомъ и метеорологическомъ отношеніи. По поводу этого скажу еще нѣсколько словъ. Самое поселеніе Нарынъ, находящееся вѣдь укрѣпленія, довольно приличное и почти исключительно торговое. Нѣсколько длинныхъ, широкихъ и чистыхъ улицъ, дома сырцовокирпичные, съ плоскими крышами и палисадниками. Зеленъ послѣднихъ — преимущественно ива — оказалась еще свѣжею. Главная улица представляетъ гостиницъ дворъ, лавки которыхъ исключительно азіятскія, а хозяева ихъ частью татары, большею же частью черномородые сарты въ халатахъ и чалмахъ; здѣсь проходитъ главная часть товаровъ изъ Кашгара. Всѣхъ торговцевъ считаютъ до 300. Сюда привозятъ

Окрестности Нарына непривлекательны. Котловина, окруженная голыми желтовато-сѣрыми горами, по недостатку открытаго горизонта названная солдатами «карцеромъ». Въ некоторомъ отдаленіи въ горахъ есть нѣсколько пятнышекъ низкорослаго ельника. Почва замѣчательно плотная, состоящая изъ суглинка и перемежку съ мелкой галькой. Вода относительно богата известью, которой вообще въ здѣшнихъ горахъ довольно. Есть, между прочимъ, богатая залежь алебастра. Климатъ, вслѣдствіе высокаго положенія (7000—8000 фут. надъ уровнемъ моря), очень холодный; капуста здѣсь не вызрѣваетъ, а картофель бываетъ немногимъ болѣе дѣлаго орѣха. Благодаря холодности климата, плотности почвы, отсутствію болотъ, сравнительно чистой водѣ, ширинѣ и чистотѣ улицъ, Нарынъ остается однимъ изъ болѣе здоровыхъ мѣстъ. Семирѣчье, о немъ, между прочимъ, свидѣлствуетъ экономическій запасъ хищина, накопившійся въ аптекѣ лазарета, тогда какъ въ большинствѣ остальныхъ нашихъ лазаретныхъ аптекъ въ немъ постоянный недостатокъ. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что вновь пріѣзжіе здѣсь нерѣдко страдаютъ нервными припадками—головною болью, чувствомъ одышки и безпредметной душевною тоскою, что отчасти объясняется высотой мѣста, а также отъ извѣстнаго вліянія отъ холода и отъ недостатка воздуха.

Во время прогулки по Нарынскому гостининому двору пришлось мнѣ быть свидѣтелемъ сцены въ восточномъ вкусѣ. Смаейки, ступеньки и завалинки передъ нѣсколькими лавками посыпаны халатоносной публикой. Отъ бѣлобородыхъ старцевъ въ бѣлыхъ чалмахъ до босоногихъ мальчишекъ все сидятъ, какъ окаменѣлые, приковавъ взоры къ человеку, ходящему взадъ и впередъ по улицѣ, на нѣкоторомъ разстояніи отъ лавокъ. Субъектъ этотъ въ бѣлой чалмѣ съ желтымъ кушакомъ и въ шелковомъ халатѣ, громкимъ голосомъ что-то рассказываетъ. То онъ остановится, протягивая руки впередъ, надсаживая голосъ и вытупляя глаза, то пойдетъ ускѣ-

рѣннымъ шагомъ, говоря скороговоркой, то сидеть, какъ-бы въ задумчивости, говоря чуть-ли не шепотомъ, то опять войдетъ въ павосъ, словомъ импровизируетъ что-то очень трогательное. Это, оказывается, былъ странствующій рассказчикъ или лекторъ, преподающій легенды изъ житія мусульманскихъ святыхъ. Ремесло это очень выгодное, рассказчика носятъ на рукахъ и хорошо одариваютъ.

II.

ОТЪ НАРЫНА ДО КАШГАРА.

Дорожныя приготовленія.—Атбани.—Маршрутъ чрезъ Тянь-шань.—Пасокогоріе Каракоинъ.—Курганы и некрополи.—Разсказы джигита.—Природа Каракоина.—Сурки и сѣрый медвѣдь.—Пѣсни казаковъ и разсказы Семенина. Холодные почлеги и горная тоска.—Голость верблюда.—Ташрабатская долина и древній монастырь.—Припадокъ горной болязни.—Выступленіе къ Ташрабатскому перевалу.—Разговоръ съ Мамекомъ и описаніе чорта.—Перевалъ и видъ на долину Чатыркуда.—Озеро Чатыръ-кузъ.—Волки.—Преимущества американскаго сѣдла.—Перевалъ Туругартъ.—Природа пасокогорія и Крыша міра.—Метель.—Гроза въ синевой тучъ.—Характеристика киргизовъ.—Природа долины Кююна и Суюка.—Бѣдность Чакмакъ.—Привалъ въ сакъ и китайскіе войны.—Селеніе Артышъ.—Лѣсъ и растительность кашгарскихъ оазисовъ.—Взглядъ въ Кашгаръ.

Какъ ни плохъ Нарынский почтовый трактъ, но все же онъ, по крайней мѣрѣ, почтовыми станціями своими напоминаетъ путешественнику, что послѣдній еще не совсѣмъ предоставленъ на произволъ судьбы. За Нарыномъ же, или точнѣе за Атбани, начинается пустынный, холодный и голодный, горный путь, на протяженіи котораго кое-гдѣ кочуютъ киргизы, въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ на нѣсколько дневныхъ переходовъ, даже ихъ нѣтъ. Нѣтъ ни домовъ, ни сѣстныхъ припасовъ. Движеніе совершается вьюкомъ по одному переходу, т.-е. верстъ по 25—30 въ день, для почлега полагается юрта, которую выставляютъ къ этому времени уведомленные впередъ киргизы, туда же достав-

лиоты и несколько хворосту и барановъ. Я, впрочемъ, приобрѣлъ въ Нарынѣ для себя малаго образца киргизскую дорту, известную подъ названіемъ *кожи*. Остовъ ея, какъ и въ большихъ, состоитъ изъ складной рѣшетки, и накрывается оны кошмами; послѣднія изъ въ Кангарѣ еще общилъ вторымъ слоемъ, въ виду предстоявшаго возвращенія. Для команды я взялъ кошменную же палатку. Подобныя подвижныя дома всегда слѣдуетъ имѣть съ собою въ такихъ путешествіяхъ, хотя-бы предвидѣлось выставленіе юртъ. Послѣдствія показали, что предосторожность моя была умѣстной. Караванъ нашъ состоялъ изъ 4-хъ вьючныхъ верблюдовъ и 12 всадниковъ, т.-е. кромѣ меня, фельдшера и денщика, было 6 конныхъ казаковъ, 2 киргизскихъ джигита, знавшихъ дорогу, и одинъ верблюдовожатый. Первый поелгъ представлялъ еще нѣчто среднее по части удобствъ. Это тоже была войлочная юрта, но большая и плотная, выставленная на дворѣ аксакада селенія Атбаша, находящагося верстахъ въ 45-ти отъ Нарына, у подошвы сѣвернаго склона хребта Атъ-баштау, въ очень высокой (около 7500 фут. надъ уровн. моря), но, тѣмъ не менѣе, плодородной долинь, которая при томъ снабжается словымъ лѣсомъ изъ ближайшихъ горъ¹⁾. Здѣсь домовъ до 80, населенныхъ сартами и татарами, которые отчасти живутъ торговлей съ киргизами, но кромѣ того съюють ячмень, пшеницу и клеверъ. Передъ нашимъ прїѣздомъ только что окончилась атбашская ярмарка, гдѣ киргизамъ сбываются русскіе и кашгарскіе товары, изъ послѣднихъ преимущественно хлопчатобумажныя ткани (мата и даба).

Дѣй до известной степени параллельныя дороги ведутъ отъ Нарына къ Кангару: первая черезъ перевалы Богущы и Теректы, вторая черезъ перевалы Ташъ-рабатъ и Тургутъ, мимо озера Чатыръ-куля; послѣдній путь былъ

¹⁾ Существуетъ проектъ перенесенія Нарынского укрѣпленія въ это мѣсто. Оно дѣйствительно лучше перваго во многихъ отношеніяхъ.

нашъ имѣть немного длиннѣе, но зато говорить удобнѣе (22) первого въ данное время года. Почти на половинѣ этихъ дорогъ, перерывъ высокая переваля Тургутъ и Теректъ, проходить русско-китайская граница. Стадо-бытъ, первая половина дороги поднимается по северной, вторая спускается по южной сторонѣ Тянь-шаня. Этотъ громадный азиатскій хребетъ Средней Азійи вообще отличается скудо-етію лѣсовъ, суровыми и пустынными видами, но все это на северной сторонѣ выражено еще въ болѣе мягкой формѣ. Подъемъ до подножія Тянь-рабатъ продолжался два дня. Дорога идетъ болѣею частію высокими обширными долинами, иногда ущельями, часто приходится переѣзжать въ бродъ различныя рѣчки, впадающія въ рѣку Атъ-банъ (притокъ Нарына). Часть пути лежатъ вдоль р. Каракоина, потомъ по р. Тянь-рабату. Въ среднѣе дня бывало почти жарко, но какъ только приближался часъ заката, то чувствовался рѣзкій холодъ.

Дни были ясные и небо голубое. Последнее, по крайней мѣрѣ, приятно разнообразило общій печальный сѣроватый колоритъ ландшафтовъ. Горы, ограничивавшія горизонтъ по обѣ стороны, частью выставили сѣрые мысы, частью были покрыты сѣро-желтой травой, степь поросла сѣровато-желтымъ чіемъ, мѣстами вдали видѣлись сѣрыя юрты киргизскаго аула, наконецъ, попадавшіеся по временамъ жилища мертвыхъ имѣли тотъ-же цвѣтъ. Вообще вездѣ, гдѣ есть киргизы, нерѣдко встрѣчаются ихъ мѣста погребенія, окруженныя грубой работы глиняными стѣнами, съ башенками по угламъ. Иногда эти кладбища прямо имѣютъ видъ некрополей, что встрѣчалось и здѣсь: вы видите куполы съ открытыми входами, балкончики, разные выступы, терраски и пристроекки, — словомъ, приспособленія, какъ-бы для живыхъ людей, на самомъ же дѣлѣ это — царство покойниковъ, возвышающееся среди безмолвной пустыни. Архитектурныя издѣ-

ли эти, конечно, очень грубой работы, все изъ глины. Одинъ изъ нашихъ джигитовъ, словоохотливый и подвижной Мамётъ, между прочимъ, пояснилъ намъ, когда мы проѣзжали мимо одного такого некрополя, что иногда покойники встаютъ и блуждаютъ по окрестностямъ, въ особенности замѣчено, что если похороненъ человѣкъ, оставшійся кому-нибудь долженъ, то онъ не можетъ успокоиться и блуждая издаетъ крики „отдамъ, отдамъ!“ Нужно замѣтить, что киргизы вообще очень совѣстливы въ отдачѣ долговъ; происхождение подобныхъ разсказовъ, вѣроятно, въ связи съ этой чертой ихъ характера. Кромѣ того, встрѣчаются *куртаны*, происхождение которыхъ киргизы приписываютъ жившимъ здѣсь прежде калмыкамъ. Они сложены изъ камней, которые мѣстами еще выступаютъ правильными рядами, но все засыпалось землею.

Грунтъ, которымъ мы ѣхали, большею частью такой же плотный суглинистый, какъ около Нарына; онъ могъ-бы послужить для хорошей колесной дороги, только въ ущельяхъ много камня. Рѣка Каракойнъ въ теперешнемъ своемъ объемѣ и даже во время половодья, представляетъ сравнительно ничтожную жилку, текущую по широкому, усыпанному галькой, руслу. Въ отдаленныя времена здѣсь, повидимому, текла большая рѣка. Кромѣ преобладающей травы *чій*, попадается стелющаяся по самой землѣ очень мелкая полынь. Что касается *чій*, то меня удивляетъ, почему онъ заслужилъ ботаническое названіе *Lasia grossis splendens*, когда въ немъ рѣшительно ничего нѣтъ блестящаго. Скорѣе это прилагательное шло-бы къ *ковылю* (*stipa pennata*): бѣлые султаны этой красивой травы въ самомъ дѣлѣ какъ-бы блестятъ на солнцѣ, когда колышутся какъ волны на степномъ вѣтру. Здѣсь ковыля мало, однако, кое-гдѣ по горамъ видѣли его. Гдѣ по-сырѣе, тамъ попадаются карликообразный цвѣтущій *одуван-*

чутью, мелкие пчелки (*Potentilla*) красныя яголки *бульдургузи* (*Nitraria caspica*), имьюция по виду отдаленное сходство съ малиной; вкусъ ихъ сладковатый, но вообще неважный. Попадавшіяся въ ущельяхъ травы *молочай* въ это время года уже не содержитъ и слѣда молочнаго сока. Изъ животныхъ часто перебралъ черезъ дорогу черныи жуки изъ породы *Carabus*, иногда прошмыгнетъ небольшая сѣрая *ящерица*. Разъ видѣлъ даже *бабочку* изъ рода — *Vanessa*. Часто попадаются *сурковыя* норы, самихъ же обитателей ихъ здѣсь не приходится видѣть, они въ это время уже почиваютъ зимнимъ сномъ. Лѣтомъ они обыкновенно съ любопытствомъ дожидаются проезжихъ у входа своего двorca и ватмъ съ рѣзкимъ свистомъ исчезаютъ. Немало здѣсь водится *волковъ*, *архаровъ* (горный баранъ, *Ovis Polii*), *норныхъ козловъ*; есть двѣ породы *медвѣдѣ*, черныи и сѣрыи. Сѣрый меньше перваго, по алге и иногда, говорятъ, нападаетъ на человека. Потомъ я видѣлъ такого медвѣдя въ Кашгарѣ, на цѣпи; онъ, дѣйствительно, очень свѣтлой масти, но скорѣе желтый, чѣмъ сѣрый. Даже когти у него были. Свѣрцовъ относитъ его къ горнымъ формамъ *ursus arctos*. Тяньшанскій медвѣдь осенью главнымъ образомъ питается сурками, которыхъ выкапываетъ изъ зимнихъ квартиръ въ состояніи спячки. Птицъ почти не видали, хотя вообще Тяньшанъ ими не бѣденъ. Многихъ, вѣроятно, уже не было, по случаю поздняго времени. Возможно, что спугнутъ вондо-ла, даи и чинна-вѣдъ и являи, дагтоа, вондо-ла. По возможности мы старались разнообразить себѣ монотонность путешествія. Между казаками были хорошіе цѣвцы. Бывало запоютъ хоромъ, о томъ, какъ мы воевали за Дарьей и т. д. или гдѣ мы были, гдѣ гуляли, или что служивый, закручинился, и т. п., и возны ихъ молодецкой пѣни раздвигались далеко во вѣтъ стороны, замирая въ ущельяхъ Каракоинскихъ горъ. Киргизскіе джигиты, въ особенности Мамѣкъ, обыкновенно вели оживленную бесѣду съ нами изъ русскихъ, которые знали по-киргизски. Къ послѣднимъ при-

надлежалъ фельдшеръ Байгуловъ, который всю дорогу служилъ намъ и переводчикомъ. По своимъ свойствамъ киргизамъ общительности, живости и жаждѣ къ новостямъ, насъ обыкновенно сопровождало еще человекъ 5—6 верхомъ, отъ ночи до утра. Вытянувшись впереди каравана въ шеренгу, эта почетная гвардія двигалась среди немолкаемыхъ разговоровъ, какъ будто въ нихъ не было ни одной минуты. Двое изъ казаковъ уже бывали въ Кашгарѣ, при конвой консула. Одного изъ нихъ, Семенова, добродушнаго, расторопнаго и наблюдательнаго парня, я видѣлъ сколько разъ, разспрашивая о Кашгарѣ, о конвойнѣ, кое-что разсказало про тамъ, о жизни. Говоря о кашгарцахъ, онъ болѣею частью, кажется, незаметно для него самого, называлъ ихъ «сартышками», и причемъ, впрочемъ, слышалось болѣе или менѣе добродушное пренебреженіе. О господяхъ же ихъ, т.-е. китайцахъ, онъ разсказывалъ съ болѣе замѣтнымъ отрицаніемъ, какъ-де они «идутъ въ всякую дерьмовую» и на закуску покуриваютъ «опіюну», какъ-то у нихъ офицеры и солдаты одѣты бабами, какъ тѣхъ и другихъ бьютъ палками, какъ они жестоко пытаютъ и казнятъ провинившихся, и т. д. и т. д. Прійдя на ночлегъ, для котораго, обыкновенно, назначалось какое-нибудь ущелье, пуставшія и безъобидныя караваны оживлялись. Я принимался за чай, казаки и киргизы разводили костры, варили баранину и чай, въ одной группѣ слышались оживленная гортанная трескотня и смѣхъ киргизовъ, въ другой шутки и хохотъ моей русской свиты, далѣе кругомъ ржанье лошадей, трубные звуки верблюдовъ и озабоченный лай слѣдовавшей съ нами казачьей собаки. Послѣдніе носили кличку «Кривой», по случаю помутнѣнія всей роговой оболочки одного глаза. Ночью казаки поочередно оставались на часахъ, что дѣлалось главнымъ образомъ для обереженія животныхъ, какъ-то отъ могущихъ слѣдить за караваномъ донокрадовъ, такъ и отъ волковъ. На этихъ при-

валахъ я, обыкновенно, не распидывалъ своего коша, а довольствовался юртой, которую приготавливали впереди прибывшие киргизы, команда же почевала въ своей войлочной палаткѣ. Неособенно привѣтливыми показались мнѣ эти ночлеги. Только что успѣешь согрѣться чаемъ, какъ уже начинается прокрадываться холодъ, температура юрты быстро опускается и скоро останавливается на 5 или 10°. У меня была възвѣска изъ Нарына, небольшая желѣзная печка, которая, бывъ единственнымъ мала, изъ дырявой юрты быстро все выносило. И она почти ничего не помогала: на разстояніи 1—2 аршинъ отъ нея термометръ поднимался всего на нѣсколько градусовъ, при томъ она дымилась. Поэтому я ее приказывалъ топить только рано утромъ, чтобы добиться хотя 4—5° передъ вставаньемъ. Въ палаткѣ, обыкновенно, скоро все умолкало; побѣ и панихищамъ, публика наша исчезала въ своихъ кошмахъ и тулупахъ. Я же не могъ такъ моментально отдаваться сну, а дѣлать, между тѣмъ, было рѣшительно нечего. Рука качалась надъ цисаціемъ, да и мысли не двигались въ такой атмосферѣ. Я оживалъ только на ночь, когда накрывался елоткой, которая гарантировала нормальную температуру, утромъ же вставалъ при 20° Рм. Все-таки это еще была благодать, въ сравненіи съ тѣмъ, что ожидало меня впоследствии. Этого очивидно, доводъ отъ итѣвца, омыдъ вала. И Непріятность этихъ Тяньшанскихъ вечеровъ увеличивалась тѣмъ, что меня по временамъ посѣщала безпредметная тоска—явленіе, не мною первымъ замѣченное при восхожденіи на высокія горы. Оно издавна возникло въ шатѣхъ, а въ по отавотоя дивдоде, аи, аиождри, аиияроти, аи, аиияллотур, аи. Утромъ, какъ только проберутся въ ущелья первые лучи солнца, все быстро оживаетъ и скоро напризыве крики верблюдовъ, которыхъ начинали выводить, пробуждали горное эхо. Замѣчательно, что голосъ этого животного никакъ не соответствуетъ его почтенному росту. Верблюдъ болѣею частью издаетъ дискантіи ноты. Когда онъ въ покоѣ, то

выпускается по временам односложный крикъ, похожій на звукъ брояка; когда же него словами *учонъ*, *чокъ* приглашаютъ опуститься на колѣна, для принятія груза, или когда приглашаютъ встать, нарушая его *dolce far niente* и то жеваніе жвачки, тогда у него выходятъ истинно комическіе звуки. Ворота мордуютъ направо, что на лѣво, и онъ производитъ какой-то плачь, похожій на хныканье капризнаго ребенка. Иногда онъ вдругъ вздохнётъ тономъ озабоченнаго старика. Если же вожакъ очёмъ-нибудь ему укажетъ очень надобно, что онъ его билъ, впадаетъ въ *ангелоскопическую* оторопь, и тогда онъ ударитъ себя по лбу, и тогда въ киваніи онъ скажетъ, что отъ Васъ Тангъ-рабатекомъ ущельи (или долины) пришлось сдѣлать двѣвку, отчасти, чтобы дать животнымъ время собраться съ силами для предстоящаго подъема, а отчасти, чтобы самимъ нѣсколько привыкнуться къ рѣдкости воздуха. Уже самое ущелье лежитъ по меньшей мѣрѣ на 11.000 футахъ. Пустынный, печальный видъ этой долины. Со всѣхъ трехъ сторонъ своихъ она окружена горами, отчасти покрытыми скудной пожелтѣвшей травой, а на сопкахъ усыпанными сѣномъ. День здѣсь значительно сокращается заслоняющей горной оградой, тѣмъ. Еще скорѣе охлаждается воздухъ. 9-го сентября, въ полдень, на солнцѣ было 12° R., ночью морозъ. Нельзя было найти болѣе подходящаго мѣста для той археологической рѣдкости, которая оказалась въ этой долинѣ и которую теперь опишу. Въ закрытомъ углу треугольника увидите непривычнаго вида посѣдѣвшее каменное зданіе. Оно представляетъ четырехугольникъ съ плоскимъ верхомъ, въ срединѣ котораго сидитъ, въ видѣ колпака, грубый полуразвалившійся куполъ. Въ внутренности зданія ведетъ единственный, довольно высокій сводчатый входъ, оконъ нѣтъ никакихъ. Входное отверстие есть начало корридора, который въ средней части зданія нѣсколько расширяется, перекрещиваясь съ другимъ болѣе короткимъ, и тѣмъ центръ образуется нѣчто въ родѣ

залы, которая приходится подъ куполомъ. Изъ нея въ четыре стороны идутъ сводчатые корридоры. Изъ передняго, т. е. входнаго, въ одну сторону идутъ еще боковые, болѣе узкіе корридоры. Какъ въ главныхъ, такъ и въ боковыхъ корридорахъ, замѣчаются въ стѣнѣ отверстія вышиною въ 1—1½ арш., которыя ведутъ въ глухія кельи. Кельи внизу четырехугольныя, кверху круглыя, сводъ у нѣкоторыхъ обвалился, тѣ же, въ которыхъ онъ сохранился, абсолютно темныя. Объемъ ихъ, судя по глазомѣру и намѣренію шагами, не болѣе 1 кубической сажени. Входить въ нихъ приходится сильно нагибаясь, а въ нѣкоторыя совсѣмъ полакомъ. Внутренность ихъ совершенно голая, нѣтъ ни слѣда каминовъ, паръ, нишъ и т. п. Все зданіе сложено изъ соединенныхъ цементомъ неправильныхъ кусковъ сиваго и красноватаго сланца, котораго много въ окрестностяхъ. Въ средней залѣ мѣстами сохранились куски грубой штукатурки, но какихъ-либо изображеній, какъ-то барельефовъ, надписей и т. п. въ настоящее время нѣтъ никакихъ. Но слѣшу прибавить переданное мнѣ подполковникомъ Волковымъ, который видѣлъ это зданіе въ 1871 г., т. е. 15 лѣтъ раньше меня: въ то время на штукатуркѣ можно было разобрать грубыя фигуры трехглаваго коня и пятиглаваго дракона. Надо полагать, что штукатурка съ этими изображеніями съ тѣхъ поръ обвалилась. Теперь можно увидѣть только какія-то арабскія надписи, сдѣланныя, очевидно, проѣзжими мусульманами какихъ-нибудь каравановъ, которые въ дурную погоду ставятъ лошадей подъ своды этой руины. Длина всего зданія около 48 шаговъ, ширина 36, высота купола аршинъ 12, высота главнаго корридора около 4. Кто построилъ это зданіе и какое было его назначеніе? Крѣпостью или частнымъ жилищемъ оно не могло быть. Тюрьмой еще меньше, — кому могла понадобиться тюрьма на такомъ отдаленномъ и неудобномъ мѣстѣ? Притомъ устройство келій не такое, какое бываетъ въ тюрьмахъ, наприм. нѣтъ слѣдовъ прикрѣпленія замковъ,

цней и т. п. Скорѣе всего на такомъ мѣстѣ можно было бы предположить домъ, устроенный для убѣжища каравановъ, которые дѣйствительно очень давно ходятъ этимъ путемъ. Но физіономія его совершенно особенная, вовсе не похожая на караванъ-сарай и рабаты, устроенные съ этою цѣлью. Кому могли придти въ голову затратить столько лишняго матеріала, чтобы сдѣлать въходы въ отдѣльныя кельи столь недоступными и совершенно изолировать его отъ свѣта? Въ среднемъ большомъ помѣщеніи и теперь въ непогоду укрываются караваны, но отдѣльными разбѣянными норами никто и не думаетъ пользоваться. Отдѣльные покои караванъ-сарая обыкновенно располагаются въ рядѣ, примѣсо двора или сѣней, а не причутся по извилинамъ узкихъ и темныхъ ходовъ. Если нужно было большее число отдѣльныхъ помѣщеній для проѣзжихъ, что, впрочемъ, тоже не въ обычаѣ у некультурныхъ народовъ, и при караванномъ способѣ передвиженій, то можно было бы употребить лишній матеріалъ для увеличенія наружной стѣны и расположить камеры вдоль двора или сѣней, что было бы неравненно удобнѣе и проще. Всего правдоподобнѣе, что это былъ родъ монастыря, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, подавалъ помощь и приютъ (въ сѣней залѣ) проѣзжимъ, но какой это могъ быть монастырь? Скитообразная форма главныхъ корридоровъ наводитъ на мысль о христіанахъ. Есть, дѣйствительно, основаніе допустить существованіе въ средніе вѣка христіанскихъ монастырей въ Семирѣчьи. Напримѣръ, одна изъ надписей недавно открытаго около т. Ниннека несторианскаго кладбища гласитъ: «это могила Шелиха, славнаго энзегета и проповѣдника, который просвѣтилъ весь монастырь свѣтомъ». Годы смерти въ доселѣ разобранныхъ надписяхъ простираются отъ половины 2 до 14 столѣтія. Древнѣйшія могилы этого кладбища глубже боясь новыхъ. Съ другой стороны извѣстно, что въ Камгаріи въ началѣ среднихъ вѣковъ процвѣталъ буддизмъ, который долго боролся съ мусульманствомъ и, въ

роятно, успѣлъ распространиться и на сѣверѣ по тѣмъ же путямъ, которыми шло христіанство, разносимое несторіанскими миссіонерами. Можетъ быть, фантастическія животныя, о которыхъ выше было упомянуто, скорѣе составляютъ намекъ на буддизмъ, хотя, впрочемъ, слѣдуетъ помянуть, что въ этихъ отдаленныхъ краяхъ и христіане иногда дѣлали уступки мѣстнымъ понятіямъ и обычаямъ. Но во всякомъ случаѣ нужно полагать, что если этотъ домъ служилъ постояннымъ мѣстопребываніемъ для какихъ-нибудь людей, обрѣкшихъ себя для служенія Богу и ближнимъ, то такихъ обитателей, вѣроятно, немного было на свѣтѣ.

Немало было отшельниковъ, которые жили въ пещерахъ, но это обыкновенно бывало въ странахъ южныхъ, гдѣ такой кровъ могъ дать лишь пріятную прохладу, притомъ въ пещерѣ, прямо выходящей на свѣтъ Божій, можетъ быть довольно еще свѣта. А тутъ, гдѣ климатъ, можно сказать, ползариный, гдѣ и топлива-то нѣтъ¹⁾, да и невидю рѣшительно никакихъ приспособленій для отопленія, а всякій другой способъ разведенія огня долженъ былъ повести къ удущенію въ этихъ каменныхъ ящикахъ! Лежа вечеромъ въ моемъ холодномъ войлочномъ отелѣ, я представлялъ себѣ каково было существованіе жильцовъ этихъ конуръ, постоянно обреченныхъ вкушать подобныя удовольствія. А лишеніе свѣта? Положимъ, думать надо, что если это были кельи, то въ нихъ теплились лампады, и такое, очевидно, намѣренное исключеніе дневнаго свѣта, вѣроятно, было заведено съ цѣлью большей торжественности и сосредоточенности. Но, тѣмъ не менѣе, самое приученіе себя къ такому жалкому суррогату солнечныхъ лучей чего-нибудь должно было стоить человѣку. И къ этому разобщеніе съ людьми, печальная мѣстность и исключеніе самыхъ необходимыхъ хозяйственныхъ приспособленій, ибо не видно даже чего-нибудь, напоминающаго кухни, кладовыя и т. д. Житіе киргиза въ юртѣ, въ холод-

¹⁾ Даже въ лѣсистыхъ частяхъ Тянь-шаня нѣтъ лѣсу на такой высотѣ.

ное время года и въ ненастье, когда приходится закрывать куполь ея и опускать дверную кошму, тоже неособенно привлекательно, но все-таки его далеко нельзя приравнять житію въ этихъ каменныхъ гробахъ. Вообще можно допустить, что если тутъ когда-нибудь существовали члены какой-нибудь общины, то это были люди сильной воли, тѣмъ болѣе, что они должны были жить въ большой бѣдности, иначе самое существованіе такой беззащитной обители въ горахъ, изстари бывшихъ мѣстопребываніемъ грабительскихъ кочевыхъ племенъ, не могло быть возможнымъ. Если здѣсь были христіане, то, конечно, монахи принадлежали къ той-же несторіанской вѣтви христіанскаго ученія, которая распространилась по здѣшнему краю въ раннюю эпоху среднихъ вѣковъ, и находились въ связи съ несторіанскими же христіанами Самарканда, Кашгара, Мерва, Герата, Ханбалыка (Пекина) и проч.; обо всѣхъ этихъ митрополіяхъ упоминается въ одной дошедшей до насъ несторіанской рукописи 9-го вѣка. Мудрено сказать, къ какому вѣку слѣдуетъ отнести эту постройку, о самомъ характерѣ и происхожденіи которой у мѣстныхъ кочевниковъ сохранились самыя противорѣчивыя и неправдоподобныя легенды. Но отъ нея вѣетъ чѣмъ-то очень отдаленнымъ и, по крайней мѣрѣ, нельзя сомнѣваться, что эта сумрачная обитель, запрятанная въ забытое ущелье азійскихъ альповъ, стоитъ передъ нами молчаливымъ вѣстникомъ сѣдыхъ временъ.

Здѣсь на высотахъ Тянь-шаня, какъ была пустыня, такъ она и есть, т.-е. она и теперь продолжаетъ быть современною той отдаленной эпохѣ, когда несторіанскіе миссіонеры занесли свѣточъ ученія къ тюркскимъ варварамъ. Да и въ долинахъ Семирѣчья лишь на нашихъ глазахъ повѣяло новымъ духомъ, и онѣ со временъ несторіанцевъ спалия поусомомъ первобытныхъ формъ жизни. А взглянуть на западъ — какая безконечно длинная вереница событій и совершившихся судебъ проходить мимо насъ за это долгое тысячелѣтіе!

Когда рылись первыя могилы въ томъ кладбищѣ, которое въ наши дни опять увидѣло свѣтъ Божій,—въ Россіи еще только начинали думать о призывѣ варяговъ; священная Римская Имперія Карла Великаго только что расценилась на зарождающуюся Францію и Германію; папство, на нашихъ глазахъ сдавшее тысячелѣтнюю свою свѣтскую власть, тогда только въ ней стало укрѣпляться, а Григорій VII-го, вѣроятно, еще дѣтъ не родился; Венеція только что пустила корни на островѣ Ріальто; норвежець Гунбіорнъ, отдаленный предшественникъ Колумба, открываетъ берегъ Гренландіи, а норманскіе лебеди еще плавали вдоль береговъ Европы, высматривая мѣста для основанія царствъ, которыя теперь давнымъ-давно рассыпались!

Весьма пожалѣлъ я, что не могъ изслѣдовать склепа, имѣющагося въ монастырѣ, гробницы и кости котораго, вѣроятно, дали-бы какія-нибудь свѣдѣнія о характерѣ и исторіи этого зданія. Киргизы, водившіе меня по крышѣ, или, вѣрнѣе сказать, по наружной болѣе или менѣе низкой поверхности потолка этого зданія, показывали мнѣ мѣсто склепа, при чемъ увѣряли, что тамъ похоронены „сарты и киргизы“. Систематическимъ археологическимъ изслѣдованіемъ остается поднять эту завѣсу.

Во время пребыванія въ этой долинѣ я вдругъ почувствовалъ признаки горной болѣзни: ¹⁾ одышку, сердцебіеніе и общую слабость, что, впрочемъ, продолжалось не болѣе получаса. Одновременно сопки окружающихъ горъ одѣлись было вдругъ туманомъ и, вѣроятно, эта переменъ въ атмосферѣ усилила вліяніе непривычно слабаго давленія этого рѣдкаго воздуха. Въ другое же время и въ *спокойномъ положеніи* дыханіе и пульсъ лишь немного измѣняются, если вообще измѣняются: въ сидячемъ положеніи въ этомъ ущельи у меня пульсъ

¹⁾ Къ ея припадкамъ, впрочемъ, относится уже и безотчетная тоска, которую я у себя замѣчалъ по-временамъ.

быть 72, дыханіе 20, въ Върномъ-же (2.500 фут.), при тѣхъ же условіяхъ, бываетъ у меня въ среднемъ 70 и 18.

День, назначенный для перевала чрезъ Тань-рабатъ, вышелъ великолѣпный. Было теплѣе всѣхъ предыдущихъ дней и небо совершенно ясно. Разными извилинами поѣхали мы вверху по служивающемуся ущелью, сопровождаемые компаніей въ 6—8 соседнихъ киргизъ, подъ предводительствомъ бия. Ближе надвигались сибирныя сойки. Вотъ открылась узкая щель, дорога ленточкой брошена по правой щекѣ горы, нѣтъ глубокая пропасть и на днѣ ея рѣчка. Это все еще такой путь, по которому можно было вести бесѣды. Для препровожденія времени я спросилъ Мамѣка черезъ переводчика, водятся-ли черти въ этихъ горахъ. „Нѣтъ“, сказалъ онъ, „эти чисты, а тамъ дальше къ Чатыръ-кулю ихъ видѣли не разъ и случалось, что они душили людей, но по прочтеніи молитвы отпускали свою добычу“. Я просилъ его описать ихъ наружность. Оказалось, что они бываютъ ростомъ съ барана, съ осла, иногда съ человѣка, но больше того ихъ не видали; тѣло ихъ покрыто темной шерстью; голова сзади собачья, спереди свиная, при этомъ еще рога; на всѣхъ четырехъ конечностяхъ человѣческія ноги, сзади хвостъ. О качествѣ глазъ онъ ничего не могъ сообщить.

Пора, впрочемъ, было покончить съ антропологіей шайтана; дорога становилась трудною. Дороги, впрочемъ, никакой уже и не видно было. Мы взбирались по вдвойнѣ наклонной плоскости, усыпанной галькою и мѣстами покрытой снѣгомъ и тающимъ льдомъ. Верблюды начинали скользить и приостанавливаться. Поддерживая верблюдовъ сбоку и цѣпляясь надъ обрывомъ, Мамѣкъ и остальные киргизы съ гикомъ подгоняли ихъ. Тутъ можно было подивиться проворству киргизской лошади, которая карабкается тамъ, гдѣ и человѣческая нога должна пробираться съ большою осторожно-

стью. Ниже и ниже становились горные зубцы, большею частью прикрытые дѣвственнымъ снѣгомъ, кое-гдѣ, впрочемъ, выставившіе свою сѣрую наготу. Мѣстами снѣгъ спекшійся на поверхности (Figi) блисталъ ослѣпительнымъ свѣтомъ. По дорожѣ, окруженные снѣгомъ, еще попадаются цвѣты: *potentilla*, низкорослые одуванчики, нѣсколько зонтичныхъ и злачныхъ. Небо оставалось яснымъ и сіяло итальянской синевой. Вотъ, наконецъ, послѣдній поворотъ назыво и тутъ началась самая трудная часть задачи. Обрисовался самый перевалъ. Это стѣна футовъ въ 200 вышиною и такой крутизны, что стоящій на самомъ ребрѣ ея изъ-за выступовъ горы не можетъ видѣть, что дѣлается у основанія. Протѣхавъ отъ поворота еще нѣсколько десятковъ сажень, стали взбираться. Выглянувъ вверхъ человекъ небывалый можетъ подумать, что тутъ нѣтъ никакой возможности вскарабкаться. Крутизна бы еще куда ни шла, но она вся усыпана подвижною галькою, съ которой, казалось-бы, лошадь непременно должна сорваться. Гдѣ лежалъ снѣгъ, тамъ было относительно легко, но на голыхъ мѣстахъ кони взбирались только при помощи безчисленныхъ ломанныхъ линій, на которыя приходится раздроблять путь по плоскости подъема. И все-таки, говорить, въ гололедицу случается, что лошадь срывается и летитъ въ глубину. Многочисленные скелеты различныхъ вьючныхъ животныхъ, лежащіе на бокахъ перевала, иллюстрируютъ во-очію, какъ трудно онъ имъ достается. И крутизна, и рѣдкость воздуха до такой степени утомляли бѣдныхъ лошадей нашихъ, что чрезъ каждыя 5—6 минутъ нужно было останавливаться, чтобы дать имъ отдышаться. Впереди ѣхали киргизскій бій и одинъ изъ джигитовъ, за ними я, за мною казакъ, остальной караванъ собирался около поворота. Попадаютъ и между казачьими лошадьми очень шустрныя. Лошадь ѣхавшаго за мною казака была сибирячка, да притомъ изъ степной полосы, но казалась не хуже киргизской, правда что она, по крайней мѣрѣ, была кована, у

киргизъ же этихъ нѣжностей не соблюдаютъ.

Наконецъ, мы четверо взобрались, вѣдѣ за нами поспѣлъ и Кривой, который тутъ-же свернулся крѣпдеземъ и уснулъ. Вотъ, наконецъ, мы сами на такой высотѣ, что высокіе зубцы почти съ нами сравнялись, нѣкоторые, позади насъ, были даже ниже и мы могли смотрѣть черезъ нихъ. Впереди и далеко внизу открывалась панорама долины *Чатыръ-куля* и по срединѣ ея серебрилось самое озеро. Солнце продолжало сіять и термометръ на самомъ перевалѣ показывалъ 7° R. Я не чувствовалъ никакихъ неудобствъ, кромѣ непривычной усталости при самыхъ легкихъ движеніяхъ; даже бинюкъ часто приходилось отнимать отъ глазъ, чтобы дать отдохнуть рукѣ. Высота этого перевала надъ уровнем моря около 12.900 фут. Онъ только въ самое жаркое время на нѣсколько дней обнажается отъ снѣга, сосѣднія же сопки никогда.

Созерцая окрестность, мы вдругъ услышали, поднимающіеся изъ глубины, жалобные крики нашихъ верблюдовъ. „Заплакали“ проворчалъ казакъ, стараясь увидѣть, что тамъ дѣлается. Вскорѣ поднялся мой Дементій и объявилъ, что верблюды легли и никакими силами ихъ нельзя заставить идти въ гору. Тутъ, какъ нельзя болѣе кстати, оказались киргизы. Живо они перевьючили вьюкъ верблюдовъ на своихъ лошадяхъ, сами пошли пѣшкомъ и такимъ только образомъ удалось провести на гору „корабли пустыни“, которые вообще по горнымъ догоровъ не могутъ конкурировать съ лошадью. Кромѣ того верблюдъ и по степи идетъ медленнѣе лошади. Велѣдствіе всего этого я тутъ-же далъ себѣ слово при обратномъ шествіи чрезъ Тянь-шань взять только лошадей подъ вьюкъ.

Проволочка эта, однако, заставила насъ потерять добрые полчаса на перевалѣ, а что въ такихъ мѣстахъ вообще должно спѣшить, въ этомъ скоро убѣдились. Когда я поднялся, было еще совершенно ясно, только надъ Чатыръ-кулемъ про-

плывала легкая тьма. А вотъ почти внезапно сосѣдніе зубцы, одинъ за другимъ, одѣлись облачной вуалью и пошелъ крупный снѣгъ. Глядя какъ по сторонамъ и впереди все исчезало въ туманѣ, я вспомнилъ строку изъ Мильоны Гете:

Kennst du der Berg mit seinem Wolkensteg?

Das Maulthier sucht im Nebel seinen Weg?

и т. д.

Снѣгъ, впрочемъ, столь-же скоро и пересталъ и когда мы спустились съ главной крутизны, небо опять прояснилось.

На берегу рѣчки, впадающей въ озеро, для насъ были выставлены юрты, которыя киргизскіе глаза открыли еще съ перевала. Горизонтъ окаймлялся горами, сплошь покрытыми снѣгомъ. Высота озера 11.570 фут.¹⁾ Оно прѣсноводное, длина его около 2 верстъ, ширина меньше. Въ немъ водятся рыба *маринка* (*Diptychus*) и *османъ* (*Oreinus*), которыя вообще преобладаютъ въ водахъ Тяньшаньской системы²⁾. Замѣчательно, что въ существующихъ описаніяхъ Чатырь-куля о немъ говорится, какъ объ озерѣ, лишенномъ рыбы,—на основаніи отзыва киргизъ,—какое-то извѣстіе, между прочимъ, перешло и въ иностранныя сочиненія (см. Эл. Реклю *l'Asie russe*. 1881). Между тѣмъ, бывшіе со мной киргизы не только заявляли о существованіи рыбы, но не затруднялись называть и породы ея. А съ другой стороны много въ окрестностяхъ водныхъ птицъ, питающихся, конечно, рыбою, на что обратилъ вниманіе и Г. Каульбарсъ. Почва береговъ озера глинистая и относится къ потретичнымъ отложеніямъ³⁾. Мѣст-

¹⁾ По 3-мъ опредѣленіямъ Н. О. Петровскаго, сдѣланнымъ помощію точки кипѣнія инструментами Негретти и Зомбра и съ расчетомъ степени влажности воздуха.

²⁾ Тотъ и другой относится къ семейству карповыхъ и замѣчательно ядовитостью своихъ внутренностей, особенно печени, которую поэтому и выбрасываютъ до вѣня кухоннаго приготовленія. По верхнему теченію рѣкъ рыба вообще мельче, чѣмъ внизу.

³⁾ Мушкетовъ. „Туркестанъ“. 1886.

ность, пустынная. Въ данное время и все киргизы исчезли, но летомъ ксе-кто здѣсь кочуетъ.

Ночью (съ 10-го на 11-е сентября) былъ такой морозъ, что рѣчка покрылась толстой корой льда. Пробовали было 3 волка подползти на брюхѣ къ нашимъ лошадямъ, часовой казакъ два раза стрѣлялъ, не попалъ, но они обратились въ бѣгство.

Солнце взошло, но на встрѣчу намъ дулъ такой убійственно пронизывающій холодный вѣтеръ, что я продрогъ въ еноговой шубѣ. Въ такихъ обстоятельствахъ можно сдѣлать сравненіе, какая разниа бѣжать въ холодъ и вѣтеръ въ экипажѣ, или же верхомъ. Хорошо, что, по крайней мѣрѣ, ногамъ было тепло, чѣмъ я обязанъ былъ моему американскому сѣдлу, именно деревяннымъ его стремянамъ, снабженнымъ спереди кожаными клапанами. Вообще для меня удивительно, почему до сихъ поръ европейцы не заводятъ у себя этого сѣдла, которое по удобству едва-ли не лучшее изъ всѣхъ, въ особенности годилось-бы для войскъ¹⁾.

Равниною бѣжали часа полтора, послѣ того стали показываться ущелья и подъемы, но все въ такомъ скромномъ видѣ, что до перевала Туругартъ доѣхали довольно незамѣтно. Тѣмъ не менѣе, онъ представляетъ внушительную цифру 12.760 фут. надъ уровнемъ моря. Только спускъ сначала нѣсколько крутой. На самомъ перевалѣ съ правой стороны небольшая пирамида изъ камней—это пограничный знакъ. Китай насъ встрѣтилъ такою-же пустынею, какую мы вкушали до сихъ поръ, только одна ворона, сидѣвшая какъ разъ за переваломъ на скалѣ, вытянувъ шею, изъ всѣхъ силъ привѣтствовала насъ на своемъ негармоническомъ языкѣ, по поводу чего я разсѣлышалъ ироническое замѣчаніе бѣжавшаго зади Дементія, что „видно, заграничныя птицы поютъ не лучше нашихъ“.

¹⁾ Оно имѣетъ только одно небольшое неудобство, обнаруживающееся при дальнихъ походахъ: сидѣніе слишкомъ твердое, но это можетъ быть легко устроено.

Пофхадн опять высокою, степною мѣстностью, окаймленной съ двухъ сторонъ осадочными горами сѣраго и красноватаго цвѣта¹⁾; большинство ихъ, впрочемъ, было покрыто снѣгомъ. Степь еще была покрыта короткимъ желтымъ чѣмъ. Летомъ здѣсь кочуютъ, теперь не было никого. Вообще высокія долины и плоскогорья Тянь-шаня имѣютъ характеръ степей, что подтверждается тождественностію многихъ горныхъ растений со степными, какъ это показалъ г. Остенъ-Сакенъ. Не видали ни звѣрей, ни птицъ, ни насекомыхъ, только сѣровыя норы напоминали о чемъ-то живомъ. Здѣсь, впрочемъ, тоже водятся *Ovis Polii* и другія крупныя животныя Тянь-шаня.

Плоскую возвышенность Памира, какъ извѣстно, называютъ „крышею міра“, въ слѣдствіе необыкновеннаго ея возвышенія (12.000—14.000 фут.). Здѣшняя равнина, хотя нѣсколько ниже, все-же по крайней мѣрѣ сродни крышѣ міра. Жаль только, что съ этой крыши самаго міра не видно, а видны только пустынные, засыпанные снѣгомъ, перила ея.

Наутро 24-го августа объявлено, что и на эту ночь выставятся юрты, но мы до нихъ не могли добраться. Пошелъ густой снѣгъ и къ этому темнѣло, въ слѣдствіе чего весьма пригодилась походная юрта и войлочная палатка, которыя везли съ собою. Мы остановились у подножія одиноко стоящей пирамидальной горы *Кююнг-Кизъ*, у рѣчки *Кююнг*. Пока раскладывали палатки, я имѣлъ случай полюбоваться рѣдкимъ зрѣлищемъ: изъ снѣговой тучи, висѣвшей чуть не надъ самой головою, блеснула молнія и раздался раскатъ грома. Дѣло въ томъ,

¹⁾ Около Тургутарта (по Столичкѣ) преобладаютъ массивные известняки и третичные песчаники. Вообще между Чатартъ-кулемъ и Кашгаромъ различаютъ три геологически различныя горныя цѣпи: сѣверная и отчасти средняя состоятъ изъ древнихъ осадочныхъ, южная, самая низкая,—изъ новыхъ третичныхъ породъ. Въ сѣверной части средней, впрочемъ, замѣчаютъ базальты и третичныя породы.

что на этихъ высотахъ дожди вообще не бываетъ, а
 долж- ность его исправляетъ снѣгъ. При помощи джигитовъ, съ юртой и съ палаткой скоро
 справились, не смотря на снѣгъ и сумерки. Я скрылся отъ
 непогоды въ своей импровизированной спальнѣ, въ которой
 затопили печку, чѣмъ она доведена была на полчаса до 6°. Скорѣ
 и въ палаткѣ слышно было, что публика наслаждается
 чаемъ, бараниной, отдыхомъ и веселыми разговорами, въ ко-
 торыхъ по обыкновенію неизмѣнно участвовали Мамэкъ и
 его добродушный, хотя болѣе молчаливый, товарищъ *Баи-
 пой*. Вообще я долженъ замѣтить, что не напрасно похвалилъ
 симпатичный характеръ киргиза въ своей монографіи „Кир-
 гизы“¹⁾. Подобно тѣмъ растеніямъ, которыя въ пескѣ горя-
 чей пустыни развиваютъ сочные листья и плоды, этотъ на-
 родъ въ непроглядныхъ пустыняхъ своей родины ухитрился
 выработать веселость, добродушіе, довѣрчивость и безкоры-
 стную услужливость. Эти качества, вмѣстѣ съ неутомимостью,
 феноменальной памятью мѣста и умѣніемъ найтись въ труд-
 ныхъ случаяхъ, дѣлаютъ киргизовъ драгоценными спутниками
 въ дорогѣ, въ особенности въ пустынныхъ непривѣтливыхъ
 мѣстахъ. И, разумеется, старался вознаграждать ихъ труды,
 но знаю изъ многихъ примѣровъ, что они на это вообще не
 рассчитываютъ. На слѣдующій день мы встрѣтили нѣсколько
 киргизскихъ старшинъ, передавшихъ мнѣ картѣчку нашего
 Кашгарскаго консула, Н. О. Петровскаго, съ удостовѣрен-
 ніемъ личности посланныхъ. Юрты намъ, представляли по ра-
 спорядженію китайскаго начальства, какъ и въ нашихъ пре-
 дѣлахъ. Киргизы эти были китайскіе подданные, но вообще
 принимали насъ ни сколько не хуже, чѣмъ русскіе ихъ со-
 племенники.

Замѣтно было, что мы спускаемся. Снѣгъ оставался лишь

¹⁾ „Записки“ Зап. Сибирск. Отдѣла Географ. Общества 1886 г. ч. IV

на вершинахъ горъ, трава стала зеленѣе, появились ягоды бульдургуна и колючій кустарникъ *чишма* (*Saragana frutescens*), называемая эбичиями киргизами *алтыганъ*, тогда какъ большой видъ извѣстенъ подъ именемъ *караганъ*. Оба названія ботаниками превращены въ латинскія. Растеніе это даетъ прекрасное топливо. Появились хвощъ и гребенчикъ (*Tamix*), который въслѣдствіи столь долго мозолилъ намъ глаза. Въ одномъ мѣстѣ на скалахъ росла трава *ишканъ* съ красными соленоватыми листьями, которые киргизы ѣдятъ. Мы хотѣлось достать пучекъ ея. Узнавъ объ этомъ, Мамэкъ, потерявъ словъ, погналъ свою лошада на гору по такой крутизнѣ, гдѣ и человѣку съ большой осмотрительностью слѣдовало-бы лазать, сорвалъ траву и возвратился тѣмъ-же способомъ.

Исподволь становилось теплѣе. Дорога пошла широкимъ сухимъ логомъ, усыпаннымъ галькой, вообще весь спускъ до Кашгара сильно каменистый и напоминаетъ русло большой рѣки, по дну его течетъ рѣчка *Кююкъ*, потомъ *Суюкъ*, которыми, конечно, никогда его не наполняютъ.

Потѣмъ появились, къ нашему удовольствію, первыя деревья, довольно высокіе и зеленые тополи, которые росли внизу одиноко или небольшими группами. Горы за то становились все болѣе и болѣе голыми и на остановкахъ трудно было достать какого-нибудь корму для животныхъ. Проѣхали, между прочимъ, мимо заброшенной сартовской крѣпости „*Чакмакъ*“. Глинобитныя, грубо сооруженныя стѣны, съ отверстіями для ружей, вообще укрѣпленіе неважное, но мѣсто выбрано удачно: скалы неприступныя, а стѣны и укрѣпленія съ обѣихъ сторонъ узкаго прохода.

Чѣмъ дальше, тѣмъ дорога сучиѣе. Тополі опять исчезли, берега русла, болѣе и болѣе расширяющагося, представляютъ совершенно обнаженные сѣрые скалы, состоящія болѣею частію изъ конгломерата. Мѣстами камни, въ немъ запершіеся вывалились и скала представляетъ рѣшетчатый видъ.

Не доѣзжая до перваго Кашгарскаго селенія, всего верстъ 35 отъ Кашгара, стоитъ первый китайскій пикетъ, т.-е. небольшое глинобитное укрѣпленіе, въ которомъ живетъ нѣсколько человѣкъ солдатъ. Оно, кажется, постоянно стоитъ настежь, а на дворѣ его разводится тополевая аллея. Здѣсь сдѣлали мы привалъ, мнѣ отвели „комнату“ и объявили, что ко мнѣ сейчасъ прибудетъ, живущій въ Артышѣ, китайскій офицеръ, которому Кашгарскій губернаторъ поручилъ пріѣхать ко мнѣ. Комната была подобіемъ тѣхъ жалкихъ сакель, которыя въ безконечномъ разнообразіи разбѣяны здѣсь по деревнямъ и городамъ, и потому я ее опишу подробно. Полы и стѣны изъ сѣрой, кое-какъ накиданной и притоптанной глины, половина покоя занята нарами, т.-е. широкимъ глинянымъ же возвышеніемъ, въ одной стѣнѣ грубѣйшій глиняный каминъ; вмѣсто окна дыра въ потолкѣ, около фута въ квадратѣ. Самый потолокъ устроенъ изъ камыша или соломы, снаружи покрытый слоемъ опять-таки глины; основаніемъ его служатъ нѣсколько параллельныхъ бревенъ, поперекъ которыхъ накинаны жерди. Крыши особой не имѣется, ея должность исправляетъ потолокъ. На концѣ грубо сколоченная деревянная дверь безъ замка и даже ручки. Когда я расположился чай пить, явился офицеръ въ сопровожденіи шести солдатъ. Онъ мнѣ протянулъ руку, что-то пробормоталъ по-китайски и указалъ на корзинку съ персиками, дынями, которую одинъ изъ солдатъ поставилъ на нары. Я пригласилъ офицера присѣсть подлѣ меня на нары, угостилъ его чаемъ и вступилъ въ разговоръ, при посредствѣ двухъ переводчиковъ. На тюркскій¹⁾ языкъ переводилъ мой слова фельдшеръ Байгуловъ, а его слова переводилъ одинъ изъ китайскихъ солдатъ на китайскій и такъ обратно. Вообще китайцы не даютъ себѣ ни малѣйшаго труда познаться съ языкомъ своихъ подданныхъ сартовъ, а офице-

¹⁾ Языки киргизовъ и сартовъ представляютъ разновидности его, такъ что тѣ и другіе понимаютъ другъ друга, хотя бываютъ недоразумѣнія.

ры и чиновники, кажется, принципиально считают такое знакомство униженіемъ.

Во время нашего разговора, въ два ряда стояли китайскіе солдаты. Оружія при нихъ не было, а по остальнымъ атрибутамъ никакъ нельзя-бы было угадать ихъ профессію. На головѣ имѣлись синіе платки, повязанные на подобіе того, какъ это водится у нашихъ женщинъ изъ простонародья. Сзади спускалась коса. Поверхъ длиннаго синяго или чернаго халата или кафтана у нѣкоторыхъ напяленъ былъ официальный „военный“ костюмъ, а именно: у одного была пунцовая кофта безъ рукавовъ, съ бѣлымъ кругомъ спереди и сзади, на которомъ какая-то надпись¹⁾, у другого черная кофта съ расширяющимися книзу рукавами и широкими желтыми бортами и узорами, у третьяго просто темная кофта, остальные оставались въ кафтанахъ безъ кофты. На ногахъ у всѣхъ были чулки и классическіе китайскіе шерстяные башмаки, тупоносые съ мягкой подошвой, которая толщиной безъ малаго въ вершокъ. Понадобилось мнѣ первое предостереженіе самому себѣ, чтобы не улыбнуться при видѣ столь отборныхъ военныхъ туалетовъ. Вообще въ наружности китайцевъ мало мужскаго, платокъ на головѣ, коса, безбородость, камзолъ, похожій на женскую кофту, съ болтающимися рукавами, длинный исподній кафтанъ, изъ-подъ котораго часто не бываетъ видно штановъ и который напоминаетъ юбку, башмаки—все это даетъ имъ видъ бабы; даже голосъ часто бываетъ крикливый. Впрочемъ, при разсмотрѣніи лицъ этихъ солдатъ, расположеніе къ смѣху у меня прошло, а напрашивалось нѣчто худшее. Монгольскій типъ въ одной изъ наиболѣе грубыхъ своихъ формъ, толстыя, какъ-бы опухшія вѣки, нескладные, широкіе носы, толстыя губы, гризопожелтая кожа, отсутствіе усовъ и бороды,—а поверхъ всего какое-то животное-грубое, плебейское (въ худ-

¹⁾ Надпись эта, какъ я узналъ послѣ, изображаетъ имя и титулъ того начальника, который нанялъ даннаго солдата на службу.

шемъ значенія слова) выраженіе лица, которое, при обращеніи къ офицеру еще ухудшалось примѣсю подобострастія. Мои казаки передъ ними казались красавцами, а уже во всякомъ случаѣ джентельменами. Что касается офицера, то онъ и одѣтъ, и лицомъ скроенъ былъ много лучше. Это былъ еще довольно молодой человѣкъ, хотя въ штабъ-офицерскомъ чинѣ, на что указывалъ сѣній стеклянныи шарикъ на шляпѣ. Шляпа офицеровъ и чиновниковъ хотя вообще представляетъ верхъ безвкусіи, но довольно тонкой работы. Поля ея заворочены кверху до уровня дна, такъ что вся шляпа приблизительно похожа на усѣченный конусъ, обращенный основаніемъ кверху. На серединѣ плоскаго дна колпака возсѣдаетъ шишка или шарикъ, къ которому идутъ, какъ радіусы къ центру, желтые шелковые шнурки, а отъ задняго края прямо кзади торчатъ два черныхъ пера. Самое важное въ шляпѣ шарикъ: у младшихъ оберъ-офицеровъ онъ прозрачный, безцвѣтный у старшихъ молочный, у штабъ-офицеровъ сѣній, у генераловъ красный. У унтеръ-офицеровъ простая мѣдная шишка, но также два черныхъ пера. На офицерѣ было два кафтана, одинъ покорооче съ широкими рукавами и отложнымъ воротничкомъ, другой длинный, въ родѣ подрасника, тотъ и другой шелковые, темносѣрые, на ногахъ сапоги, безформенные, какъ какіа-нибудь спальные чинги, и съ безобразно толстыми подошвами, но съ претензіями на шикъ, ибо они были изъ чернаго атласа и съ цвѣтными узорами на носкахъ. Лицо его было безусое, желтое, но черты тонкія и выраженіе довольно интеллигентное. Онъ, видимо, конфузился и старался это прикрывать частымъ потягиваніемъ изъ кальяна¹⁾, который ему подавали и поправлялъ одинъ изъ солдатъ. Я предложилъ ему, нѣсколько вопросовъ относительно его мѣсторожденія, мѣста

¹⁾ Кальянъ этотъ весь мѣдный, состоитъ изъ чубука и небольшого ящика, вмѣщающаго всѣ приспособленія, т.-е. трубку, резервуаръ для воды и ящичекъ для запаснаго табаку.

жительства его родителей и т. д. и поднесъ ему, въ отвѣтъ на фрукты, баночку духовъ и нѣсколько большихъ шоколадныхъ конфетъ съ картинками. Когда онъ понюхалъ первыхъ и отведаль вторыхъ, на лицѣ его изобразилось дѣтски-наивное удовольствіе. Видно было, что это ему впервые. Затѣмъ мы распростились.

Артышъ повилился, какъ зеленый оазисъ въ пустынь. И, дѣйствительно, мы въѣзжали въ страну, гдѣ все населенныя мѣста вкраплены, какъ точки, въ обширную пустыню. Дно того высохшаго моря, которое теперь изображаетъ Кашгарі, покрыто то *лессомъ* (желтовомъ), то летучимъ пескомъ и солонцами. Гдѣ побольше лесса, тамъ жизнь, но его сравнительно мало¹⁾. Артышъ представилъ намъ образчикъ той культуры, до которой доросли деревни, а отчасти и города Кашгаріи. При необыкновенной сухости климата, земледѣліе было-бы немислимо безъ искусственнаго орошенія, которое, какъ въ Туркестанѣ, проводится каналами (арыками) на поля и сады. На поляхъ преобладаетъ *кукуруза* (кунакъ), *джунара* т. е. *сорго*, *хлопчатникъ*, *клеверъ*, рѣже встрѣчаются *пшеница*, *просо* и *рисъ*. Сорго въ это время (половина сентября) уже поспѣвалъ и его колоссы, представляющіе крупную и цѣпидную пшенику, уже принимали нецѣльно-сѣрый оттѣнокъ.

Въ аллеяхъ встрѣчаются всего чаще *тополь* и *ива*, затѣмъ *джеида*²⁾ (*Elaeagnus argentea*) и *жуи*. Въ садахъ хорошо вѣдутъ *виноградъ*, *персики*, *гранаты*, *айва* и *вишневая ягода*; *груши* и

¹⁾ Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ мѣстностяхъ Внутренней Азии, лёсъ играетъ роль нашего чернозема. Лёссомъ глина, представляющая сѣровато- или бѣловато-желтую массу, состоитъ изъ мелко-земистой глины, мельчайшаго песка и углекислой извести. Вся масса пропитана множествомъ мельчайшихъ трубочекъ или поръ, происшедшихъ отъ истлѣвшихъ растений. Благодаря прекрасному механическому смѣшенію частей и выгодному процентному содержанию солей, лёсъ при орошеніи очень плодороденъ. (Пржевальскій. Изъ Зайсана въ Тибетъ, 1883.)

²⁾ Ягода ея съедобна.

яблоки разводятъ рѣже. Персики и виноградъ превосходны, послѣдній въ это время былъ уже убранъ. На огородахъ всего обыкновеннѣе *арбузы, дыни, морковь, лукъ*, съѣются также *капуста, горохъ, сладкій картофель*, но обыкновенный картофельъ добывается европейцами съ большимъ трудомъ. Изъ домашнихъ животныхъ почти исключительно держатъ *куръ, ословъ, лошадей* и *барановъ*, рогатый скотъ лишь кое-гдѣ, да и то главнымъ образомъ для работы, мясо же его и молочные продукты почти не употребляются.

Та же почва, которая кормитъ кашгарца, даетъ ему и кровь. Куда ни взглянешь—глина. Изгородь изъ безобразныхъ комковъ глины, не заслуживающихъ названіе кирпичей. Изъ такихъ же комковъ, смѣшанныхъ съ соломою, накинаны стѣны сакель; полы, нары и поверхность двора—тоже глина. Внутренность убогихъ домовъ здѣшнихъ сартовъ того-же типа, какъ комната пикета, которую я описалъ выше, о небольшихъ разнообразіяхъ упоминать не стоитъ. Темнота и пыль, поднимающаяся съ половъ и сыпавшаяся съ потолковъ, конечно, не служатъ къ украшенію здѣшнихъ жилищъ. Впрочемъ, въ нихъ есть одна благоприятная черта въ санитарномъ отношеніи, о которой я упомяну ниже. О самихъ жителяхъ рѣчь тоже впереди. Почувъ въ этой деревнѣ, мы опять поблаговались тепломъ, вечеромъ было 14° R. въ саклѣ.

Путь отъ Артыша до Кашгара до такой степени безжизненный, что я его могу сравнить развѣ съ берегами Аравіи, какими они мнѣ представились около Адена и пролива Бабельмадебъ. Дорога пролегаетъ все по дну той-же ложбины, которая повидимому изображаетъ русло исполинской диллювальной рѣки, изливавшейся въ пылъшнюю Кашгарію. Она густо усыпана камнями, а отдаленные берега ея такого же вида, какъ выше было описано. Дно ложбины мѣстами всхолмлено, вслѣдствіе чего приходилось нѣсколько разъ подниматься и опускаться. Кромѣ одного зеленѣющаго вдали

пятна все сѣро, пусто, неподвижно и безмолвно. Даже приближеніе къ порядочной деревнѣ обыкновенно обозначается большими признаками жизни, чѣмъ приближеніе къ этому двадцати-тысячному городу.

Когда, наконецъ, онъ самъ сталъ ясно обозначаться, въ видѣ дымящихся точекъ, окруженныхъ зеленой каймой, нѣскольکو погонщиковъ ословъ по крайней мѣрѣ оживили дорогу.

Верстахъ въ 4-хъ, отъ города намъ сдѣлали дружескую встрѣчу. Сначала насъ привѣтствовало нѣсколько мусульманъ въ парадныхъ халатахъ и чалмахъ; это были русскіе подданные, состоящіе здѣсь торговыми агентами (старостами). Потомъ обрисовался развѣвующійся по утреннему вѣтру значокъ 2-го конно-сибирскаго полка и взводъ казаковъ и консульскаго конвоя прокричалъ на мое привѣтствіе молодецкое „здравіе желаемъ“ и проч. Помощникъ консула пріѣхалъ въ коляскѣ, въ которую я пересѣлъ и мы отправились въ городъ въ помѣщеніе консульства.

КАШГАРЪ.

Отсутствие поэзии Востока. — Отзывъ Марко Поло. — Положеніе и физіономія Кашгара. — Дома и сады. — Питаніе жителей. — Занятія на улицахъ. — Китайскія казни. — Одежда жителей. — Типъ Кашгарца. — Темпераментъ и характеръ. — Бѣдность. — Половой развратъ и дешевизна женщинъ. — Употребленіе одуряющихъ веществъ. — Увеселенія. — Пѣніе и музыка. — Умственное развитіе. — Мушды и дервиши. — Изгнаніе чорта. — Торговля и промышленность. — Экономическое и социальное положеніе. — Судъ и управленіе. — Китайскіе порядки. — Эмиграція рабочихъ. — Неправда къ Китаю и тиготыіе къ Россіи. — Анджаканцы. — Денежный курсъ и финансовыя сдѣлабасы китайскаго начальства. — Янгшаръ. — Китайская крѣпость и караулъ. — Китайскій базаръ. — Куреніе опиума. — Параллель съ Японіей. — Китайскія жилища и экипажи. — Убленіе Шаагинтвейна. — Визитъ китайскому губернатору. — Отзывный визитъ. — Китайское чиноуничество. — Угощенія. — Казнокрадство и высасываніе народа. — Послѣдователи Талейрана и Торквемады. — Поклоненіе Богдыхану. — Санитарное состояніе Кашгара. — Консульство. — Подковникъ-конюхъ. — Голландскій миссіонеръ.

Города мусульманскаго Востока выработали свою своеобразную культуру и поэзію, которыя всякому памятливы. Можно было ожидать, что городъ, считавшійся значительнымъ уже во время посѣщенія его знаменитымъ венеціанцемъ Марко Поло, т.-е. въ 13-мъ столѣтіи, тоже чѣмъ-нибудь постоитъ за себя среди своихъ азіатскихъ товарищей. Но гдѣ-же бюлмораморныя мечети, сады съ воздушно-стройными кіосками, съ розами и соловьями, колоннады, украшенныя арабесками, таинственныя внутренніе дворы съ журчащими фонтанами, бани съ разминаніемъ, съ калыномъ и нѣгою и вечерними rendez-vous женщинъ, гдѣ базары съ кофейнями и сказками Шехеразады? Ничего, хотя-бы отдаленно похожаго, здѣсь нѣтъ и, конечно, никогда и не было¹⁾.

Кашгаръ расположенъ въ сѣверо-западной окраинѣ Кашгаріи, въ равнинѣ, хотя высота его надъ поверхностью моря 4.100 фут. Онъ занимаетъ возвышенный берегъ рѣки *Ки-*

¹⁾ Марко Поло, наприм., только похвалилъ сады и виноградники, о зданіяхъ же или какихъ-нибудь замѣчательныхъ сооруженіяхъ совершенно умалчиваетъ. (Землеводіе Риттера. Востокъ и Туркестанъ).

зымъ-су или *Кашгаръ-дарья*. Почва сильно глинистая (лёссовая), какъ, вообще въ здѣшнихъ оазисахъ. Глина лежитъ футомъ на 10, подъ нею песокъ, потомъ подается вода, которая выше уровня рѣки. Рѣка довольно мелкая, несудоходная и довольно нечистая. По окраинамъ города есть сады и поля, но самый городъ глиняный муравейникъ, окруженный стѣною (глинобитною), и даже каждая улица на ночь, какъ въ какомъ-нибудь древнемъ Вавилонѣ, запирается воротами, по распоряженію китайскаго начальства (для предупрежденія возстаній). Улицы кривыя, узкія, пыльныя и зловонныя; дома тѣ же, вышеупомянутыя, грубыя глиняныя сакли безъ оконъ, съ отверстіемъ въ крышѣ, она же и потолокъ; дворы крошечные, вонючіе и тоже отчасти темные. У нѣкоторыхъ богатыхъ купцовъ есть дома и въ 15—6 просторныхъ комнатъ, съ окнами и штукатуркой на стѣнахъ. Но этимъ все и ограничивается, окна вмѣсто стекла зашплены бумагою, на китайскій манеръ, вмѣсто печей грубые каминны, полы изъ сырцоваго кирпича. Сады при такихъ домахъ большіе и полны прекрасныхъ фруктовъ, но вокругъ ихъ грубая глиняная ограда, и вообще ни малѣйшаго намека на вкусъ и тонкость работы. Nec plus ultra! Никакихъ дачахъ представляетъ наприм. веранда съ отдѣльнымъ дворикомъ, окруженная рѣшетчатой глиняной оградой, выложенной и покрытой крашеной известью. И домашняя утварь, и мебель отличается у богатыхъ только большею цѣнностью: это все тѣ же кошмы, ковры, лари, обитые жестью или серебромъ, высокіе, узкіе съ перѣхватомъ чайники и т. п. Стулья, столы, комоды и т. п. Стеклянная посуда, болѣе известна, ее замѣняютъ глиняныя и деревянныя чашки и тыквенныя бутылки. Для ѣды и бѣдный, и богатый до сихъ поръ употребляютъ пальцы, какъ дикари; даже китайскія палочки не вошли въ употребленіе. Для вечерняго освѣщенія служатъ ладьеобразныя лампадки, никакъ не лучше тѣхъ, что употреблялись въ бронзовомъ вѣкѣ.

Можно бы думать, что по крайней мѣрѣ мечети въ городахъ представляютъ что-нибудь божье изысканное, но и онѣ незавидны. Одно развѣ, что онѣ по крайней мѣрѣ построены изъ жженого кирпича. Здѣсь нѣтъ никакихъ иныхъ красотъ, кромѣ тѣхъ, которыя принадлежатъ имъ по ихъ назначенію.

Каждо жилище и домашнее убранство, такъ и *питаніе* жителей Кашгара крайне незатѣливое. Уже Марко Поло сказалъ про нихъ, что они «ѣдятъ и пьютъ плохо», и эта бѣда, по видимому, съ тѣхъ поръ осталась въ такомъ же застоя, какъ все остальное. И зажиточные люди почти ничего не знаютъ, кромѣ баранины, входящей во все блюда, число которыхъ, впрочемъ, тоже невелико¹⁾, а пролетарія сидятъ на однихъ хлѣбныхъ лепешкахъ, дыняхъ и т. п. Изъ напитковъ употребляется почти одинъ чай, кофе тоже неизвѣстенъ, вина винограднаго нѣтъ, кое-кто приготовляетъ плохое пиво. Молоко, коровье масло, гуси, утки, рыба, многія наши овощи и т. п. — все это относится къ предметамъ совсѣмъ необыкновеннымъ. При такихъ условіяхъ европейцу здѣсь трудно слѣдовать своимъ привычкамъ, и супругъ Консула стоило большого труда привести свое хозяйство въ такое состояніе, чтобы по крайней мѣрѣ можно было разнообразить пищу. Слѣдуетъ, впрочемъ, прибавить, что и шеничныя лепешки, *тукачи*, представляющія здѣшній хлѣбъ, нерѣдко бываютъ очень вкусны. Ихъ готовятъ, подвергая дѣйствию пара въ продыранныхъ сосудахъ, изъ которыхъ вылетаетъ паръ, и они остаются мягкими, какъ дымящаяся вода.

Главныя отрасли *занятий* жителей можно видѣть на улицахъ. Здѣсь, въ открытой травной будкѣ, ткуть или красятъ хлопчатобумажныя ткани (матѣ); тамъ, въ подобной же будкѣ, производить, приправленные уличною пылью, тукачи; тамъ возится около станка, на которомъ ткуть ковры; тамъ работаютъ жуанечныя мѣхи и брызжутъ искры; тамъ подни-

¹⁾ Кромѣ мяса и пельменей готовится *шурпа* и *туппа*, первая есть бараній супъ съ зеленью, вторая крошеное мясо съ вермишелью.

маются парь изъ только-что сваренныхъ бараньихъ пельменей; тамъ выставлены на грязныхъ, почерившихъ прилавкахъ овощи, дыни, виноградъ, куски мяса, мелочной товаръ, шапки, матеріи и т. д. Среди послѣднихъ есть и англійскіе и русскіе товары самаго простаго сорта, наприм. ситцы, платки, зеркальца и проч., при чемъ слѣдуетъ прибавить, что русскіе вообще дешевле и поэтому преобладаютъ надъ англійскими. Кромѣ лавочниковъ пропасть кричащихъ разнощиковъ, преимущественно со съѣстными припасами.... А вотъ шмыгаютъ между ними мальчики, съ корзинками на головѣ, въ которыхъ наложено нѣчто совсѣмъ необыкновенное, а именно конскій и ослиный навозъ—единственное топливо бѣднаго люда. Публика толчется частью прыжкомъ, частью верхомъ, на лошадяхъ и ослахъ (ишакахъ); послѣдніе попадаются на каждомъ шагу, такъ какъ они же служатъ главнымъ образомъ для перевозки различныхъ хозяйственныхъ предметовъ. Экипажей никакихъ, развѣ иногда проскрипить тяжелая арба на двухъ массивныхъ колесахъ, годящихся, пожалуй, и подъ лафетъ. А вотъ среди базарной толпы перемогается печальная фигура челоѣка съ необыкновеннымъ придаткомъ къ шеѣ: голова продѣта въ центральное отверстіе тоистой четырехугольной доски, шириной аршина въ 2 квадратныхъ, а подъ мышкой онъ держитъ длинный пукъ розогъ. Это—китайское наказаніе за различныя легкія провинности и имѣетъ цѣлю не давать челоѣку спать въ лежачемъ положеніи. Налгается оно болѣею частью на мѣсяць. Иногда же на базарахъ выставляется еще болѣе назидательная картина въ китайскомъ вкусѣ, которой за мое время, впрочемъ, не было: въ желѣзной клѣткѣ подвѣшивается съ пеллей на шеѣ преступникъ, у котораго единственная опора подъ ногами нѣсколько кирпичей; сколько дней ему назначено умирать медленной смертю удушья, столько кирпичей, и каждый день вынимается по одному.

Одежда мужчинъ та же, что вообще на мусульманскомъ востоѣ: чалма, обыкновенно бѣлая, исподній и верхній халатъ, высокіе сапоги съ каблуками и калошами. Послѣдніе служатъ вовсе не къ тому, на что мы ихъ назначаемъ, а для сниманія у дверей мечети, вмѣсто сапогъ. Женщины не отличаются граціознымъ нарядомъ: на головѣ или отороченная узкой полоской мѣха шапочка, напоминающая папаху, или чаще родъ шляпы, имѣющей видъ шляпки гриба, отороченной кверху дномъ, т.-е. внизу она уже, чѣмъ сверху. Это тоже шанка, но съ болѣе широкой и съ расширяющейся кверху каймой изъ мѣха выдры. Поверхъ шапки, а иногда изъ-подъ нея спускается бѣлое покрывало на спину и бока, а лицо закрыто другою меньшею занавѣскою. На тѣлѣ сверху родъ цвѣтнаго халата или длинной кофты, а иногда закидка безъ рукавовъ, снизу короткая юбка и штаны, стянутыя подъ щиколкой. На ногахъ башмаки или сапоги съ короткими голенищами. Здѣсь, однако, не всѣ женщины показываются съ завѣшаннымъ лицомъ; не только старухи, но и нѣкоторыя и молодыя настолько либеральны, что не закрываются. Это объясняется не столько вліяніемъ китайцевъ, сколько особенностями исторіи Кашгаріи, о чемъ будетъ упомянуто впоследствии. Въ деревняхъ я не видалъ ни одной женщины съ покрывадомъ, но тамъ, какъ у киргизъ, это поддерживается болѣею простотою нравовъ.

Въ одеждѣ кашгарцевъ шелковыя и другія ткани попадаются гораздо рѣже, чѣмъ въ городахъ западнаго Туркестана, что, между прочимъ, указываетъ на болѣшую бѣдность здѣшнихъ жителей.

Обычаи, типъ, характеръ и умственное развитіе не китайскаго населенія.

Уже при первомъ знакомствѣ съ кашгарцами въ Артышѣ мнѣ показалось, что физіономія ихъ безъ выраженія и въ нихъ незамѣтно живости. Это впечатлѣніе оставалось и

до конца пребыванія моего въ Кашгарѣ, почему я, забывая впередъ, здѣсь разомъ изложу результаты наблюденій по этой части.

Этническій типъ представляетъ смѣшеніе тѣхъ типовъ, изъ которыхъ онъ произошелъ, т.-е. кореннаго арійскаго и пришлаго монгольскаго, или, лучше сказать, пришлыхъ монгольскихъ. Прежде всего съ востока нахлынули *Геучи* или *Юечи*, народъ тюркскій, т.-е. принадлежавшій къ большой вѣтви монгольскаго племени, къ которой относятся якуты, тунгузы, татары, киргизы, турки и др. Послѣ приходили другія монголы. Первоначальный типъ тюркскій, хотя, повидимому, былъ нѣсколько благообразнѣе чисто монгольскаго, но, очевидно, настолько близокъ къ послѣднему, что его никакъ нельзя смѣшать съ такъ называемымъ кавказскимъ, т.-е. арійскимъ; но онъ въ теченіи времени, по мѣрѣ прохожденія тюркскихъ народовъ къ западу, отъ смѣшенія съ другими народами, особенно арійской расы, настолько измѣнился, что пылѣвшіе европейскіе турки (османлысы) уже приближаются къ арійскому типу и смѣшеніе это еще продолжается, благодаря притоку кавказскихъ женщинъ въ гаремы. Типъ кашгарцевъ нельзя назвать красивымъ, въ нихъ, повидимому, меньшая часть арійской крови. Я не имѣлъ возможности заняться антропологическимъ изслѣдованіемъ на мѣстѣ, но по возвращеніи въ Вѣрный произвелъ нѣкоторые измѣренія и наблюденія надъ 30-ю кашгарскими уроженцами (мужчинами), временно проживавшими тамъ. Это были земледѣльцы и чернорабочіе. Какъ изъ общихъ наблюденій, такъ изъ подробнаго изслѣдованія оказывается слѣдующее:

Ростъ средній или немного выше средняго, именно: 165,7 сантим. Грудь довольно объемиста, но почти у всѣхъ плоская, а спина, напротивъ, выпуклая. Эта особенность, вѣроятно, объясняется съ дѣтства прививаемою привычкою сидѣть поджавши ноги, вслѣдствіе чего корпусъ для равновѣсія, долженъ подаваться впередъ, причемъ онъ болѣе или менѣе

горбятся. Мускулы чернорабочихъ развиты хорошо и вообще *телосложение* ихъ довольно хорошее, въ городскомъ же пролетаріатъ люди слабые попадаются нерѣдко.

Что касается *головы* и *лица*, то съ перваго взгляда бросается въ глаза форма головы, похожая на киргизскую: сильно брахицефалическій типъ, съ обостреніемъ кверху и малымъ развитіемъ затылочной части. Головной указатель, т. е. отношеніе наиболѣе поперечнаго къ наиболѣе длинному диаметру въ $\frac{0}{0}$ былъ въ среднемъ 86,9 *стало быть очень значительный*¹⁾. Голова большею частью коротко выстрижена или даже выбрита. Уши почти у всѣхъ торчащія и болѣе или менѣе заостренныя кверху, вѣроятно вслѣдствіе надвиганія шапки. Лицо нѣкоторыхъ представляетъ породистыя кавказскія черты, при густой бородѣ, но у большинства замѣтны слѣды монголизма—широковатыя скулы, незначительность бороды, а у нѣкоторыхъ толстыя носы и выступающія губы. А именно у 80% изслѣдованныхъ носъ былъ прямой, и большею частью не толстый; у 13% вогнутый и толстый, у 7% горбатый. Ротъ у большинства обыкновенный, отчасти даже красивый, у 23,3% же губы были выступающія и болѣе или менѣе толстыя. У киргизъ эта пропорція (по моимъ измѣреніямъ) достигаетъ 40%. Зубы вообще хорошіе, хотя хуже, чѣмъ у киргизъ. Глаза средней величины и прямые, большею частью каріе, или свѣтлокаріе, а у 16,6% были сѣрые. Борода густая оказалась у 20%, у остальныхъ плохая. Цвѣтъ волосъ и бороды у огромнаго большинства темный, хотя первые далеко не достигаютъ черносерой темноты волосъ индусовъ, которыхъ уже поэтому на улицѣ легко отличить. Цвѣтъ кожи смуглый, но безъ желтаго оттѣнка китайцевъ. Между молодыми женщинами случалось нѣсколько разъ видѣть очень нѣжную натуральную близнцу. Замѣчательно, что *Кучинскія* женщины почему-то выдаются красотою, особенно цвѣтомъ

¹⁾ Наибольшій длинникъ былъ въ среднемъ 18,02; наибольшій поперечникъ 15,67.

лица. Объ этомъ уже упоминается въ нѣкоторыхъ старыхъ китайскихъ описаніяхъ и тоже подтверждаѣтъ Г. Шахалибековъ, проведеній нѣсколько дѣтъ въ Кангаріи. О красотѣ женщинъ восточной окраины этой страны также упоминается у Марко Поло (см. ниже). Самъ я далѣе Аксу не былъ, поэтому не имѣю объ этомъ собственнаго мнѣнія. Изъ вышесказанныхъ подробностей можно заключить, что примѣсъ монголизма у кангарцевъ неравномѣрно выражается на различныхъ частяхъ головы и лица: форма головы и ушей, качество бороды и отчасти ширина лица у большинства напоминаютъ монголовъ, напротивъ, носъ, ротъ и глаза, болѣею частью, благообразные. Примѣсъ сѣрыхъ (немонгольскихъ) глазъ довольно значительна. Къ удивленію, по пути къ Аксу я замѣтилъ, что въ Маралбаша и ближайшихъ селеніяхъ почему-то сохранился болѣе чистый кавказскій типъ — правильное овальное лицо, прямой благообразный ротъ, тонкій носъ, глаза побольше тюркскихъ, довольно высокій ростъ, напротивъ, въ Аксу монгольскій типъ еще болѣе выраженъ, чѣмъ на западѣ, да это и согласуется съ общимъ правиломъ, такъ какъ наплывъ монголовъ шелъ съ востока и изъ Китая. Большинство подробно изслѣдованныхъ были Кангарскаго оазиса, но 5 были изъ Аксу и Турфана, значить изъ болѣе восточныхъ мѣстъ; у этихъ 2 (т. е. 40%) имѣли монгольскіе рты, а борода у двухъ изъ 5 была плохая, у 3-хъ ея почти вовсе не было.

Выраженіе лица, можно сказать, индифферентное. Ни думкаваго, ни хищнаго, ни заискивающаго ротѣвика. Въ немъ нѣтъ, но въ тоже время незамѣтно въ немъ и живости, динамики, смѣлости, привѣтливости и т. п. У киргиза, въ сравненіи съ кангарцемъ, и въ лицѣ, и въ движеніяхъ болѣе замѣчается бодрости, подвижности, участія, вообще того, что принято обозначать собирательнымъ названіемъ симпатнаго. Кангарцы не столько присматриваются, сколько глазюютъ на чужеземца въ какомъ-то оцѣпѣннѣи. Болѣе живости и на-

блюдательности въ лицахъ я замѣчалъ около Маралбаша, да отчасти въ Аксу и Учътурфанѣ. Не смотря, впрочемъ, на невыразительность и нѣкоторую вилость, нельзя сказать, чтобы эти сарты производили отталкивающее впечатлѣніе; большинство ихъ вызываетъ впечатлѣніе—ни то, ни се, у нѣкоторыхъ замѣтенъ добродушный отблескъ въ лицѣ, напротивъ лукавый встрѣчается гораздо рѣже.

Развитіе *физической силы и ловкости* у этого народа тоже, повидимому, не представляетъ ничего выдающагося. Правда, что оба пола привычны къ верховой ѣздѣ, и хорошіе наѣзники нѣрѣдкость. Есть даже игры съ джигитовкой, при которыхъ полагается на ходу поднимать какую-нибудь вещь съ земли и т. п. Но сомнительно, чтобы кашгарцы, въ массѣ своей, могли состязаться съ истинно наѣзническимъ народомъ, напримѣръ киргизами, арабами, кабилами, съ казаками и т. п. Большинство ѣдитъ на ослахъ, но и у обладающихъ лошадьми любовь къ наѣзническимъ забавамъ развита, повидимому, очень посредственно. Киргизы не любятъ медленной ѣзды и то и дѣло перегоняются въ карьеръ, въ Кашгаріи же я за все время пребыванія моего тамъ не видалъ ничего подобнаго. Цовцовъ въ этой странѣ, конечно, можетъ быть лишь очень небольшое число, такъ какъ рѣки, болѣею частью, столь мелки, что плавать нѣгдѣ. Другія физическія упражненія, лазаніе по горамъ, гребля и т. п. тоже не процвѣтаютъ, вслѣдствіе физическаго характера страны. Борьба, упражненія въ стрѣльбѣ, въ метаніи и проч. не въ модѣ. Пляска существуетъ, объ ней будетъ упомянуто ниже.

Давнѣйшее знакомство съ этимъ народомъ согласуется съ первыми впечатлѣніями.

Темпераментъ, т. е. преобладающее расположеніе духа, тѣсно связанное съ состояніемъ здоровья нервной системы, — у кашгарца представляетъ нѣчто среднее; въ немъ, по сравненію, напримѣръ, съ киргизомъ и съ русскимъ, замѣтно меньше

жизненного огня. Мы здесь нигде не случалось видеть веселых игр, слышать шутки и хохот даже между детьми. Песня существует, но ни одной поющей женщины мы не встрѣчались. Весьма правдоподобно, что это отчасти лишь выраженіе временныхъ причинъ, напримѣръ той тяжелой внѣшней обстановки, которую многимъ изъ нихъ приходится выносить, особенно женщинамъ. Точно также слишкомъ поспѣшно было-бы составлять себѣ понятіе о темпераментѣ и характерѣ англичанъ, по тѣмъ сосредоточеннымъ, печальнымъ или пьянымъ людямъ, которые населяютъ лондонскій White Chapel и которые очень мало соотвѣтствуютъ старой характеристикѣ „merry old England“. Но, тѣмъ не менѣе, и тѣ изъ кашгарцевъ, которымъ живется относительно недурно, не отличаются проявленіемъ выдающейся жизненной энергіи, поэтому я расположенъ думать, что имѣемъ передъ собою черту народную, вызванную болѣе глубокими и постоянными условіями.

Но не только въ темпераментѣ, а и въ характерѣ этого народа замѣчается недостатокъ активной энергіи, чему увидимъ подтвержденія въ его исторіи. Въ многочисленныхъ переворотахъ и смѣнахъ одного деспота другимъ, даже одной вѣры другою, исторія Кашгаріи не блещетъ эпизодами стойкаго сопротивленія, смѣлыхъ предпріятій, героическаго самопожертвованія и т. п. Да и самое то обстоятельство, что въ этой странѣ такъ часто мѣнялись владыки, указываетъ на пассивность населенія. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы въ немъ не выработались другаго рода положительныя качества. Напротивъ, это народъ недурной, и въ немъ есть нѣкоторыя другія проявленія нравственныхъ силъ, которыя слѣдуетъ отнести къ очень почтеннымъ. Во-первыхъ, несомнѣнно, что кашгарцы трудолюбивы и буквально въ потъ лица зарабатываютъ хлѣбъ насущный. Затѣмъ нельзя имъ отказать и въ честности. Не смотря на страшную бѣдность пролетаріата Кашгара, воровство случается рѣдко. Ни въ

одной деревенской избѣ ни на одномъ даже постояломъ дворѣ не найдете, что-либо похожее на замокъ у дверей. А между тѣмъ по большой дорогѣ, гдѣ много проѣзжаетъ неізнѣстныхъ, легко было-бы уйдти отъ подозрѣнія. Значитъ существуетъ *dovprie*, въ родѣ того, какъ въ Финляндіи. Кромѣ того, обращаетъ на себя вниманіе аккуратность, съ которою доставляются возчиками товары и серебро за границу, т. е. въ Ошъ или Нарынъ. Стоимость ихъ, обыкновенно, въ десять разъ и болѣе превышаетъ величину всего оборотнаго капитала возчика, но не было случая, чтобы товары пропадали совсѣмъ или отчасти (какъ это бываетъ по Ташкенто-Оренбургскому тракту), а между тѣмъ скрыться за границу отъ преслѣдованія было-бы очень легко. О причинахъ малаго развитія воровства и мошенничества еще будетъ упомянуто ниже. Здѣсь ограничиваюсь указаніемъ на существованіе факта. Съ нимъ согласуется и то обстоятельство, что плутовскія и хищническія физіономіи, которыхъ наприм. довольно много между европейскими евреями¹⁾, здѣсь встрѣчаются рѣдко. Съ другой стороны въ характерѣ кашгарца нѣтъ и смѣлости, поэтому грабежи и разбой еще рѣже воровства. Къ слабымъ сторонамъ характера кашгарцевъ относится *нечистоплотность*, склонность къ злоупотребленію *адурношхъ веществъ* и къ половому разврату. Восточные города вообще крайне грязны (кромѣ японскихъ), да и Европа еще условно совершенствуется по этой части, но въ другихъ мусульманскихъ странахъ, по крайней мѣрѣ, процвѣтаютъ бани, а здѣсь и этого нѣтъ. Въ Кашгарѣ всего одна баня, да и та невелика и плоха, въ Аксу и въ деревняхъ ихъ нѣтъ вовсе, вообще зажиточные люди обмываются дома, бѣдные почти никогда.

¹⁾ Замѣчательно, что въ Кашгаріи почти вовсе нѣтъ евреевъ. Сарты, которыхъ я спрашивалъ о причинахъ этого явленія, отвѣчали, что не знаютъ, но прибавляли съ улыбкою: „да и хорошо—что ихъ нѣтъ“. Въ Кашгарѣ до моего прибытія было два еврея, но и тѣ эмигрировали въ Россію.

Что касается остальных двух качеств, то они, главным образом, относятся къ населенію городовъ и въ значительной степени вызваны и поддерживаются экономическою нуждою и вызванною этимъ условіемъ эмиграціею мужчинъ, хотя есть и другія причины, и основаніе этихъ темныхъ сторонъ было положено очень давно. Эмиграція эта относится преимущественно къ городамъ и вслѣдствіе этого преобладаніе женскаго пола тамъ такъ значительно, что Кашгаръ и другіе города Кашгаріи славятся во всей Средней Азии дешёвизною женъ. За 2—3 рубля можно приобрести „законную жену“, да какъ только она чѣмъ-нибудь не понравится, ей дають увольненіе, т. е. разводъ. Есть мужья, которые развѣ до 5—6 въ годъ имѣяють женъ. Педерастія не въ обыкновеніи, за исключеніемъ китайцевъ, которые держатъ себѣ сартовскихъ мальчиковъ, но у самихъ сартовъ существуетъ другого рода развратъ, не менѣе гнусный. Нерѣдко женятся на 10—12 лѣтнихъ дѣвочкахъ, у которыхъ нѣтъ еще ни груди, ни менструаціи, а чтобы сдѣлать ихъ удободоступными, то на первый разъ связываютъ или опиваютъ опиумъ. Мало-по-малу удается мужу „выработать“ изъ такой жены искусственно созрѣвающій половой организмъ, которымъ онъ гѣнится, пока онъ на что-нибудь годенъ. Какимъ должны быть такіа матерія и ихъ изометство, понятно каждому, это одна изъ причинъ мизерности городского населенія. Въ деревняхъ этотъ развратъ не существуетъ и вообще тамъ отношенія правильнѣе, почти всѣ имѣють по одной женѣ и живутъ съ нею долго, и измѣнъ не имѣють. Судьба заброшенныхъ за негодностью городскихъ женъ плачевная, для нихъ нѣтъ даже профессіи поденницъ, единственно, что остается—это работать мату за самую ничтожную плату. Въ свою очередь, у женщинъ, которыя при обиліи своемъ, не знаютъ куда приложить свой инстинктъ, выработаны способъ искусственнаго умиротворенія таковыхъ, помощію различныхъ хитро придуманныхъ аппаратовъ. Како-

ва должна быть семейная жизнь и воспитаніе при такихъ обычаяхъ, нетрудно себѣ представить. Рядомъ съ половымъ развратомъ и исходя изъ тѣхъ же причинъ, стоитъ злоупотребленіе наркотическими веществами. Въ Кашгарѣ половина мужчинъ пролетаріата курятъ *нашу*, т.-е. гашишъ; изъ 100 женщинъ 4—5 лакомятся гашишными конфетами. Въ Аксу забавляются и гашишемъ и опиѣмъ, хотя нѣсколько менѣе: изъ 10 мужчинъ 2—3 этому подвержены. Принимаютъ эти зелья болѣею частью въ особыхъ заведеніяхъ, для куренія употребляютъ *чилима*, состоящій изъ камышевого мубука и глиняной чашечки, *нашу* вмѣстѣ съ табакомъ и горящими углями раскуриваютъ и вдыхаютъ дымъ. Есть, впрочемъ, довольно большое число способовъ принятія наркотическихъ препаратовъ и кромѣ конопли и опиѣ, на это идутъ *бблена*, *дурманъ*, даже *челибуха* (по крайней мѣрѣ это такъ въ Ферганѣ¹⁾) и, по всей вѣроятности, вызванная этими одуряющими веществами веселость искусственно заставляеть забывать горе дѣйствительности, но въ итогъ, конечно, получается двойной вредъ. Оттого нервы у кашгарцевъ плохи, по крайней мѣрѣ, у городскихъ: часто, напримѣръ, они ударяются въ слезы, даже старики, на умопомѣнительство весьма нерѣдко идутъ. Китайцы считаютъ кашгарцевъ народомъ *неспокойнымъ*, *взбалмошнымъ* и склоннымъ къ возстаніямъ. Возможно, что вышеописанныя вредныя привычки, подрывающія здоровье нервной системы, вмѣстѣ съ бѣдностью, представляютъ отчасти пригодную для этого почву, но большую долю вины въ частыхъ возстаніяхъ и переворотахъ несутъ сами китайцы, которые не стараются вникать въ нужды народа и, наоборотъ, доводить его до недовольства. Дѣйствительно, и въ настоящее время тамъ далеко до спокойствія, народъ *неспокоенъ*, прислушивается къ каждому слуху и, при случаѣ, го-

¹⁾ См. *Моравицкій*. „Наркотическія вещества, употребляемыя населеніемъ Ферганской области“, въ Трудахъ Общества Казанск. Естествениспытателей. 1886 г.

товъ возетать. Но при отсутствіи воццественности въ его характерѣ, можно сказать навѣрное, что при лучшемъ экономическомъ и политическомъ положеніи, не было-бы такого безпокойства, тѣмъ болѣе, что при другихъ условіяхъ и вредныя привычки частной жизни не могли-бы имѣть такого простора. Точно также жадность и безсовѣстность различныхъ мѣстныхъ аристократовъ, дѣйствующихъ въ качествѣ бековъ подъ начальствомъ китайцевъ, не могутъ не быть отнесены къ темнымъ сторонамъ народа вообще.

Въ числѣ выдающихся привычекъ кашгарцевъ нѣкоторые путешественники прежнихъ временъ (см. ниже) упоминають о любви къ *зрѣлищамъ* и *празднествамъ*, къ *пляскамъ*, *пнню* и *музыкѣ*. Хотя мнѣ лично не встрѣчалось ничего особенно замѣчательнаго по этой части, но праздничковъ дѣйствительно больше, чѣмъ въ остальной Средней Азіи. Поэтому, до извѣстной степени, можно допустить, что наклонность къ зрѣлищамъ и общественнымъ увеселеніямъ здѣсь выражается ярче, о причинахъ чего будетъ сказано впоследствии. Что насъ, чужеземцевъ, на привалахъ, обыкновенно, окружала тогда, въ этомъ я ничего не находилъ особеннаго, да даже и при этомъ я замѣтилъ, что со стороны китайцевъ обнаруживалось болѣе любопытства и даже назойливости.

Годовые праздники здѣсь, какъ и вездѣ, существуютъ и справляются при различныхъ торжествахъ и увеселеніяхъ, но ихъ, во всякомъ случаѣ, меньше, чѣмъ въ христіанскихъ странахъ. Къ нимъ относятся празднованія *Новаго года* и *Байрамъ* (большой и малый), затѣмъ *Айомъ* (котораго нѣтъ въ другихъ средне-азіатскихъ странахъ). Онъ празднуется въ 15-й день мѣсяца Барата, въ знакъ того, что „въ этотъ день на небѣ повѣряють списки людей и вычеркивають умершихъ“. При этомъ, ночь проводятъ въ играхъ, пляскахъ, угощеніяхъ и проч. По частнымъ поводамъ, по случаю обрѣзанія ребенка, свадьбы и проч., кашгарцы справляютъ увеселенія,

какъ это введено и у другихъ среднеазіятцевъ, но кромѣ того здѣсь существуютъ празднества по случаю снятія траура и по случаю признанія за женщиною названія *Джуванъ*¹⁾. Общественныя увеселенія обыкновенно происходятъ въ садахъ, въ особенности въ садахъ, окружающихъ могилу Хазретъ-Апака-ходжи, мѣстнаго святаго. Иногда ѣборища бывають по складчигѣ (бараватъ), иногда же угощаетъ хозяинъ сада (машрабъ). Препровожденіе времени при этомъ заключается въ разговорахъ, слушаніи музыкантовъ, въ пляскѣ, иногда въ чтеніи въ слухъ книги *Абу-Муслинъ*, содержащей рассказы о подвигахъ этого полководца, временъ втораго калифа династіи Абассидовъ. Увеселеніе продолжается съ утра до 5—6 часовъ вечера и сопровождается ѣдою и питьемъ (вина и водки не бываетъ).

Пляска состоитъ въ томъ, что одна или двѣ женщины, подѣ звуки лютии, пѣнія и прихлопыванія въ тактъ въ ладоши, медленными шажками движутся по комнатѣ, извиваясь тѣломъ и руками и сами хлопая въ ладоши; поврежемантъ, подѣ ускоренный тактъ, кружатся²⁾. Въ Яркендѣ вмѣстѣ съ женщинами пляшутъ и мужчины, въ Кашгарѣ же нѣтъ. По поводу пѣнія и музыки перейдемъ къ разбору способностей кашгарцевъ. Почти всѣ прежніе путешественники обратили вниманіе на склонность ихъ къ этимъ занятіямъ. И, дѣйствительно, у нихъ, кажется, болѣе къ этому способности, чѣмъ у другихъ азіятцевъ, у нихъ много музыкальных инструментовъ и пѣсни ихъ мелодичнѣе, чѣмъ въ западномъ Туркестанѣ. Но спѣшу прибавить, что это, повидимому, относится лишь къ тѣмъ, которые болѣе или менѣе обучались этому дѣлу, да и то здѣсь мѣрять приходится не европейскимъ мас-

¹⁾ Сущность его въ томъ, что на женщину, впервые родившую ребенка, надѣвають рубашку съ большимъ вырѣзомъ посрединѣ и косы расплетаютъ надвое.

²⁾ Описаніе это сообщено мнѣ Н. Ѳ. Петровскимъ. Самому мнѣ не пришлось видѣть пляски.

нтабомъ, обыкновенная же простонародная пѣсня мнѣ показала крайне непривлекательною. Это какой-то блѣдный речитативъ, который ни въ какомъ отношеніи не можетъ быть сравниваемъ съ пѣсней русскаго или западно-европейскаго простолюдина, даже не говоря объ итальянцахъ. Вообще пѣніе здѣсь слышится гораздо рѣже, чѣмъ въ нашихъ деревняхъ, а музыки не слыхалъ ни разу. Поэтому я думаю, что музыкальность кашгарцевъ все-таки весьма относительная, т.-е. ее можно признать, по сравненіи, напр., съ китайцами, бухарцами и т. п., но никакъ не съ европейцами. Число музыкальных инструментовъ въ Кашгаріи довольно значительно: 1) *Дютаръ* есть лютия въ видѣ полугруши съ двумя витыми струнами. 2) *Ситаръ*—лютия съ тремя мѣдными струнами. 3) *Чаштаръ* или *танбуръ* есть шести-струнный инструментъ со смычкомъ, но среднія двѣ струны приподняты. 4) Двѣнадцати-струнная *скрипка*¹⁾. 5) *Рабоъ* (у индусовъ сарчи)—шестиструнная лютия. 6) *Кануиз* или *Калинъ*—родъ гуслей, который, можетъ быть, есть прародитель нашего фортепиано, на немъ стальные струны на подставкахъ, при немъ ключъ для настраиванія, играютъ деревянными ударными палочками. 7) *Зурнай* гобой, котораго отечество Персія. 8) *Начара*—малыя, глиняныя зитары, съ двумя ударными палочками. 9) *Сафаай*—погремушка, состоящая изъ палочки, на которой надѣты желѣзные кольца. 10) *Сататъ*—небольшой цимбалъ. Кромѣ того употребляются барабаны. Трудно сказать, насколько въ нынѣшней формѣ этихъ инструментовъ участвовала изобрѣтательность самой Кашгаріи, но, по всей вѣроятности, нѣкоторые изъ нихъ происхожденія иноземнаго. ¹⁾ *Остальные* проявления художественныхъ способностей отсутствуютъ, въ особенности это относится къ архитектурѣ, но жалкому состоянію которой никакъ нельзя было бы подумать, что этотъ народъ живетъ культурной жизнью уже

1) Ее тоже называютъ ситаръ.

около 2000 лѣтъ. Живопись ограничивается узорами на коврахъ, иногда довольно удачно подобранными, но вообще отсутствіе сколько-нибудь изящныхъ украшеній на домахъ и предметахъ домашней обстановки и отчасти даже неизящество женскаго костюма не даютъ повода предполагать у этого народа сколько-нибудь развитаго вкуса, хотя-бы и не было того антагонизма, въ которомъ исламъ находится относительно живописи и скульптуры.

Умственное развитіе также сравнительно низкое. При разсматриваніи его слѣдуетъ различать послѣдствія образованія отъ тѣхъ, скрытыхъ, такъ сказать, органически-укрѣпленныхъ способностей, которыя у народовъ старой культуры вырабатывались съ теченіемъ времени и обнаруживаются при малѣйшемъ толчкѣ извнѣ. Такъ, итальянскій простолюдинъ зачастую отличается глубокимъ невѣжествомъ; но въ немъ дремлютъ способности, которыя лишь ожидаютъ благопріятныхъ условій для своего проявленія, а художественныя его склонности часто вырываются на свѣтъ даже безъ такихъ условій. О кашгарцѣ можно сказать, что онъ не только по образованію стоитъ низко, но и стойкихъ умственныхъ способностей въ немъ накопилось довольно ограниченное число и онъ посредственнаго развитія. Волѣ всего развиты способности *торговья*. Кашгарія искони была торговою страной и прежде даже пользовалась нѣкоторою извѣстностью по этой части, а на это, кромѣ матеріальныхъ условій, нужны и соотвѣтственныя способности. Все это, впрочемъ, относится только къ городскому населенію. Кромѣ того, кашгарцы уже въ старину были хорошими ремесленниками, что, впрочемъ, слѣдуетъ понимать не въ общемъ смыслѣ; искусство ихъ всегда ограничивалось нѣкоторыми спеціальными отраслями промышленности. Ковры, кошмы, хлопчато-бумажныя ткани, готовая изъ нихъ одежда, обувь, выдѣланныя шкурки, — вотъ почти все, чѣмъ можетъ похвалиться эта страна. Лучшіе ковры хо-

танскіе, лучшія кошмы—аксуйскія. Въ прежніе вѣка еще упоминали объ искусствѣ жителей по части выдѣлокъ изъ шкуры (юй), металлической посуды, оружія, золотыхъ вещей, и проч., но въ настоящее время ничего этого нѣтъ. Многое, напротивъ, что нами называется азбукою ремесленного и промышленнаго производства, имѣ не только неизвѣство, но и растолковать и приучить ихъ къ этому трудно. Въ этомъ отношеніи китайцы ихъ опередили. Китаецъ незнакомъ со многими отраслями европейской промышленности, но у него на все подобное выработалась такая жилка понятливости, что онъ скоро угадываетъ въ чемъ дѣло и можетъ съ успѣхомъ конкурировать съ европейцемъ. Что касается высшихъ проявленій ума, способности къ наукамъ, къ философскимъ и религіознымъ ученіямъ, къ изобрѣтеніямъ, къ соціальному прогрессу и т. д., то кашгарцы не только въ настоящее время не имѣютъ понятія о чемъ-либо подобномъ, но и въ прежнія времена, когда нѣкоторые отдѣльные города процвѣтали въ сравненіи съ настоящимъ, мысль этого народа не выходила изъ посредственности и Кашгарія ничѣмъ выдающимся себя не заявила среди своихъ азіатскихъ сестеръ. Аравія дала геніальныхъ вѣроучителей, полководцевъ, ученыхъ, поэтовъ и зодчихъ; Персія—вѣроучителей, поэтовъ, завоевателей; Западный Туркестанъ—полководцевъ, ученыхъ, зодчихъ; геніальные люди еврейскаго народа всѣмъ извѣстны; даже Китай заявилъ себя многимъ по части изобрѣтеній и наукъ, хотя у него носятъ все своеобразный, тяжелый характеръ; Индія дала первоклассныхъ мыслителей и реформаторовъ; даже у монгольскихъ кочевниковъ дикая стихійная энергія неоднократно воплощалась въ могучихъ завоевателяхъ, заставлявшихъ трепетать міръ. Кашгарія же, кромѣ прилежанія въ изученіи буддійской и мусульманской догматики—о чемъ будетъ упомянуто въ исторической части—и нѣкоторыхъ слабыхъ проявленій въ наукѣ, не дала ничего, даже въ періодъ наибольшаго процвѣтанія. Но и это относится къ дѣ-

ламъ минувшимъ; въ настоящее время этотъ народъ отличается замѣчательнымъ невѣжествомъ и отсутствіемъ интереса къ чему-либо идеальному, за исключеніемъ, развѣ, музыки. При мечетяхъ содержатся школы, но въ нихъ кромѣ грамоты и задалбливанія корана ничего не преподають и сами муллы остаются невѣждами. Но и эти проблески ученія крайне скудны. О размѣрѣ грамотности можно судить по тому, что въ школахъ города Аксу, имѣющаго 40000—50000 жителей, обучается всего 150 дѣтей. Книгопечатаніе для Кашгара, какъ-бы составляетъ неизвѣстное открытіе, нигдѣ не замѣтить я книжныхъ лавокъ, а въ домахъ не видать намека на книги. Многіе изъ „сливокъ общества“, наприм., разные зажиточные купцы, муллы, аксакалы и т. п., безграмотны и незнакомы съ самыми обыкновенными для европейскаго простолюдина предметами. Такъ, наприм., аксакалъ гор. Аксу, человекъ несомнѣннаго природнаго ума и житейскаго опыта, не зналъ горчицы, мяты, скинидара и т. п. обыкновеннѣйшихъ средствъ, употребляющихся въ домашнемъ леченіи и техникахъ. Все, что происходитъ за предѣлами его отечества, для кашгарца представляетъ диковинку. Какъ ни безсодержательна богословская наука Ислама, но здѣсь никто объ ней не домышляетъ и рѣшительно не замѣтно того знакомства со священными книгами, которое существовало въ Кашгаріи во времена буддизма, но и до сих поръ. Кромѣ фанатической преданности буквѣ и традиціи, здѣшніе муллы ничѣмъ не отличаются. Есть и дервиши, по временамъ производящіе свои безумныя пляски въ мечетяхъ. Леченіе болѣзней исключительно состоитъ изъ напештываний и чтеній молитвъ изъ корана.¹⁾ Въ одной деревнѣ, гдѣ мы расположились на ночлегъ, я былъ разбуженъ барабаннымъ боемъ. Оказалось, что въ сосѣдней избѣ приступали къ изгнанію дьявола изъ больного мальчика. Это въ то время, когда все знали, что какъ разъ пріѣхалъ врачъ. Оказалось,

¹⁾ Именно среднимъ счетомъ необходимо 9.

что у больного был упорный видъ лихорадки, отъ которой я имъ далъ лекарства на другое утро. Вообще, въ деревняхъ ко мнѣ обращались довольно рѣдко и я замѣтилъ, при этомъ, что растолковать имъ способъ употребленія лекарствъ труднѣе, чѣмъ киргизамъ, и вообще киргизъ внимательнѣе, кругозоръ его шире, чѣмъ у кашгарскаго мужика. Чѣмъ изолированнѣе мѣстность, чѣмъ болѣе безцвѣтны и первобытны условія жизни, тѣмъ и уровень развитія ниже; примѣромъ можетъ послужить населеніе Лобъ-нора, которое, повидимому, занимаетъ низшую ступень между людьми этой страны.

Экономическое и социальное положеніе, судъ и управленіе. Видность въ Кашгаріи сдѣлалась явленіемъ хроническимъ. Въ культурныхъ оазисахъ есть очень плодородные участки и, кромѣ того, населеніе научилось утилизировать наемъ. Но число и величина благодатныхъ участковъ несоотвѣтствуетъ числу населеній, огромное большинство мѣстностей представляетъ песчаную или солонцоватую почву, которая даже при орошеніи не окупаетъ потраченныхъ трудовъ, другія мѣстности болотисты и тамъ съ трудомъ можно прокормить скотъ тростникомъ, а о хлѣбѣ и думать нечего. Другіе источники природнаго богатства недоступны. Поэтому, лишніе силы отправляются на заработки въ города, а оттуда многіе уходятъ за-границу, т.-е. въ наши предѣлы, въ Туркестанъ и Семирѣчье, гдѣ трудъ лучше оплачивается. Въ Кашгарѣ почасная плата 10—11 копѣекъ, въ Аксу 15—16; дешевизна же съѣстныхъ припасовъ вовсе не такова, чтобы этимъ сколько-нибудь наверстывалось плохое вознагражденіе рабочаго. Фунтъ баранины въ Кашгарѣ стоитъ 6—7 коп., столько-же стоитъ порція тукачей, необходимая взрослому рабочему въ сутки, когда онъ, какъ это болѣею частію бываетъ, сидитъ на нихъ однихъ.

На улицахъ часто встрѣчаются дѣти и взрослые въ рубищахъ и истощеннаго вида. Дома, сами по себѣ, убогіе и

жалкіе, но въ Кашгарѣ и этой роскоши многіе не имѣютъ, а живутъ за городомъ прямо въ земляныхъ порахъ. Особенно плохо оплачивается женскій трудъ, что служитъ одною изъ главныхъ причинъ вышеописанной продажи и униженія женщинъ. Кромѣ естественныхъ условий бѣдности немало способствуетъ система управления. Уже казенный налогъ, установленный китайскимъ правительствомъ, значительный — около 10 руб. съ избы, въ видѣ натуральной повинности, но это далеко не все. Кромѣ этого, земледѣлецъ принужденъ отдавать значительную часть своего дохода (около Аксу до 40%) въ пользу чиновниковъ, а солдаты зачастую прямо грабятъ на базарахъ. Немудрено послѣ этого, что изъ полей принадлежащихъ жителямъ Аксу, около $\frac{1}{3}$ остается необработанной. Конечно, это земля худшаго сорта, но и ее бы возможно было обрабатывать безъ этой системы высасыванія и грабежа. Поэтому, многіе землевладельцы обращаются въ поденщиковъ, съ которыхъ поборовъ не берутъ.

Эмиграція мужскаго населенія замѣчается болѣе всего въ городахъ; въ деревняхъ, по собраннымъ мною въ нѣсколькихъ мѣстахъ справкамъ, хотя тоже нѣкоторые уходятъ, но все-таки численность половъ, болѣе или менѣе, остается въ равновѣсїи.

Въ Кашгарїи существуетъ аристократія, но въ сущности передъ китайской властью всѣ равны. Большинство должностныхъ бековъ, правда, принадлежатъ къ мѣстнымъ патриціямъ, но точно также по волѣ губернатора можетъ быть назначенъ и простой человекъ. Беки эти безъ исключенія покорные рабы китайцевъ и высасываютъ народъ въ свою пользу.

Объ управленіи достаточно сказать, что оно китайское и притомъ худшаго сорта, по случаю отдаленности края и того деспотизма, который безъ того легко водворяется въ завоеванныхъ странахъ, а здѣсь поддерживается еще боязнью

снова потерять этот край, который китайцы считают издавна своим достояніемъ, но который не однократно ускользалъ изъ ихъ рукъ. Притомъ, чиновничество и офицерство здѣсь даже между китайцами представляютъ сбродъ, это—люди совершенно грубые и проголодавшіеся, а между солдатами значительная часть изъ бывшихъ есылныхъ преступниковъ. Для держанія народа въ страхъ широко примѣняются средства китайской дисциплины. О поборахъ и высасываніи при взиманіи налоговъ уже была рѣчь, слѣдуетъ еще добавить, что для людей имущихъ придуманы чиновниками еще особаго рода поборы: они выписываютъ ойтмъ плохой чай изъ Китая и сбываютъ его купцамъ по высокимъ цѣнамъ въ убытокъ и, кромѣ того, иногда дѣлаютъ принудительные займы. Объ административныхъ порядкахъ и о войскахъ еще будутъ ниже приведены нѣкоторыя подробности.

Судъ оставленъ китайцамъ прежній, т.-е. по шаріату, но судьи назначаются уже не по выбору, а начальствомъ, вслѣдствіе чего, мало-по-малу, лучшие казии изъ мусульманъ уволены, или сами сложили съ себя званіе.

Если теперь присоединить то безусловное равнодушіе и предоставленіе народа самому себѣ и общественнымъ нуждамъ и бѣдствіямъ, вообще мертвящее вліяніе того жалкаго, человѣческаго образчика, которое представляетъ китайскій чиновникъ, лавочникъ и солдатъ,—то будетъ понятно, какъ сложились недовольство и ненависть, съ которыми нынѣшніе кашгарцы относятся къ своимъ китайскимъ господамъ. Въ исторической главѣ мы увидимъ, что не всегда вліяніе китайскаго режима было таково, что бывали періоды, когда народъ бывалъ доволенъ появленіемъ китайцевъ и даже посылалъ къ нимъ посольство съ приглашеніемъ возвратиться. Но при системѣ, подобной китайской, такое вліяніе всегда можетъ быть лишь временнымъ, т.-е. оно зависитъ отъ того, какія личности въ данное время управляютъ. Поэтому и въ прежнія времена періоды относительнаго довольства смѣ-

нились возстаніями, притомъ въ старину условія жизни были нѣсколько иныя. Напримѣръ, когда постоянно можно было опасаться грабительскихъ нашествій со стороны сосѣднихъ кочевниковъ, то даже власть китайцевъ, которая предохраняла отъ этого, должна была казаться благопріятною. Притомъ въ прошлое время торговля и промышленность Кашгаріи стояли выше, бѣдности такой не было и высасываніе со стороны китайцевъ менѣе было ощутительно. Наконецъ, что тоже немаловажно, — кашгарцу не было извѣстно другаго болѣе правильнаго режима, въ настоящее же время онъ о немъ прослышалъ. Народъ своимъ темнымъ инстинктомъ въ настоящемъ прилѣпился къ одному идеалу, который ему представился безъ активнаго старанія съ чьей-бы то ни было стороны: онъ видитъ насколько лучше живетъ его племенникамъ, туркестанскимъ и семирѣченскимъ сартамъ, онъ самъ, въ лицѣ своихъ эмигрантовъ, испытываетъ это улучшеніе, что же мудренаго, что въ настоящее время въ Кашгаріи, дѣйствительно, существуетъ тяготѣніе къ Россіи. Положимъ, что многіе изъ массы еще настолько тупы, что не представляютъ себѣ ничего опредѣленнаго подъ именемъ „урусовъ“, но вліятельныя лица и муллы, зажиточныя купцы и т. п. хорошо знаютъ, чего желаютъ, и при всякомъ удобномъ случаѣ направляютъ народъ въ эту сторону. Они не спрашиваютъ, желаетъ-ли сама Россія взвалить себѣ еще эту иновую обузу, а дѣйствуютъ съ точки зрѣнія своихъ собственныхъ желаній. Не безразлично, въ этомъ отношеніи, и вліяніе такъ назыв. „андижанскихъ“ сартовъ, т.-е. русскихъ подданныхъ изъ Ферганы, которые живутъ въ небольшомъ числѣ по городамъ и мѣстечкамъ. Но при этомъ слѣдуетъ упомянуть, что въ Кашгаріи есть еще особый сортъ „андижанцевъ“, которыхъ китайцы считаютъ своими подданными, они же считаютъ себя русскими. Дѣло въ томъ, что давно уже въ Кашгаріи имѣли осѣдность коканды, которые, тѣмъ не менѣе, продолжали считаться подданными коканскаго хана,

и Якубъ-бекъ признавалъ ихъ таковыми; когда-же Кашгарія въ послѣдній разъ была забрана китайцами, то послѣдніе не стали признавать этого порядка вещей и обложили ихъ податью. Правда, что и до сихъ поръ въ извѣстномъ смыслѣ деликатничаютъ съ этими андижанцами и берутъ съ нихъ половину того, что съ другихъ, но, тѣмъ не менѣе, сами андижанцы считаютъ и это узурпаціею, а себя—русскими подданными, на томъ основаніи, что первоначальное ихъ отечество присоединено къ Россіи. Эти андижанцы представляютъ, поэтому, безпокойный и опасный для китайцевъ элементъ, при первомъ удобномъ случаѣ они-бы накиннулись на нихъ и ихъ однихъ, пожалуй, было-бы достаточно, для изгнанія сыновъ небесной имперіи, до полученія ими подкрѣпленія изъ Китая. Есть основаніе допустить, что они могутъ выставить до 10.000 вооруженныхъ людей и они неоднократно проговаривались, что у нихъ есть запрятанное оружіе. Значеніе Россіи въ умахъ кашгарскаго народа выражается однимъ интереснымъ и знаменательнымъ явленіемъ, именно курсомъ русскихъ денегъ. Въ то время, когда мы сами не знаемъ, какъ остановить нашъ рубль въ его стремленіи приблизиться къ полтиннику, въ Кашгарѣ даютъ за русскую бумажку¹⁾ 6—7⁰/₀ лажа. Наивность китайской администраціи въ этомъ дѣлѣ выказалась поразительнымъ образомъ: неоднократно Кашгарскій губернаторъ изрекалъ сиплабусы, чтобы „не смѣли считать русскихъ денегъ дороже ихъ дѣйствительной стоимости“, но, къ огорченію и изумленію почтеннаго сановника, манифесты его оставались гласомъ вопіющаго въ пустынь, бывало даже такъ, что какъ разъ послѣ этого бумажный курсъ еще поднимался. Китайскія деньги или *либы* представляютъ очень крупныя, крайне-грубой от-

¹⁾ Русскія серебряныя деньги берутъ почти вездѣ. Кашгарская серебряная монета или „тенга“ очень грубой чеканки, стоимостью всего въ 10 коп. сер. и чуть-ли не на половину фальшивыя, поэтому много возни при размѣнѣ. Кромѣ того, есть мелкая мѣдная монета.

дѣлки, серебряные четырехугольники. Серебро ихъ очень чистое, но тоже нерѣдко попадаются фальшивые.

Однако, я удалился далеко отъ описанія г. Кашгара, котораго еще не кончилъ. Дѣло въ томъ, что есть еще другой Кашгаръ, т.-е. *Ямишаръ* или новый-городъ, который по преимуществу населенъ китайцами. Отъ стараго онъ удаленъ верстъ на семь. Здѣсь „твердыня“ китайскихъ силъ, т.-е. крѣпость. Она китайской постройки, съ довольно высокими стѣнами, въ которыхъ пониже амбразуры вѣдланы небольшія отверстія, какъ-бы для крѣпостныхъ ружей. Съ виду стѣна глинобитная, хотя я не увѣренъ такъ-ли это; во всякомъ случаѣ, она съ виду болѣе солидна, чѣмъ стѣна стараго города. Тамъ и сямъ надъ гребнемъ стѣны возвышаются небольшіе четырехугольные домики (башни?), кое-гдѣ торчатъ сверху шесты съ красными тряпками, но нигдѣ незамѣтно человеческого существа,—отличительная черта всѣхъ видѣнных мною китайскихъ укрѣпленій. Недалеко отъ городскихъ воротъ имѣется караулъ, но въ ономъ вмѣсто людей видѣются только разставленные коня, алебарды, трезубцы и узенькія, переносимыя на плечахъ, пунки. Войны-же, должныя управлять всѣми этими смертоносными предметами, лишь изрѣдка выглядываютъ на улицу. На нихъ мундирныя кофты, подобныя тѣмъ, которыя я описывать выше. Дома тутъ китайскаго покроя, они больше и выше, у нихъ есть окна, заклеенныя бумагой, и крыши изъ цилиндрическихъ глиняныхъ черепицъ, по краямъ эти крыши, разумѣется, выгнуты и украшены глиняными дракончиками, змѣиными головами, и т.-п. *chefs d'oeuvre* поднебесной скульптуры. Жителей всего тысячи двѣ въ новомъ городѣ, а главная улица представляетъ грязный полутемный корридоръ, котораго стѣны состоятъ изъ лавокъ. Я думаю, что каждый, кто хотя развѣ имѣлъ случай вдохнуть въ себя ароматъ ки-

тайскаго базара, узналъ-бы близость его безошибочно и съ завязанными глазами,—до того врѣзывается въ память этотъ тошнотворный букетъ грязи, кунжутнаго масла, мускуса, опійнаго и табачнаго дыма и проч. Аромату, меня здѣсь встрѣтившему, соответствовала и вся окружающая картина. Открытые спереди грязные шкафы съ прилавками, а за прилавками фигуры въ кофтахъ и юбкахъ, съ грязножелтыми безбородыми апатичными лицами, полувыбритыми головами, хвостами на затылкѣ и съ трубкой въ рукѣ. Около нихъ нагромождены товары самаго незатѣливаго сорта, грубыя китайскія матеріи, башмаки, шляпы, ящики съ плохими чаями, разная мелочь—деревянные гребни, жестяные ящики, зеркала, лубочныя картины, палочки для тѣды (служащія вмѣсто нашихъ вилокъ), трубки и каляны, грубки для опиума и т. п.¹⁾ Прелести этой торговой клоаки для меня еще увеличились тѣмъ, что меня и сопровождавшихъ меня казаковъ осаждала толпа хвостатыхъ звѣакъ, затруднявшихъ каждый шагъ. Когда я сѣлъ въ консульскую коляску, чтобы возвратиться домой, въ памяти моей возстали инаго рода образы, изъ прежнихъ моихъ путешествій. Мнѣ представились сцены изъ видѣнныхъ мною городовъ Японіи страны, которую многіе до сихъ поръ чуть не отождествляютъ съ Китаемъ и которая, между тѣмъ, во многихъ отношеніяхъ, представляетъ его противоположный полюсъ. Вотъ широкая свѣтлая, идеально-чистая улица, изящныя европейскія виллы и уютныя аккуратныя японскіе домики съ выдвижными дверцами и

¹⁾ Табачная трубка, употребляемая простымъ классомъ во всемъ Китаѣ (до нашего Уссурийскаго края), состоитъ изъ короткаго роговаго чубука, нефритоваго мунштука и крошечной мѣдной трубочки, въ которую входитъ щепотка табаку. Чугунная трубка для опиума имѣетъ нѣкоторое сходство съ флейтой. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нижняго конца насаживается полусферовидная металлическая чашечка (трубка), которая вся закрыта, за исключеніемъ крошечнаго отверстія въ срединѣ; на послѣднее насаживаются кусочки продравленнаго опиума, такъ чтобы каналъ его соответствовалъ отверстию чашки.

галлерейками; широкія, чистыя лавки съ очаровательными и разнообразными товарами, а среди ихъ хозяева, мужчины и женщины, тщательно одѣтые и убранные, съ здоровыми, привѣтливыми лицами, иногда окруженные краснощеками, веселыми ребятишками. Выѣхавъ изъ города, мы, между прочимъ, встрѣтили дорогой нѣсколько китайцевъ изъ чиновной аристократіи, ѣхавшихъ въ „каретахъ“. Это—двухколесный, продолговатый, спереди открытый сундукъ, съ полукруглымъ верхомъ и окошечками съ боку, покрашенный болѣею частью въ синій цвѣтъ и запряженный двумя лошадьми, или мулами, идущими гусемъ. Изъ одной изъ этихъ колесницъ выглядывали грубыя краснощекія лица „дамъ“, съ прилизанной высокой прической и громадными серьгами. Китайнокъ, впрочемъ, въ Кашгаріи очень мало, менѣе чиновныя лица держатъ себя сартовскихъ мальчиковъ или женщинъ, которые обизаны одѣваться по-китайски. Какъ у сартянокъ, такъ и у китайнокъ, фальшивыя косы въ большомъ ходу.

Между Новымъ и старымъ Кашгаромъ есть мѣсто, имѣющее трагическій интересъ для велико-образованнаго человека. Въ 1857 году здѣсь былъ убитъ одинъ изъ трехъ знаменитыхъ братьевъ-путешественниковъ, *Шлаигетвейтъ*, Адольфъ. Чрезъ рѣку Кашгаръ-дарья ведетъ каменный мостъ¹⁾; отъ этого моста, по дорогѣ къ новому городу, есть еще нѣсколько деревянныхъ мостиковъ, по которымъ переѣзжаютъ черезъ арыки. У 3-го мостика нѣтъво стоитъ дрянная глиняная полуразвалившаяся сакля. Передъ нею въ тотъ печальный день стоялъ тогдашній владыка Кашгаріи *Валюган-тюря*, грубый и жестокий деспотъ, который въ это время былъ занятъ мыслію, какъ-бы отвести воду отъ Ингинара, т.-е. Новаго города, гдѣ еще держался китайскій гарнизонъ. Вдругъ увидѣли приближающійся по дорогѣ къ старому

¹⁾ Этотъ мостъ съ мечетями раздѣляетъ привилегію сооруженія изъ жженого кирпича, но вообще построекъ онѣ независимы.

Кашгару караванъ, во главѣ котораго вѣхалъ „френгизъ“. Это и былъ Шлагинтвейтъ. Караванъ тотчасъ былъ остановленъ и Валиуханъ потребовалъ отъ Френгиза, чтобы онъ ему помогъ отвести воду. Шлагинтвейтъ не согласился, говоря, что онъ не свидущъ въ этомъ дѣлѣ. Тогда Валиуханъ потребовалъ бумаги, которыя онъ имѣлъ къ Коканскому хану. Когда-же Шлагинтвейтъ и въ этомъ отказалъ, то извергъ крикнулъ „чапъ!“ (руби), и въ мигъ несчастный ученый былъ изрубленъ¹⁾. Изъ четырехъ его палачей одинъ еще живъ, но уѣхалъ куда-то изъ Кашгара. Память объ этомъ событіи еще жива въ народѣ, и разсказъ въ этомъ видѣ былъ переданъ Н. О. Петровскому. Вещи его были частью разграблены, частью уничтожены или заброшены. Къ послѣднимъ относились, конечно, книги и инструменты, но въ недавнее время распросы г. Петровскаго въ этомъ направленіи увѣщались неожиданнымъ успѣхомъ: ему принесли *термометръ* въ сафьянномъ чехлѣ; на чехлѣ и самой скалѣ ясно видѣется надпись „Dr. Schlagintwilt“; термометръ очень длинный и каждый градусъ раздѣленъ на 50 частей.

На третій день моего пребыванія въ Кашгарѣ рѣшено было съѣзжать визитъ губернатору (Дао-таю). Получивъ объ этомъ свѣдѣніе, онъ прислалъ мнѣ свою визитную карточку, т.-е. красную бумажку вершковъ четырехъ длины съ крупными черными каракулями. Я отвѣтствовалъ посылкой своей карточки, надписъ которой, конечно, для Дао-тая оказалась столь же удобопонятной, какъ его для меня. Затѣмъ мы отправились, консулъ и я впереди въ полной формѣ верхомъ, а за нами 12 казаковъ. Было такъ тепло, точнѣе жарко, что

¹⁾ У Ша („Очерки верхней Татаріи, Яркенда и Кашгара“ Роберта Ша. 1872 г.) этотъ эпизодъ разсказывается нѣсколько иначе. Но такъ какъ нашъ вариантъ исходитъ изъ устъ лицъ, близко знавшихъ участниковъ убійства и отыскавшихъ даже термометръ убитаго, то я расположенъ думать, что онъ вѣрнѣе.

я могъ, надѣть китель¹⁾. Выѣздъ нашъ, конечно, составлялъ событіе для городской толпы и облака пыли, поднятой сотнями сбѣжавшихся около насъ ногъ, немало увеличили для насъ удовольствіе этого визита.

Съ узкой улицы, изъ которой входятъ въ губернаторскій „дворецъ“, послѣдняго вовсе не видно, а видна лишь стѣна съ нѣсколькими рядами стоящими воротами, а на воротахъ и vis-à-vis на стѣнѣ другой стороны улицы красуются изображенія аляповато-нарисованныхъ огромныхъ драконовъ, долженствующихъ, вѣроятно, вселять благоговѣйный страхъ въ души прохожихъ. За самими воротами оказался родъ корридора, служащаго для храненія печатей; печати фигуры продолговатой и такой величины, что самое клеймо длиною вершковъ въ шесть. Потомъ слѣдовало нѣсколько дворовъ, изъ которыхъ одинъ крытый; дворы мощены квадратными камнями и мѣстами виднѣются каменные рѣшетки съ растеніями по бокамъ, различныя службы и гауптвахта съ неизмѣнными трезубцами, алебардами и кольями. У воротъ внутренняго двора встрѣтилъ насъ Дао-тай и мы слѣзли съ лошадей. Затѣмъ слѣдовалъ параграфъ изъ „книги о десяти тысячахъ церемоній“, — о которомъ я былъ уже предувѣдомленъ, а именно: его превосходительство, взявъ меня и консула за руки, какъ желанныхъ братцевъ, усиливался ввести насъ первыхъ въ ворота, мы-же, въ свою очередь, должныствовали продѣлать тоже самое надъ нимъ; результатъ былъ, конечно, тотъ, что вся нѣжная тройка, Дао-тай въ серединѣ, мы по-бокамъ, *разомъ вошли* во дворъ и затѣмъ въ пріемную залу. Послѣдняя представляетъ довольно большой сарай съ лощеными полами, 3-мя въ рядъ растворенными дверями и двумя большими квадратными окнами, стекла въ окнахъ матовыя, съ прямоугольными узорами, надъ дверьми устроены подобныя стекла меньшихъ размѣровъ.

¹⁾ Въ Туркестанѣ и Семирѣчьи лѣтняя парадная форма заключается въ китель съ погонами, но при орденахъ.

Стѣны оштукатурены, разрисованы подобными-же узорами, и, кромѣ того, на нихъ видѣются нѣсколько грубыхъ картинъ, изображающихъ цвѣты, птицъ и т. п. Съ потолка висяи крашеные бумажные фонари безъ малаго въ аршинъ длины. Мебель состояла изъ нѣсколькихъ диванчиковъ, покрытыхъ тоненькимъ сукномъ, синяго и краснаго цвѣта подушками, и одного кресла, такой же грубой работы съ прямой спинкой и боками. На диванчикахъ усадили консула и меня, а Дао-тай помѣстился vis-à-vis на креслѣ. По сторонамъ, въ двѣ шеренги, стоя выстроилась его свита и переводчики. Дао-тай человѣкъ лѣтъ 40 съ небольшимъ, съ желтымъ безусымъ, улыбающимся лицомъ. Выраженіе послѣдняго довольно наивное, но не отталкивающее, пожалуй, даже добродушное, хотя этотъ терминъ при употребленіи его относительно китайскаго чиновника всегда слѣдуетъ понимать съ оговоркой, о чемъ скоро будетъ рѣчь. Костюмъ генерала былъ шелковый, состоялъ изъ желтаго подрясника и темносиняго кафтана съ голубымъ лежащимъ воротникомъ и такими же обшивками на широкихъ рукавахъ, сзади и спереди свѣтлая, шелковая же, квадратная бляха съ узорами и надписями, на шеѣ четки изъ черныхъ и красныхъ камней, назначенныя для молитвы за богдыхана. Шляпа съ красной шишкой, сапоги атласные вышеописанной уродливой формы.

Большинство членовъ свиты были съ прозрачными шариками на шляпахъ, т. е. въ оберъ-офицерскихъ чинахъ. Нѣкоторые изъ нихъ были въ длинныхъ кафтанахъ съ кушакомъ—это оказались сартовскіе беки, другіе въ подрясникахъ и кофтахъ съ широкими рукавами или вовсе безъ нихъ; нѣкоторые кофты съ желтыми обшивками и узорами, другія съ синими. Вообще костюмы въ родѣ тѣхъ, которые уже выше были описаны. Оружія ни у кого не было; физіономіи у всѣхъ грубыя и пошлыя.

Начался разговоръ между мною и Дао-таемъ, чрезъ двухъ переводчиковъ. Роль одного изъ нихъ, т. е. по тюркскому

языку изъ любезности взять на себя Н. Θ. Петровскій. После разспросовъ о здоровьи былъ подвергнутъ экзамену относительно имени, фамиліи и чина. Первые показались публикѣ столь замѣчательными, что тотчасъ ихъ записали. Затѣмъ слѣдовали различные паточныя любезности со стороны Дао-тая, въ родѣ: „мы слышали, что гость нашъ очень ученый человѣкъ“ (никто никогда не могъ ему объ этомъ говорить); или: „это, однако, очень высокій чинъ, въ родѣ нашего *дарина*“, и т. п. Не имѣя привычки льстивыхъ словоизверженій, составляющихъ необходимую приправу китайской бесѣды, я придумывалъ чѣмъ-бы ему отвѣтить и, наконецъ, заявилъ, что ѣхалъ въ китайскихъ предѣлахъ столь-же спокойно, какъ въ нашихъ, что приписываю его мѣропріятіямъ. Для полнаго нашего услажденія намъ подали по большой закрытой баклагѣ чаю. Я хлебнулъ для приличія, но этимъ ограничился: это были холодныя помои. При этомъ слѣдуетъ упомянуть, что въ Кашгаріи вообще порядочныхъ сортовъ чаю вовсе нѣтъ. Въ Аксу, гдѣ дорожный мой запасъ чаю сталъ приближаться къ концу, я не могъ его пополнить, и мнѣ сказали, что даже китайское чиновничество не знаетъ толку въ чаѣ. После чайной пробы у Дао-тая приходилось этому вѣрить.

На другой день, подъ вечеръ, воспослѣдовать отвѣтныи визитъ, которому, какъ вообще всякому, выѣзду губернатора, предшествовали 3 пушечныхъ выстрѣла. Такому торжественному началу долженствуетъ соответствовать и вся картина поѣзда начальника, хотя на европейца она производитъ совершенно иное впечатлѣніе. Впереди шли 2 человѣка, державшіе громадныя красныя незажженные фонари на палкахъ; затѣмъ одинъ съ изображеніемъ, выкрашенной въ красную краску, руки на шесть (символь власти), затѣмъ другіе съ бубнами, затѣмъ 2 палача въ красныхъ кофтахъ съ двуручными мечами, наконецъ, карета губернатора и свита. Карета съ претензіями на шикъ, хотя казаки наши нашли, что она „ни-

чего не стоит". Она представляет двух-колесный сундук, колеса пунцовыя, а сундук ярко-зеленый, съ окошечками и съ тремя зеркальцами (внутри, въ заприяжкѣ одинъ большой мулъ, - все общество консульства въ это время сидѣло въ саду за чаемъ, туда же пригласили китайца; ему предложили сливокъ и сладкаго печенья къ чаю. Выпивъ стаканъ, онъ нѣсколько разъ выражалъ свое удовольствіе громкимъ рычаніемъ, нѣсколько не замѣчая иронической искры, пробѣгавшей, при этомъ, по глазамъ присутствующихъ европейцевъ. Между прочимъ, онъ, въ разговорѣ, намекнулъ, что слѣдовало-бы познакомить меня съ китайскимъ обѣдомъ. Имѣя уже и такъ невыгодное понятіе о китайской кухнѣ, я передъ этимъ еще слышалъ, что у нихъ подаютъ деликатесы въ родѣ собачьихъ котлетъ, жареныхъ дождевыхъ червей, лягушекъ и т.д. Все это вмѣстѣ съ кунжутнымъ масломъ, большимъ числомъ кушаньевъ, съ продолжительнымъ пребываніемъ за столомъ и неизбежными церемоніями, привело меня въ такой ужасъ, что я отклонилъ приглашеніе. Указывая на близъ-лежащее рисовое поле, я сказалъ, что получилъ здѣсь лихорадку (и это была правда) и поэтому сижу на строгой діетѣ. Оказалось, что намекъ на связь рисоваго поля съ лихорадкой былъ принятъ за доказательство великой моей учености, и Дао-тай прибавилъ, ибо я также знаю, что у насъ въ Китаѣ, гдѣ много сѣется риса, тамъ и лихорадки часты". Пока губернаторъ пилъ чай, два студомъ его стояло, чело-вѣкъ пять его офицеровъ, причемъ одинъ держалъ генеральскій платокъ, другой трубку, третій вѣеръ и т.д. Лакейскія эти услуги вполнѣ согласуются съ обращеніемъ, которое здѣсь въ обыкновеніи относительно подчиненныхъ. Не только такіе субалтерные офицеры и беки, но и Лю-далой (нѣчто въ родѣ штабъ-офицера по особымъ порученіямъ) не разъ испытывали на своей кожѣ дѣйствіе кулаковъ его превосходительства. Самое содержаніе чиновниковъ губернаторской свиты мизерное. Дао-тай получаетъ на руки до 30.000 руб.

въ годъ, на себя и на содержаніе свиты. Но одинъ онъ получаетъ при этомъ львиную долю, т. е. около $\frac{2}{3}$ этой суммы, а большинство чиновниковъ рублей по 200—300, даже упомянутый Людалой не болѣе 600. Понятно, что вся эта ватага, беки, писцы, переводчики, сборщики и пр. стараются при первомъ удобномъ случаѣ пополнять кошелекъ посторонними доходами, т. е. вымогательствомъ, взятками и т. п., что тяжело дожится на населеніе. Въ войскахъ высшіе чины еще болѣе наживаются на счетъ низшихъ и на счетъ государства: начальникъ лянзы, наприм., получаетъ деньги на содержаніе своей команды, поэтому у него на бумагѣ всегда числится на $\frac{1}{3}$ или вдвое болѣе, чѣмъ состоитъ на лицо, а содержаніе этой фиктивной части идетъ въ его карманъ. Этимъ, однако, не довольствуются и зачастую не выдаютъ солдатамъ даже того, что уже выслужено. Отсюда распушенность войскъ, на которую начальники, въ видахъ пополненія своего маммона, смотрятъ сквозь пальцы. Отсюда частые бунты солдатъ и смѣна начальниковъ. Система усвоенія чужаго добра до такой степени възлзась въ привычки китайской администраціи, что чиновники не прочь и прямо стянуть что-нибудь. При посѣщеніяхъ консульства были примѣры, что чиновникъ или офицеръ, сидя гдѣ-нибудь около стола, на которомъ есть вещи, ему нравищіяся, повертитъ которую-нибудь изъ нихъ въ рукѣ, какъ бы разсматривая, а потомъ она оказывается пропавшею. Уже по такимъ привычкамъ и вообще по всему, что было сказано о наружномъ видѣ, о вкусахъ и обычаяхъ китайскаго чиновничества, можно себѣ составить понятіе о степени его умственнаго развитія и образованія. Дѣйствительно, отъ низшаго до высшаго это люди невѣжественные, все ихъ образованіе ограничивается знаніемъ китайской грамоты. Военные люди тоже мало заботятся о томъ, что есть на свѣтѣ военныя науки. Между прочимъ, они не умѣютъ вовсе обра-

паться съ орудіями, заряжающимися съ казенной части, которыхъ въ Кангарѣ есть нѣсколько штукъ. Ниже мы еще ближе познакомимся съ этимъ воинствомъ.

Каковы нравственные принципы этихъ людей, отчасти тоже видно изъ предыдущаго. Все, чѣмъ изстари прославились китайскіе порядки, въ полной мѣрѣ можно наблюдать здѣсь. Казнокрадство, лихоимство, презрѣніе и произволъ относительно низшихъ, рабствѣніе и трусость передъ высшими, жадность, косность, самообожаніе¹⁾ и подозрительность ко всему чужому—все это неотчуждаемые атрибуты китайской системы управления, которая сама развиваетъ и укрѣпляетъ эти качества даже въ тѣхъ, которые еще недостаточно ими пропитались. Они дополняются двуличностью и жестокостью. Посмотрѣть, напримѣръ, на такого Дао-тая, когда онъ бесѣдуетъ со своими русскими „друзьями“, какъ онъ добродушно хохочетъ, какъ онъ общается сдѣлать то и то, какъ стараются сказать что-нибудь пріятное и т. д. Можно-бы подумать, что, это парень хоть куда, и, въ самомъ дѣлѣ, по природѣ, онъ можетъ быть недурной человѣкъ, но его уродуютъ положеніе и система. Кто имѣлъ съ нимъ дѣло, какъ напр. нашъ консулъ, тотъ знаетъ, что нѣтъ ничего измѣнчивѣе расположенія и обѣщаній китайскаго генерала и что если ему и неизвѣстно изреченіе Талейрана относительно назначенія человѣческаго языка²⁾, то, по крайней мѣрѣ, на практикѣ онъ ему слѣдуетъ неизмѣнно. А вотъ другая параллель: Дао-тай завѣдомо нѣжный семьянинъ, вѣренъ женѣ, любитъ дѣтей и проводить съ ними свои вечера. Между тѣмъ, этотъ же человѣкъ нерѣдко заставляетъ въ своемъ присутствіи подвергать арестованныхъ пыткамъ. Послѣ тѣхъ примѣровъ на-

¹⁾ Образчикомъ самовосхваленія могутъ послужить рассказы, ходящіе между здѣшними китайцами о недавнихъ подвигахъ китайскаго воинства противъ французовъ: однихъ французскихъ генераловъ перебито ими 1.200.000 чел.

²⁾ „Языкъ данъ человѣку для того, чтобы скрывать мысли“.

казаній, которые я приводить выше, неудивительно, что и практика заѣзжика еще не коробитъ нервы и небесныхъ людей. Должность мѣстнаго Торквемады исполняетъ полицій-мейстеръ (вмѣстѣ съ тѣмъ подвижающійся въ искусствѣ рѣзанія китайскихъ печатей). При мадѣйшемъ заширительствѣ подозрѣваемого въ преступленіи или проступкѣ, идутъ въ дѣло трехгранныя палки, потомъ истязаніе каленымъ желѣзомъ, вывиханіе рукъ и ногъ, ломаніе костей и т. д. Конечно, если мы оглянемся назадъ, на наше собственное прошлое, то увидимъ, къ стыду своему, что въ тѣ времена, когда въ Европѣ еще процвѣтали пытки и мучительныя казни, она по общему развитію своего ума, по меньшей мѣрѣ, не ниже теперешняго Китая, а отдѣльныя проявленія въ области науки и въ особенности искусствъ, даже были такіе, до которыхъ Китай и теперь, какъ до звѣзды небесной. Но, какъ-бы ни было, для насъ это нѣчто пережитое, и показываемый въ музеяхъ аппаратъ инструментовъ для изѣзваній и увѣченій себѣ подобныхъ лишь служитъ для насъ печальнымъ напоминаніемъ о добромъ старомъ времени, и потому-то въ особенности жившіе люди производятъ на насъ впечатлѣніе, нѣсколько похожее на то, съ которымъ мы разсматриваемъ какіе-нибудь ископаемые скелеты. Вся эти фигуръ, съ грубыми и безжизненными лицами, съ длинными и грязными ногтями, съ хвостами, въ странныхъ болтающихся нарядахъ, это допотопное оружіе, уродливыя колесницы, этотъ отжившій хламъ церемоній quasi торжественныхъ выѣздовъ и смѣшныхъ демонстрацій, эта невозможность вести съ китайцами разговоръ, о чемъ-нибудь путномъ, эта грязь и зловоніе, отсутствіе всякихъ слѣдовъ современной производительности и городского благоустройства, злоупотребленіе и раболовіе администраціи, самовосхваленіе и недовѣріе къ иноземному, наконецъ, варварскія наказанія, пытки и казни, — все это, вмѣстѣ взятое, мнѣ напоминало образы давно прошедшаго, казалось, что передомной возстали люди и обычаи какой-нибудь допетровской Руси.

При вышеописанныхъ нравахъ и понятіяхъ, при флегматичности китайскаго характера, которая, благодаря опіуму, у многихъ доходитъ до соннаго безенія, при малочисленности семейныхъ, понятно, что и объ общественной жизни и увеселеніяхъ въ нашемъ смыслѣ у нихъ нѣтъ и рѣчи. Праздники ихъ ознаменовываются вывѣшиваніемъ красныхъ флаговъ на крѣпостныхъ стѣнахъ, усугубленіемъ количества бумажныхъ фонарей, да лишней порціей свинины, риса и опіума. Изъ общественныхъ церемоній, чаще повторяющаяся—есть процессія поклоненія имени богдыхана: два раза въ мѣсяцъ все чиновничество, подъ предводительствомъ Даотай, въ праздничныхъ нарядахъ, отправляется къ капищу Богдыхана. Это нѣчто иное, какъ та-же сакия, въ которой все убранство состоитъ изъ накрытаго краснымъ сукномъ стола, на которомъ стоятъ чашка съ рисомъ, на стѣнѣ, противъ двери, на красномъ фонѣ видѣется надпись, изображающая имя и фамилію Богдыхана. Предъ этой надписью Даотай кланяется въ землю, потомъ, по выходѣ изъ капища, всѣ присутствующіе такимъ-же образомъ кланяются Даотай. Затѣмъ онъ и командующій войсками дѣлають другъ-другу визиты и вся церемонія окончена. По мертвенности и нелѣпости ея можно судить объ остальномъ.

Какое вліяніе на физическое, нравственное и умственное преуспѣянія мѣстнаго населенія должно имѣть лежащее на немъ китайское наслоеніе, объ этомъ читатель пусть составляетъ себѣ понятіе по вышесказанному.

Между прочимъ, вліяніе это выражается въ санитарномъ состояніи страны. Уже во время остановки въ Артышѣ, гдѣ ко мнѣ обратились больные разныхъ возрастовъ, мнѣ бросилось въ глаза значительное отношеніе худосочныхъ субъектовъ, разныхъ упорныхъ формъ золотухи, хроническихъ сифилисовъ, сифилиса и т. п. Еще болѣе это обнаружилось въ Кашгарѣ, гдѣ нахлынувшіе на дворъ консульства больные

заставили меня пожалѣть о малости моего запаса іодистыхъ средствъ. Кромѣ того, много *малокровныхъ* и *истощенныхъ*, *чахоточныхъ*, да еще *разныя искривленія, параличи* и *различныя нервныя страданія*. Душевно больные мнѣ не представлялись, но слышно было, что они очень перѣдки, особенно между мужеской половиной. Относительно часто встрѣчается *ракъ желудка*¹⁾, изъ острыхъ болѣзней, чаще всего *перемежная лихорадка*, происхожденію которыхъ благопріятствуетъ, между прочимъ, близость рисовыхъ полей. Нужно, впрочемъ, прибавить, что лихорадки здѣсь неособенно злы и упорны. Что же касается до *глазныхъ болѣзней*, которыя, по мнѣнію г. Куропаткина²⁾, занимаютъ первое мѣсто, то я съ этимъ не могу согласиться. Въ числѣ больныхъ, приходившихъ ко мнѣ, не было ни одного глазнаго; слѣпыхъ я не встрѣчалъ на улицѣ, и даже въ мѣстахъ, куда стекаются нищіе, напримеръ, около монастыря Хазретъ-Аппакъ, слѣпыхъ можно увидѣть меньше, чѣмъ въ подобныхъ мѣстахъ З. Туркестана. Мнѣніе г-на Куропаткина можетъ быть отчасти составилось подъ вліяніемъ апріористическаго заключенія о дѣйствіи солонцеватой пыли. Въ самомъ дѣлѣ, казалося-бы, что эта пыль должна раздражать сильнѣе обыкновенной, да и этой-то большое изобиліе, по крайней мѣрѣ, въ городахъ. А между тѣмъ результатъ этого раздраженія неособенно большой. Не замѣчать я также во время слѣдованія изъ Кашгара въ Аксу, чтобы глаза моихъ спутниковъ и мои собственныя отъ солончаковой пыли страдали болѣе, чѣмъ отъ обыкновенной, между тѣмъ, для сравнительныхъ наблюденій на этомъ пути случаевъ представляется достаточно.

¹⁾ Въ самомъ Кашгарѣ больныхъ *ракомъ* мнѣ не приводилось видѣть, но судя по описанію Н. О. Петровскаго тѣхъ случаевъ смертельной болѣзни желудка, которые ему представлялись, нужно думать, что это былъ ракъ. Въ послѣдствіи я самъ видѣлъ одного такого больного въ деревнѣ.

²⁾ „Кашгарія“ р. 29.

Я упомянуть выше о зловоніи, которымъ отличается воздухъ на тѣсныхъ улицахъ и дворахъ Кашгара и которое свидѣтельствуетъ объ изобиліи разлагающихся органическихъ веществъ, продукты которыхъ и прямо, и вмѣстѣ съ пылью, попадаютъ въ легкія людей, чему особенно способствуетъ рѣдкость дождей здѣшняго климата. Всякія помой, отбросы, моча людей и животныхъ, — все это выливается куда попало. Помойныя ямы есть кое-гдѣ на площадяхъ, но онѣ никогда не чистятся и, въ свою очередь, распространяють кругомъ зловоніе; когда же яма переполняется, то жидкость стекаетъ куда ей удобнѣе. Есть нѣсколько арыковъ и прудовъ, но вода въ нихъ немногимъ чище, чѣмъ въ помойныхъ ямахъ, а между тѣмъ бѣдная часть населенія употребляетъ ее въ пищу, хотя развозятъ по городу воду изъ ключей и изъ рѣки Кызылъ-су.

Слѣдуетъ упомянуть теперь, что въ Кашгаріи существуютъ нѣкоторые естественныя условія и нѣкоторые обычаи людскіе, которые имѣютъ гигиеническое значеніе, и они обнаруживали-бы это вліяніе болѣе замѣтно, если-бы остальные условія не были такъ плохи. Почва — плотная глина, которая по своей трудно-проницаемости для воды препятствуетъ просачиванію загрязненныхъ жидкостей въ толщу почвы, гдѣ бы онѣ могли сдѣлаться источникомъ развитія подпочвенныхъ фокусовъ разложенія и образованія микробовъ. Съ другой стороны, полы въ домахъ повсемѣстно глинобитные, которые въ санитарномъ отношеніи неизмѣримо выше деревянныхъ, т. е. при тѣхъ условіяхъ загрязненія и закуриванія фундаментовъ и подпольевъ, которые у насъ встрѣчаются столь часто и которые обращаютъ подполье въ заразные фокусы¹⁾, гдѣ процвѣтають разныя плесени и грибы (*Merulius lacrymans*).

Какъ ни печальна внутренность голой, пыльной и полу-

¹⁾ Между прочимъ, въ г. Вѣрномъ, который славится лихорадками, половина послѣднихъ обязана своимъ происхожденіемъ подпольямъ.

темной сакли, но нужно сказать, что она провѣтривается лучше многихъ европейскихъ домовъ: благодаря рѣдкости дождей, отверстіе въ потолокъ открыто постоянно, и даже ночью, а кромѣ того существуетъ тяга чрезъ каминъ, особенно когда онъ топится. Наконецъ, бѣдность и недостатокъ въ удобреніи и топливъ заставили утилизировать навозъ и испражненія, которыя, поэтому, не обращаются въ такой источникъ вреда, какъ во многихъ нашихъ городахъ. Навозъ ежедневно подбирается по улицамъ и дворамъ, испражненія вывозятся еженедѣльно на поля, и, кромѣ того, самая земля городская съ бойкихъ мѣстъ соскребывается хозяевами окрестныхъ полей и вывозится, а остающіеся углубленія выполняются землею изъ-за города. Не смотря, однако, на то, что все эти условія противодействуютъ отравленію людей различными разлагающимися веществами и микробами, все-же остальныхъ условій образованія ихъ столько и вообще весь складъ городской жизни таковъ, что способствуетъ происхожденію, какъ худосочныхъ, такъ и инфекционныхъ болѣзней: пыль, зловоніе, дурная вода, нечистоплотность, проституція брачная (?) и вѣн-брачная, скудная пища и другіе атрибуты бѣдности, злоупотребленіе наркотическими веществами, наконецъ, отсутствіе всякой медицинской помощи, и т. д. Известно, наприм., что *бани* на мусульманскомъ востокѣ весьма обыкновенны; здѣсь же есть всего одна—и то небольшая и плохая, которою пользуются немногіе. Большинство бѣднаго населенія никогда не купается. Проституція совершается съ абсолютной (?) необузданностію, въ жедико-полицейскомъ смыслѣ, но за то повременамъ ее обуздываютъ весьма оригинальнымъ—истинно китайскимъ способомъ: по приказанію полицімейстера, переписываютъ сартянокъ, ходящихъ въ гости къ казакамъ консульства и вотъ въ какой-нибудь назначенный день тѣхъ грѣшницъ выводятъ на базаръ и сѣкутъ розгами. Въ этомъ, конечно, слѣдуетъ скорѣе видѣть своеобразную политическую демон-

страцію, ибо вообще проституціею мало озабочиваются. По-
нятно, что свойственными разврату болѣзни, вольно гуляютъ
по тѣлесамъ кашгарскихъ жителей, не поддаваясь китай-
скимъ розгамъ.

О лечебницахъ, аптекахъ, врачахъ, благотворительныхъ
заведеніяхъ и проч., разумеется, и рѣчи нѣтъ. Вся лечеб-
ная и филантропическая часть изображается двумя самозван-
ными лечителями, а при монастырѣ Хазретъ-Дипакъ, есть
родъ кассы для нищихъ, въ которую опускаются милостыни
посѣтителей. Все, вмѣстѣ взятое, показываетъ, что Кашгаръ
представляетъ такую-же благодарную почву для эндемій и
эпидемій, какъ Аксу, что и выразилось вскорѣ послѣ наше-
го отъѣзда возникновеніемъ оспенной эпидеміи. Что касает-
ся появившейся въ самомъ Аксу болѣзни, то я разспраши-
валъ о ней двухъ вновь пріѣзжихъ оттуда, но по описанію
ихъ не могъ составить себѣ опредѣленнаго понятія, — лишь
счесть возможнымъ заключить, что это не холера, — тѣмъ болѣе,
что по всѣмъ даннымъ ея нигдѣ не было по тракту между
Аксу и Кашгаромъ, не смотря на то, что мѣръ не было
принято никакихъ.

Какъ оазисъ среди пустыни показалось мнѣ консульство,
которое пріютило меня и моихъ спутниковъ. Оно занимаетъ
домъ одного изъ здѣшнихъ оптиматовъ, на окраинѣ стараго
города, за стѣною. Хотя полы каменные, хотя не только ме-
бели, но и печи, оконныя стекла и т. п. пришлось выписать
изъ Ташкента, но все-же въ немъ, по крайней мѣрѣ, доста-
точное количество свѣтлыхъ комнатъ, опуткатуренныя стѣны,
чистые дворики и порядочный фруктовый садъ, такъ что
въ общемъ итогъ этотъ домъ по здѣшнему масштабу мо-
жетъ считаться дворцомъ. Къ нему прилегаютъ помѣщеніе
консульскаго помощника, канцелярія и казарма для конвоя,
состоящаго изъ 50 казаковъ, при одномъ офицерѣ. Кромѣ
консула и его семейства, секретаря и казачьяго офицера къ

европейскому элементу консульства еще принадлежит дело-производитель, пожилой господинъ изъ поляковъ, прѣхавшій сюда, какъ помощникъ голландскаго миссіонера. Прислуга, кромѣ одной русской женщины, состоитъ изъ сартовъ. Между послѣдними находился одинъ субъектъ, извѣстный подъ названіемъ „полковника“. Онъ, дѣйствительно, при Якубѣ командовалъ кавалерійской сотней, а теперь состоитъ конюхомъ при русскомъ консульствѣ. Такія метаморфозы на востокѣ никого не удивляютъ, потому что, въ сущности, высшіе и низшіе различаются не внутренними качествами, а только положеніемъ, которое, болѣею частью, зависитъ отъ каприза имѣющихъ власть. Тѣ-же порядки и у китайцевъ, наприм. Кашгарскій Дао-тай прежде, говорятъ, былъ лакеемъ у какого-то мандарина.

Отдыхъ и удобства послѣ лишеній и утомительнаго скитальчества, европейская обстановка квартиры, гостепріимство, соединенное съ самой предупредительною любезностью, бесѣда съ многосторонне-образованными людьми, каковы консулъ и его супруга,—все это вмѣстѣ оправдываютъ сравненіе, которое я употребилъ выше относительно этого уголка цивилизаціи, водворившагося среди окружающаго варварства. Къ европейской колоніи Кашгара относилось, въ данное время, еще одно лицо, о которомъ я уже упомянулъ вскользь. Это—католическій миссіонеръ *Гендриксъ*, съ которымъ я познакомился уже за годъ передъ тѣмъ, во время проѣзда его чрезъ Вѣрный. Здѣсь я возобновилъ знакомство и нѣсколько разъ не безъ удовольствія бесѣдовалъ съ этимъ ученымъ, много путешествовавшимъ и самоотверженнымъ монахомъ, но долженъ прибавить, что общее впечатлѣніе не такое, какое, обыкновенно, соединяютъ съ именемъ миссіонера. Въ характерѣ, во взглядахъ и образѣ дѣйствій его уже тогда проглядывали рѣзкія странности, а впоследствии онъ рѣшительно помѣшался и былъ отвезенъ въ Фергану. Ка-

кова была его дальнѣйшая судьба—не знаю, но слышалъ потомъ отъ людей, знавшихъ его въ Кульчжѣ, что у него раньше появлялись припадки сумасшествія.

IV.

ОТЪ КАШГАРА ДО АКСУ.

Походная арба.—Китайское почтовое сообщеніе.—Постоялые дворы и казармы.—Деревни и населеніе ихъ.—Фабрицъ.—Китайскіе солдаты.—Китайская музыка.—Пустыни и ея природа.—Встрѣча съ китайской ланзой и непріязненная выходка.—Китайское вооруженіе и типы солдатъ.—Дѣйствіе генеральскаго портрета.—Маралбаши.—Видѣть анджанца.—Опять пустыня.—Некрополь.—Монастырь и слѣды ноги Алія.—Змѣя.—Исполинскій тополь и живыя изгороди.—Пѣсни арбакеша.—Пѣсни и сказки казаковъ.—Характеристика русскаго солдата.

Послѣ недѣльнаго пребыванія въ гостепріимномъ консульствѣ, по окончаніи необходимыхъ приготовленій, мы отправились далѣе. Отъ консула, предварительно, было послано уведомленіе о моемъ прѣздѣ и о цѣли его къ Аксуйскому губернатору.

Вмѣсто вьючныхъ животныхъ, я на этотъ разъ нанялъ арбу, имѣя въ виду и самому садиться въ нее иногда. На двухъ громадныхъ колесахъ помѣщается открытая сзади и спереди труба изъ жердей и циновокъ. Въ переднемъ концѣ ея сидитъ ямщикъ (арбакешъ), въ заднемъ сѣдокъ или сѣдоки, между ними кладь. Экипажъ запряженъ четверкою, одна лошадь въ оглобляхъ, а три впереди рядомъ на постромкахъ. На коняхъ навѣшены грубые бубенчики довольно, впрочемъ, незвонкіе. За весь путь до Аксу, т.-е. около 470 верстъ¹⁾, я заплатилъ хозяину арбы 50 руб., деньги сподна впередъ. За прокормъ верховыхъ лошадей платится, кромѣ того, на

¹⁾ По маршруту г-на Куропаткина выходитъ, въ сложности, около 445. Но мой расчетъ составленъ по сравненію съ тѣми, сколько мнѣ случалось проѣзжать верхомъ по почтовой дорогѣ. Съ моимъ счетомъ соглашались и казаки.

станційхъ. Намъ сопровождаютъ два сартовскихъ дайгита, назначившіеся не столько для указанія дороги, сколько для помощи, для посылокъ, для приготовленія ночлега и т. д.; у обоихъ было по саблѣ, а у одного, кромѣ того, ружье.

Намъ надлежало ѣхать по наибольшей торговой, военной и административной дорогѣ Кашгарій. Но кто заключить изъ этого, что она сколько-нибудь похожа на то, что у насъ называется почтовою дорогою, тотъ ошибется. Здѣсь нѣтъ самаго основнаго условія всякаго правильнаго сообщенія — почтовыхъ станцій и перемѣнныхъ лошадей. Нынешніе китайскія сообщенія даже уступаютъ тому, что Римская имперія и какая-нибудь Персія устроили болѣе 2000 лѣтъ тому назадъ. Существуетъ для официальныхъ денегъ нѣчто въ родѣ „летучки“, но и ея „полетъ“ исполняютъ китайскіе, ибо продолжается дней 5, хотя для нея держатся перемѣнные лошади. Войска же и разныя административныя лица дѣлаютъ всего отъ одного до двухъ переходовъ въ день, верхомъ или въ арбахъ, а кто поважнѣе и въ паланкинахъ, несомыхъ людьми; частныя лица, купцы и проч. рѣдко отъѣзжаютъ въ день болѣе одного перехода, т. е. верстъ 25, такъ что обще-установленный срокъ проѣзда въ арбѣ отъ Кашгара до Аксу или обратно продолжается 18 дней. Такой же срокъ объявленъ былъ и мнѣ, и я, по незнанію мѣстныхъ условій, сдѣлалъ ошибку, связавшись съ арбагашемъ: если бы мы шли въюкомъ, то могли бы сократить путь дней на 5, арба же постоянно отставала, такъ что только одинъ разъ намъ удалось пройти 2 станціи, т. е. прѣхать не на 18-й, а на 17-й день.

Существуютъ вдоль этой дороги нѣчто въ родѣ верстовыхъ знаковъ, китайскіе *путай*. Это — огромные, безобразные столбы изъ глины, въ видѣ четырехсторонней призмы. Но китайскіе землемеры, видно, не считаютъ точность за нѣчто полезное въ ихъ ремеслѣ: разстояніе между соседними пу-

таями до того неодинаковы, что мы одиhrъ и tъмъ же шагомъ и при одинаковомъ качествѣ дороги проѣзжали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ одинъ, путай въ часть (это ближе къ городамъ), въ другихъ въ 4, въ третьихъ даже въ 35 минутъ. Въ среднемъ можно считать, что путай равняется 3-мъ русскимъ верстамъ. О какомъ-нибудь шоссе, разумѣется, нѣтъ рѣчи; дорога, впрочемъ, болышею частью, довольно ровная, по глинисто-песчаному грунту, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она идетъ сыпучими песками.

Останавливаются на ночлегахъ, болышею частью, въ постоялыхъ дворахъ, а мѣстами въ пустыхъ китайскихъ казармахъ. Первые представляютъ дворы, по сторонамъ которыхъ расположены навѣсы, а изъ этихъ ведетъ нѣсколько дверей въ комнаты для проѣзжающихъ, иногда есть и навѣсы для лошадей. Комнаты—все тѣ же темныя и пыльныя сакли, глиняныя стѣны, полы и нары; каминъ, отверстіе въ потолкѣ и дверь безъ замка. Обыкновенно, 1—2 номера держатся почище, но гдѣ бывало мало мѣста, тамъ мнѣ случилось помѣщаться въ очень грязныхъ сараяхъ, въ которыхъ никогда неочищаемый глиняный полъ издавалъ зловоніе, благодаря обязанности своей принимать все, что угодно было проѣзжему вылить на него. Въ нѣкоторыхъ была полчища блохъ, но, болышею частью, ни мыши, ни наѣзкомыя мнѣ не надобдани; послѣднія, впрочемъ, отчасти потому, что у меня изълся персидскій порошокъ, которымъ я впередъ усыпалъ все кругомъ постели.

Казармы, обыкновенно, состоятъ изъ одного корпуса съ нѣсколькими комнатами, но, кромѣ того, по бокамъ двора еще нѣсколько отдѣльных помѣщеній. Комнаты средней величины, съ глиняными полами, такими же нарами, камьями и нѣсколькими грубыми деревянными столами и табуретами. Болышею частью бываетъ по одному квадратному окну, зашпленному бумагою. Въ одной казармѣ стѣны даже были

штукатуренныя. Кромѣ казарменнаго внутренняго двора есть, обыкновенно, еще другой, побольше, съ навѣсами для лошадей. По бокамъ внутренняго двора иногда бываютъ еще какіе-то небольшіе дворики или чуланы, въ которые входятъ чрезъ отверстія круглой или многоугольной формы. За ночлегъ и кормъ лошадей мы платили, среднимъ счетомъ, 60 коп. Въ казармахъ за постой ничего не требовали; на чай, впрочемъ, я давалъ караульщику.

24-го сентября мы выступили изъ Кашгара. Первые дни было такъ тепло, что насъ сопровождали по вечерамъ рои комаровъ, а днемъ дѣти ходили голыми. 3 дня мы шли культурной полосой¹⁾ съ небольшими перерывами солонцоватой почвы. Соль, которая мѣстами лежитъ въ видѣ сѣжнаго налета, имѣла вкусъ соленый, но съ горьковатымъ отгѣнкомъ. Зеленъ еще была свѣжа, аллеи тополей, джиды, шелковичника, фруктовые сады, поля, засѣянные клеверомъ, кукурузой, джугарой (*sorgo*), коноплей, хлопчатникомъ. Послѣдній былъ въ самой порѣ, изъ плодовъ его, торчали бѣлыя хлопья и народъ занимался уборкой его преимущественно замѣчалось много женщинъ. Мѣстами попадались стада барановъ и козъ, но коровъ совсѣмъ не видно было. Около домовъ похаживали куры. Кое-гдѣ около хуторовъ выпархивали воробьи, перелетали вороны и хохлатые жаворонки (*Alauda cristata*).

Сакли и ограды—все тѣ-же глиняныя кучи. Народу встрѣчалось много, большею частью, верхомъ на ослахъ и лошадяхъ, иногда въ арбахъ. Поѣздъ нашъ, обыкновенно, вызывалъ оцѣпеніе на лицахъ. Нѣкоторые верховые сѣзали съ лошадей, въ знакъ уваженія. Гдѣ нѣтъ пикетовъ, тамъ китайцевъ обыкновенно мало, но все-же и по деревнямъ, и по стоялымъ дворамъ, кое-гдѣ въ толпѣ показывались ихъ хвостатые желтолицыя образы съ широкооткрытыми ртами, ко-

¹⁾ Кашгарскій оазисъ въ длину распространяется верстъ на 70, въ ширину на 50.

торые захлопывались лишь послѣ того, когда мы успѣвали отѣхать довольно далеко. Вся растительность деревень и ферм приводится въ движеніе оросительными каналами (арыками). Для проведенія ихъ употребляется система плотинъ, помощью которыхъ рѣка разбивается на рукава, а рукава на арыки; весною и вообще смотря по надобности вода изъ арыка пускается на поля и затопляетъ ихъ въ теченіи нѣсколькихъ дней. Рисовыя поля, какъ извѣстно, должны образовывать искусственное болото во все время произрастанія риса. Мѣстами устраиваютъ шлюзы и небольшіе искусственные водонады, для приведенія въ движеніе рисовыхъ топей, стукъ которыхъ слышится тамъ и сямъ по деревнямъ.

Вода въ арыкахъ болѣе или менѣе мутная, мѣстами твердая, но большею частью настолько чистая, что не издастъ непріятнаго запаха и, вскипяченная, можетъ быть употребляема безъ вреда для пищи или чая. Горы скрылись изъ виду, лѣсовъ не было видно. Для топлива употребляютъ кизякъ (сушеный навозъ), виноградный и другой хворостъ. Рубить самыя деревья, повидимому, не рѣшаются безъ особенной надобности. Попадаются по аллеямъ очень старыя деревья, въ одномъ мѣстѣ я видѣлъ тополь, котораго стволъ равнялся 3-мъ мужскимъ обхватамъ¹⁾.

Нельзя сказать, чтобы видъ людей по деревнямъ доказывалъ голую нищету и злополучіе. Такія печальныя, болѣзненныя, обтрепанныя, вообще жалкія фигуры, какія стоить часто представляются глазу въ городской толпѣ Кашгара, здѣсь встрѣчаются довольно рѣдко. Это отчасти объясняется тѣмъ, что въ деревнѣ остается лишь тотъ, кто хоть сколько-нибудь можетъ разсчитывать впередъ на средства къ существованію, остальные уходятъ въ города или эмигрируютъ; отчасти тѣмъ, что физическое и нравственное благополучіе человека въ деревнѣ не такъ легко разрушается. Воздухъ и вода лучше, жильѣ менѣе тѣсное, брачный развратъ, прода-

¹⁾ Смѣрили наши казаки.

жа женщинъ, расторженіе семьи и злоупотребленіе наркотическими ядами здѣсь далеко меньше распространено; наконецъ, китайскія палки не ежедневно напоминаютъ глазу деревенскаго жителя о заботливости начальства.

Полученному мною впечатлѣнію соотвѣтствовали и выводы изъ того, что я слышала отъ деревенскихъ стариковъ, которыхъ разспрашивала нѣсколько разъ на протяжении пути между Кашгаромъ и Аксу. Разспросы мои я производила съ извѣстной осторожностью. Такъ какъ китайцы сами слѣдятъ за всякимъ иностранцемъ съ большою подозрительностью, то, разумѣется, они неособенно способствуютъ и бдительности своихъ подданныхъ. Я слышала даже, что деревенская полиція за этимъ наблюдаетъ и, въ случаѣ чего, напоминаетъ мужику о благодѣтельномъ вліяніи палокъ, поэтому я обыкновенно начинать вопросомъ о томъ, „не слышно-ли у нихъ о той болѣзни, которая появилась въ Аксу“, потомъ переходила къ другимъ болѣзнямъ, а потомъ, незамѣтно, и къ остальному. А такъ какъ моя профессія была впередъ объявлена официально, то подобные разспросы не возбуждали особенныхъ подозрѣній.

Но, съ другой стороны, я долженъ сказать, что кашгарская деревня не произвела на меня того идилическаго, освѣжающаго впечатлѣнія, которое мы привыкли связывать съ понятіемъ о деревнѣ. Вѣчныя желтосѣрыя кучи глины, изобращающія дома и изгороди, портятъ видъ зеленыхъ аллей и садовъ. Дома (сакли) голые и полутемные; не блестятъ въ нихъ окна при заходящемъ солнцѣ и не свѣтятся они, по вечерамъ привѣтливыми огнями сквозь листву деревьевъ; не ютятся около домовъ пестряющіе цвѣтами полисаднички. Не оживляются луга стадами коровъ; не идутъ бабы съ подояниками навстрѣчу громко мычащимъ буренушкамъ. Не плещутся гуси по канавамъ и прудкамъ и не слышно заволнованныхъ голосовъ спасителей Капитолія. Самыя куры какія-то смиренныя, ихъ мало и ростомъ онѣ меньше нашихъ; драки

пѣтуховъ мнѣ ни разу не случалось видѣть, и они, повидимому, не щеголяютъ своимъ пѣніемъ, какъ наши. Почти единственнымъ представителемъ животной музыки является осель, котораго надоедливыя раздражительныя ноты слышатся то тутъ, то тамъ. Вѣднѣи въ селеніи Файрабадъ есть осель. Въ людяхъ, какъ и у уже упомянутыхъ выше, невидна настоящей искры жизни, а преобладаетъ, какая-то туговатая индифферентность. Нигдѣ не видалъ я шумныхъ дѣтскихъ игръ, которыхъ такое множество имѣется въ западѣ у европейскихъ дѣтей. Неслышно задумчиваго хохота въ толпѣ взрослыхъ, невидна хороводовъ, скачекъ въ перегонку, борьбы и т. п. выраженій общественныхъ препровожденій времени. Не заливаются пѣсней дѣвушки, идя за водой или работая въ полѣ, неслышно, вообще, ни бряканья на инструментахъ, ни настоящего пѣнія, повременамъ раздастся кое-гдѣ одинокое пѣсенноподобное бѣганье, но это скорѣе пародія на пѣню. При этомъ, въ обществѣ уровня развитія народа видны глубокая отсталость и тысячелѣтній застой и рутина, отъ которыхъ незамѣтно даже единичныхъ отклоненій. О вѣроятныхъ причинахъ такого склада кашгарскаго народа я выскажусь ниже. Общее впечатлѣніе, произведенное тамъ на меня, отчасти, напоминало мнѣ выраженіе Пушкина „печальный пасынокъ природы“, которое онъ употребилъ относительно финновъ. Въ селеніи Файрабадъ есть небольшой базаръ и казарма для китайской гванды. Жители этого селенія въ свободное отъ земледѣлія время занимаются пряжей ниты. Ткутъ мужчины, а женщины приготавливаютъ нитки. Станки первобытной формы и напоминаютъ станки русскаго вустарнаго производства. Заработная плата крайне низкая, копѣекъ 6—8, женщинамъ еще меньше. Положимъ, что кромѣ того существуютъ земледѣліемъ, но все-же кому охота трудиться цѣлый день за такіе заработки, тому видно живется терпко.

Съѣстные припасы хотя дешевы, но несоразмѣрно. Яйцо стоило $\frac{1}{2}$ коп., курица 15, тукачи лишь немного дешевле кашгарскихъ.

Дворъ постоялаго двора наполнился китайцами, жаждавшими поглазѣть на меня. Это были, большею частию, солдаты, но отличить ихъ отъ гражданъ нельзя было, такъ какъ они въ службѣ не носятъ ни оружія, ни формы. Чтобы избѣжать ихъ назойливости, пришлось до вечера сидѣть въ моей темной конурѣ, за закрытой дверью, и лишь когда толпа разсѣялась, я совершилъ небольшую прогулку по селенію. Въ одной изъ комнатъ постоялаго двора человѣкъ пять китайскихъ воиновъ до глубокой ночи готовили за карточной игрой, до которой они страшные охотники. Китайскія карты очень узки, не болѣе $\frac{1}{2}$ вершка, на нихъ изображенія китайскихъ письменъ, человѣческія лица и различные узоры, а число ихъ около 120 штукъ въ колодѣ. Около 8 часовъ вечера, какъ это вообще бываетъ въ мѣстахъ расположенія китайскихъ войскъ, раздались 2 выстрѣла, не то пушечные, не то ружейные. Слѣдя этого употребляютъ тѣ стволообразныя переносныя пушки, о которыхъ я говорилъ выше. Кромѣ того, слышно было нѣчто въ родѣ сигналовъ нашихъ горнястовъ. Наконецъ, стали слышаться какіе-то необыкновенные звуки, которыхъ я себя сначала никакъ не могъ объяснить, хотя прислушивался къ нимъ съ удовольствіемъ. Это были отдѣльные протяжные и однообразные, но мелодическіе тоны, которые раздавались съ извѣстными промежутками, тихо и какъ-бы въ большомъ отдаленіи. Оказалось, что это «игра» китайскаго трубача. Трубы у нихъ, дѣйствительно, есть, длинныя и прямыя, но играетъ собственно не человѣкъ, а самъ инструментъ. Все дѣло музыканта заключается въ томъ, что онъ посылаетъ легкими воздухомъ въ трубу и не его вина, если звукъ, бла-

годаря счастливому составу инструмента, выходитъ музыкальнымъ. Словомъ, игра такихъ трубачей напоминаетъ роль вѣтра, заставляющаго звучать струны золотой арфы, и благобы было, если-бы китайскіе музыканты всегда ограничивались подобной игрой, ибо организованная ихъ „музыка“, которую мы раньше случалось слышать въ портовыхъ городахъ Тихаго океана, такова, что можетъ разстроить самыя крѣпкіе нервы.

Версть шесть за Файрабадомъ начались большіе солонцы, значить, начиналась *пустыня*, которая прорывается лишь слѣдующимъ ночлегомъ, т.-е. селеніемъ *Янгиабадъ*, и тянется на 4-хъ дневныхъ перехода до укрѣпленія Маралбаши. Сначала еще видѣются пашни между солонцами, но онѣ рѣдѣютъ болѣе и болѣе, уступая мѣсто утомительно однообразной флорѣ пустыни—*колочку* (*Halimolopson*), нѣсколькимъ видамъ *Salsola* и *гребеннику* (*Tamarix*). Последний мѣстами растетъ такъ высоко, что становится древовиднымъ. Онъ растетъ, болѣею частью, на солонцовато-песчаныхъ буграхъ, которые иногда уподобляются холмамъ. Бугры пронизаны длинными корнями гребенника, достигающими иногда толщины нѣсколькихъ дюймовъ. Они очень тверды и даютъ хорошее топливо, для добыванія котораго бугры раскапываютъ. Даже листья гребенника имѣютъ рѣдко соленый вкусъ. Мелкіе розовые цвѣты этого растенія составляютъ единственное украшеніе пустыни. На половинѣ 2-го перехода отъ Янгиабада появляется рѣдкій ивовый и тополевый лѣсъ, который мало-по-малу густѣетъ и тянется версть на 100, т.-е. немного не доходитъ до Маралбаши. Преобладаетъ тугракъ или торгукъ, т.-е. тополь (*populus diversifolia*), который отличается нѣкоторымъ разнообразіемъ въ формѣ листьевъ на одной и той-же особи. Это дерево нестройное, кривое, кора его узловатая. Вкусъ листьевъ не соленый, хотя стволъ мѣстами содержитъ соль. Лист-

ва была наполовину пожелтѣвшая. Листъ этотъ даже въ густыхъ мѣстахъ тоже какой-то монотонный, не живой, ничего не видно, кромѣ вѣчнаго тополи, ни травяныхъ ковровъ, ни ягодъ, ни цвѣтовъ, и листья при постоянномъ безвѣтрій, не шевелятся. Не видали ни птицъ, ни звѣря, хотя въ немъ водятся лисы, волки, маралы (олени) и тигры. Слой перегноя въ почвѣ очень незначительный¹⁾. Видно, не намень одного дѣса и пустыни Кашгаріи производили удивительное впечатлѣніе. Вотъ что пишетъ Н. М. Пржевальскій, посѣтившій нижнее теченіе Тарима и озеро Лобь-Норъ: „Трудно себѣ представить, что-либо безотрадное тогрукскихъ дѣсовъ, почва которыхъ совершенно оголена и только осенью усыпана опавшими листьями, высохшими словно сухарь, въ здѣшней страшно сухой атмосферѣ. Всюдухлама, валежники, сухой ломающийся подъ ногами тростникъ и соленая пыль²⁾. Какъ ни безотрадны тогрукские дѣса, но сосѣдняя пустыня еще безотраднѣе. Монотонность пейзажа достигаетъ здѣсь крайней степени. Всюду неоглядная равнина, покрытая словно громадными кочками, глинистыми буграми, на которыхъ растутъ тамариски. Тропинка вьется между этими буграми и ничего не видно по сторонамъ, даже далекія горы на сѣверѣ чуть-чуть синѣютъ въ воздухѣ, наполненномъ пылью, какъ туманомъ. Нѣтъ ни птички, ни звѣря; только кое-когда встрѣчается красивый сѣдѣ робкаго джепрака³⁾. Все это мѣста голодныя. Дня четыре еяду на ногахъ ничего нельзя достать и лошадей приходилось кормить камышомъ. Последніе два перехода до Маралбани останавливаются въ китайскихъ казармахъ, при которыхъ есть несколько убогихъ сакель⁴⁾. Помигнѣю г. Вилькинса, сопровождавшего посольство г. Куропаткина, это объясняется тѣмъ, что кожистыя листья туграка высыхаютъ еще на деревѣ и ломаются и вѣтры разносятъ ихъ въ видѣ пыли (Куропаткинъ, р. 12). Однако, я видѣлъ много лежащихъ на землѣ желтыхъ листьевъ, которые, конечно, хоть отчасти остаются въ почвѣ.

¹⁾ Путешествіе на Лобь-Норъ. 1878 г.

Съ 1-го по 2-е октября мы ночевали въ рабатъ *Кара-Кинчи*. Утромъ, когда я только-что проснулся, а Дементій раздувать на дворѣ самоваръ, вдругъ ворвался въ комнату какой-то китаецъ, и, остановившись у дверей, сталъ на меня кричать дикимъ голосомъ, размахивая руками. Приподнявшись въ постели, я крикнулъ ему: „вонъ, отсюда!“; забывъ, что онъ меня столько-же понимаетъ, сколько я его. Въ это время появились въ дверяхъ Дементій и Семенъ, съ намѣреніемъ вывести китайца, но онъ, не дождавшись этого, повернувшись, пробѣжалъ чрезъ дворъ и скрылся. Оказалось, что онъ сверхъ того еще прежде чѣмъ добѣжать до комнаты, пустилъ полвномъ въ изумленнаго Дементія. Скоро загадка объяснилась. Жившіе при рабатъ сарты передали намъ, что китаецъ прибѣгалъ съ извѣстіемъ, что *лизы* идутъ изъ Аксу и чтобы мы немедленно убрались отсюда. Еще до выступления изъ Кашгара я слышалъ, что въ скоромъ времени кашгарскій гарнизонъ долженъ быть перейти въ Аксу, а аксуйскій въ Кашгаръ, и при этомъ Н. О. Петровскій мнѣ передавалъ, что хотя китайскіе воины вообще распущены, но аксуйскія *лизы* (баталіоны) въ особенности славятся разнуздаиностью. При этомъ нужно помнить, что почти всѣ солдаты преданы куренію опиума, которое располагаетъ къ ненормальному возбужденію и безпричинной злости и что сверхъ того между ними есть бывшіе каторжники. При такихъ порядкахъ въ войскахъ немудрено, что въ предъидущемъ году въ Кашгарѣ экспромтомъ произошло нападеніе на поручика Громчевскаго, который спокойно пробѣжалъ мимо китайской казармы, когда на него внезапно напали два солдата съ коньями и, вфронтно, закололи-бы, еслибъ онъ не успѣлъ ускакать.

Имѣя все подобное въ виду, я счелъ нужнымъ принять нѣкоторыя предосторожности. Предъ выступленіемъ я объявилъ людямъ: 1) чтобы они дорогою не отставали по два,

по три, какъ это прежде случалось, а ѣхали-бы все вмѣстѣ за мною; 2) чтобы они при встрѣчѣ съ лянзою сворачивали съ большой дороги и ѣхали боковыми тропинками, для избѣжанія столкновений; 3) чтобы не обращали никакого вниманія на вызывающія слова или движенія китайцевъ, еслибы со стороны послѣднихъ замѣчалось, что-либо въ этомъ родѣ; 4) за оружіе не браться ни подъ какимъ видомъ безъ моего приказанія, т.-е. я его приберегала лишь на случай крайней необходимости и для защиты жизни. Оказалось, что предосторожность эта не была излишнею. Въ книгѣ г. Куронаткина говорится, что въ 6—7-ми верстахъ отъ ст. *Кара-Кынчинъ* при дорогѣ построены навѣсы на столбахъ, для защиты запоздалыхъ путниковъ отъ тигровъ, которыхъ въ этомъ лѣсу¹⁾ много въ теплое время года. Навѣса этого мы не видали, вѣроятно его уже не было и вообще тигры намъ ничѣмъ не заявляли о своемъ присутствіи, но въ этихъ мѣстахъ пришлось встрѣтиться съ иного рода непріятностью. Впереди стали мелькать по лѣсу фигуры конныхъ китайскихъ солдатъ. Шла стало-быть предвѣщенная лянза. Сначала встрѣчались небольшія группы, человекъ по 4—5, ѣхавшія на значительныхъ разстояніяхъ одна отъ другой. Невозможно вообразить себѣ ничего забавнѣе этой кавалеріи. Нѣкоторые ѣхали на лошадяхъ, другіе на ослахъ (ишакахъ). Столь-же разнообразны были ихъ костюмы и вооруженіе. У нѣкоторыхъ голова была повязана платкомъ, у другихъ были широчайшія соломенные шляпы *à la bergère*, у третьихъ колпаки съ длинными козырьками, сшитыми изъ узкихъ параллельныхъ и разноцвѣтныхъ полосъ, какъ-бы изъ окрашенныхъ перьевъ; у нѣкоторыхъ, наконецъ, войлочные шляпы, формою напоминавшія тазъ Рыцаря печальнаго образа. Кафтаны или кофты просто синіе или синіе съ широкими

¹⁾ Навѣо отъ дороги нѣсколько поодаль идетъ логъ, содержащій воду и густо заросшій кустарнымъ таломъ, тополями, джидой и колючкой (янтакъ). Логъ впадаетъ въ рукавъ Кашгаръ-дарьи.

красными бортами и завитушками. Подъ кафтаномъ синій или черный длиннополый подрясникъ или юбка, или прямо того-же цвѣта штаны, стянутыя внизу. У нѣкоторыхъ имѣлись только сабли, у другихъ-же пистонныя ружья, то безъ штыковъ, то со штыками, но у всѣхъ этихъ ружьеносцевъ ружье висѣло на плечахъ дуломъ или штыкомъ *внизъ*. Нѣкоторые были совсѣмъ безъ оружія. Посадка всадниковъ была перашливая, большею частію сидѣли сгорбившись. Въ видѣмъ всей жалкой фигуры ихъ служили физіономіи. Желтыя, безъусыя лица имѣли мрачное и какъ-бы испитое выраженіе и были усѣяны морщинами, особенно на лбу, не смотря на то, что это были большею частію люди не старые. Это, очевидно, слѣды опиума. На насъ эти воины смотрѣли искоса и апатично, — однако, были исключенія: человѣка два, у которыхъ лица были болѣе свѣжія и бодрыя, взглянули на насъ привѣтливо и даже крикнули „хома!“ (здорово), на что мы отвѣчали тѣмъ-же. Каждый разъ, когда мимо насъ дефилировала новая группа китайцевъ, спутники мой озирали ихъ молча съ усиліемъ удерживаясь отъ смѣха, но какъ только она пройдетъ, то слѣдовало взрывъ шутокъ и насмѣшекъ, въ родѣ: „ну, теперь будемъ учить нашихъ бабъ, какъ платкомъ голову повязывать“, или „у нихъ видно штыкомъ землю боронить“, или „ишакъ, ишъ-ты!, тоже попать въ боевые кони“, или они стало-быть въ походѣ ползутъ одинъ по одному“ и т. д.

Но вотъ вдали показалось огромное облако пыли, сквозь которую блестяли на солнцѣ острія многочисленныхъ копій. Это шла сплошная, хотя безпорядочная пѣхотная колонна, приблизительно человѣкъ въ 70. Каждый пѣхотинецъ на плечѣ держалъ пикку, а у нѣкоторыхъ, кромѣ того, были ружья. Пики ихъ гибкія и очень длинныя, сажени въ двѣ, а остріе на нихъ хорошо отточенное. Я ѣхалъ впереди нашего маленькаго отряда, боковой тропинкой, отстоявшею шаговъ десять отъ большой дороги. Вдругъ, когда мы поровнялись съ серединой толпы, одинъ изъ китайцевъ отдѣлился отъ нея,

снять конь съ плеча, взять его на перевѣсъ и устремился на меня съ угрожающимъ видомъ и свирѣпымъ выраженіемъ лица. Рѣшившись на выжидательный образъ дѣйствій до послѣдней возможности, я позволялъ ему приблизиться и смотрѣть на него молча и неподвижно, причѣмъ имѣлъ въ виду, еслибъ дѣло дошло до удара, парировать его рукой, что, вѣроятно, было-бы нетрудно, благодаря большой длинѣ коня. Но, къ счастью, китаецъ одумался. Когда остріе пика было отъ меня аршина на два, онъ вдругъ поворотилъ и пошелъ дальше, но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, еще разъ замахнулся на Дементія, который, однако, тоже не отнесся къ нему ни словомъ, ни движеніемъ, вслѣдствіе чего онъ вторично опустилъ конь. Чтомо мною нѣе глѣзла? Какую видѣл онъ? Неизвѣстно, что означала эта выходка: была-ли то простая угроза, или онъ въ самомъ дѣлѣ намѣревался ударить, только побоялся послѣдствій,—но въ обоихъ случаяхъ она при данныхъ условіяхъ легко могла повести къ несприятнымъ осложненіямъ. При всей этой безпорядочной и шумной толпѣ не было ни одного начальника, многіе люди, по всей вѣроятности, находились въ настроеніи, подобномъ возбужденію ихъ дерзкаго товарища, насъ чужеземцевъ было мало, поэтому весьма возможно, что еслибъ кто изъ насъ взялся преждевременно за оружіе, или отвѣтилъ-бы угрозою, то это было-бы принято за вызовъ на бой. Собственно говоря, вооруженное столкновеніе съ такою челядью не могло быть особенно серіознымъ. Мы были такъ хорошо вооружены и казали такъ ловко владѣють своими берданками и револьверами, что еслибъ мы, въ случаѣ нападенія, открыли огонь, хвостатые войны, вѣроятно, не пожелали-бы продолжать атаку, не смотря на нашу малочисленность. Но дѣло было не въ нихъ, впереди еще оставались большія массы, мы находились въ пустынной и голодной мѣстности и, во всякомъ случаѣ, послѣ какой-нибудь стычки, встрѣтились-бы большія затрудненія въ дальнѣйшемъ слѣдованіи. Поэтому я былъ

довольно исходомъ этой встрѣчи, однако, написать въ послѣдствіи Консулу и Семирѣченскому Военному Губернатору объ этой встрѣчѣ, прося ихъ сообщить китайскому начальству и просить о наказаніи копейщика и того солдата, который бросилъ полѣномъ въ моего денщика. Каковъ былъ результатъ, не знаю, но извѣстно, что китайское начальство въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно выражаетъ непривычную мягкость.

Послѣ этого пришлось видѣть еще много народу, хотя большею частью маленькими отрядами. Лишь долго спустя послѣ прохода упомянутой колонны проѣхалъ верхомъ офицеръ съ прозрачной шинкой на шляпѣ и съ конскимъ хвостомъ въ рукѣ: послѣдній у нихъ есть отличіе военного офицера. Вообще такихъ офицеровъ въ теченіе этого дня видѣли всего нѣсколько человѣкъ. Довольно много, только поодиночкѣ и по 2—3 человѣка, прошло цѣлѣнныхъ людей въ красныхъ кафтанахъ съ черными узорами и съ мечами на плечахъ. Мечи эти формой похожи на большіе ножи, которыхъ лезвие спрятано въ кожаныхъ ножнахъ, при употребленіи мечъ берутъ въ обѣ руки. Эти краснокафтанники совершенно одинаковаго вида съ тѣми палачами, которые шли впереди процессіи Дао-тая, и, дѣйствительно, когда нужно бываетъ изъять какого-нибудь неповорнаго воина изъ міра сего, то обязанность эта обыкновенно возлагается на меченосцевъ.

Потомъ проходили арбы съ обозами, потомъ два большихъ начальника, одинъ въ каретѣ, другой въ наглухо закрытыхъ носилкахъ, несомыхъ 4-мя людьми. Потомъ опять группы кавалеріи съ конями, отдѣльные пѣхотные копейщики и пр. Артиллерія нигдѣ не было видно.

На станціи (Рабать-Тшурга) мы застали остальныхъ китайцевъ и когда я расположился въ комнатѣ, назначавшейся для ночлега, человѣка четыре вторгнулись туда и начали

съ пазойшностию разсматривать меня и мои вещи. Я могъ бы везти нашимъ людямъ вывести непрощенныхъ гостей, но предпочелъ прибѣгнуть къ болѣе миролюбивому средству. Доставъ изъ портфеля фотографію¹⁾ кашгарскаго Дао-тая, которую оригиналъ сей мнѣ поднесъ, я показаль солдатамъ китайскаго генерала и затѣмъ энергически указаль на двери. Маневръ этотъ подѣйствовалъ и китайцы скоро разсѣялись.

До Маралбаши еще двѣ трети приходится идти тѣсомъ, потомъ идутъ камышевыя поляны, наконецъ начинается не-большой Маралбашскій оазисъ, съ пашнями и полями, между прочимъ, много рисовыхъ. Укрѣпленіе Маралбаши имѣетъ базаръ, онѣ же и улица, тутъ пекарни, мясныя, мелочныя и овощныя лавки. Сакель едва-ли есть болѣе 50. Крѣпость имѣетъ довольно внушительный видъ. Она построена изъ жженого кирпича, по баціонамъ четырехугольныя башни съ отверстіями для большихъ пушекъ, отверстія для нихъ тя-нуты и вдоль трѣихъ стѣнъ. По стѣнамъ и въ открытыхъ воротахъ, по обыкновенію, все мертво, какъ въ какомъ-нибудь закодзованномъ замкѣ.

Народъ здѣсь и въ окрестностяхъ довольно благообразный, какъ и уже упоминалъ, и не производитъ впечатлѣнія неподвижности и тупости. Замѣчательно, что именно въ здѣшнихъ мѣстахъ женщины носятъ высокія, сверху суживающіяся, шапки, чаще всего красныя, но бываютъ и другихъ цвѣтовъ. Уже не потомки-ли это тѣхъ острокопечныхъ колчановъ, которые, по описанію Геродота, носили древніе Саки? и какиъ образомъ здѣсь, на ровномъ мѣстѣ, при самой дорогѣ, служившей уже въ прежніе вѣка главнымъ трактомъ передвиженій, сохранилась частица народа болѣе чистаго арійскаго типа? Не объясняется-ли это близостью большихъ тѣсовъ, куда уходили жители при приближеніи погрома и

¹⁾ Она сдѣлана однимъ изъ вѣренскихъ фотографовъ, бывавшихъ въ Кашгарѣ.

затѣмъ возвращались послѣ прохода главныхъ полицій?

Условія жизни здѣсь болѣе подходятъ къ деревенскимъ, многоженства нѣтъ, въ бракѣ живутъ долго. Бань нѣтъ, но обмываются дома. Задѣльная плата низка. Уходятъ и отсюда мужчины на заработки, поэтому мѣстныхъ женщинъ болѣе, въ уравновѣшеніе чего, впрочемъ, есть пришедшіе торговцы (привлекаемые, вѣроятно, близостью гарнизона). Куреніе опиумъ не безизвѣстно, хотя курятъ лишь немногіе мужчины, а женщины его совсѣмъ не употребляютъ. Между болѣзнями чаще всего лихорадка, попадаются случаи сумасшествія, чаши(?)¹⁾, зоба¹⁾, каменной болѣзни. Последнія двѣ отчасти въ связи съ твердостью воды, которою отличаются этотъ и большинство сосѣднихъ пунктовъ.

На постояломъ дворѣ посѣтилъ меня одинъ изъ здѣшнихъ торговцевъ, андижанскій сартъ (значитъ считающій себя русскимъ подданнымъ) и принесъ въ подарокъ яицъ и фруктовъ, за что и его отдалъ гармоникой для его дѣтей. Онъ на китайцевъ не жаловался. Тѣмъ не менѣе, во всемъ разговорѣ, какъ и въ самомъ его посѣщеніи, проглядывали русскія симпатіи.

Пора было дойти до Маралбаши. Команда уже дня четыре питалась тукачами, да и тѣхъ едва хватило, а мой обѣдъ состоялъ изъ черныхъ сухарей и захваченныхъ изъ Вѣрнаго консервовъ, т.-е. изъ сардинокъ и зеленого сыра съ масломъ²⁾.

Утромъ рано, когда мы еще спали на постояломъ дворѣ, чрезъ мѣстечко прошло еще человекъ 700 китайскихъ войскъ. Въ дорогѣ же мы не имѣли счастья встрѣчаться съ ними.

¹⁾ Миѣ самому, впрочемъ, не встрѣчалось зобатыхъ, въ то время, какъ въ Аксу они попадаются чуть не на каждомъ шагу.

²⁾ Запасъ масла возобновился, благодаря любезности С. А. Петровской, и оно хорошо держалось, не смотря на теплое время. Въ Аксу, и то лишь у аксакала, миѣ удалось достать еще запасъ этой драгоценности, но уже въ топленомъ видѣ. Оно, впрочемъ, почти цѣликомъ пошло совсѣмъ иное назначеніе, о чемъ расскажу ниже.

Отсюда до Аксу почти весь путь лежит пустыней, лишь кое-гдѣ по дорогѣ небольшія и, большею частью, бѣдныя деревни. Болота, солонцы съ тамарискомъ, глубокіе пески, цѣлые дневные переходы среди убійственной пыли. Въ болотистыхъ мѣстахъ кашгарской пустыни вообще растутъ почти исключительно тростникъ (*Arundo* и *Andropogon*) и *кула* (*Turpha*). На привалахъ поэтому не разъ приходилось удовлетворять нашихъ лошадей однимъ тростникомъ. Здѣсь даже не видно попадающихся по соседству культурныхъ клочковъ, въ низинахъ около рѣчекъ, *Clematis*, *Convolvulus* и *Myricaria*. Въ болѣе сухихъ мѣстахъ болотистой пустыни попадаются „нуга“, поросшіе мелкимъ камышомъ и *Carex*.

Въ одномъ мѣстѣ, между деревнями Чадаркуль и Яка-Ку-дукъ опять идетъ туграковый лѣсъ. Здѣсь мы шли ночью, но тоже о тиграхъ не было ни слуху, ни духу; можетъ стать-ся пѣсня казаковъ, гремѣвшая по лѣсу, держала ихъ въ почтительномъ отдаленіи, такъ какъ тигръ не охотникъ до громкихъ звуковъ. Вода на нѣсколькихъ стоянкахъ солоноватого вкуса, въ одной (Джайды) даже противнаго, сѣроводородистаго. За Марал-башемъ стали видны горы по обѣ стороны, на второй день съ лѣвой стороны, мы шли у подножія довольно высокаго горнаго кряжа *А-хуръ-тау*, голаго и мертвато и вообще напоминавшаго горы передъ Кашгаромъ. Въ этотъ день прошли мимо высокой изгороди, скрывающей убогое жилище нѣсколькихъ отшельниковъ,—это мусульманскій „монастырь“, у воротъ котораго люди наши купили у монаховъ дынь. Вообще дыни можно было доставать въ большихъ количествахъ и онѣ были крупны и сладки, но тѣмъ ихъ было меньше и тѣмъ онѣ дороже, чѣмъ пустынные мѣста. Не доходя до монастыря есть мѣсто погребенія, напоминавшее киргизскіе некрополи. Нѣсколько грубо выведенныхъ глиняныхъ куполовъ съ отверстіями по бокамъ, чрезъ которые свободно можно входить къ могиламъ, на послѣднихъ дѣто въ

родъ могильныхъ плитъ, т.-е. по просту грубые лежачіе глиняные цилиндры безъ всякихъ надписей. Здѣсь погребены какіе-то знатные туземцы. За „монастыремъ“ въ горахъ еще показываютъ *Слѣдъ ноги Алла* (который въ Кашгаріи никогда не былъ). Я не подлюбопытствовалъ доизжать до этой святыни, но джигиты рассказывали, что это—углубленіе, похожее на слѣдъ человѣческой ноги, только больше ея.

Недалеко отсюда, у самой дороги на холмѣ, мы увидѣли грѣющуюся *адюку* (*Vipera Berus*). Мигомъ нѣсколько казаковъ вскочили на холмъ и порѣшили ее шашками.

На слѣдующій день встрѣтили первый верблюдій караванъ (верблюдовъ вообще въ Кашгаріи мало) и увидѣли въ первый разъ нѣсколько коровъ и телятъ. Въ *Сайарыкѣ*¹⁾ на постояломъ дворѣ видѣли замѣчательный тополь, громадный стволъ расколоть пополамъ (можетъ быть вѣдствие удара молніи), а остальная половина вверху продолжаетъ зеленѣть; ширина его по расколу около метра. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ можно видѣть живыя глиняныя ограды: рядъ таловыхъ деревьевъ соединенъ глиняной смазкой. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ дорогой встрѣчаются заброшенные глинобитные форты.

Погода все время стояла теплая и ясная, за исключеніемъ нѣсколькихъ пасмурныхъ и прохладныхъ дней.

Скуку и утомленіе путешествія спутники мои сокращали себѣ пѣснями, бесѣдами, шутками и сказками. Съ перваго же дня арбакешъ показалъ желаніе услаждать свой и нашъ слухъ пѣснями. Это былъ очень недалекій, но добродушный сартъ, взявшій съ собою на дорогу своего сына, утрюмаго мальчика лѣтъ двѣнадцати. Какъ только бывало арба тронется и бубенчики заколышатся, арбакешъ уже заблеетъ свой мелодіи. Словесное содержаніе его пѣсень, повидимому, было крайне небогатое, напримѣръ, бывало, въ нихъ по 6—7 разъ сразу повторяется слово „Алла“, что же ка-

¹⁾ Довольно большое селеніе въ 2-хъ переходахъ отъ Аксу.

сается музыкальныхъ ея достоинствъ, то они были таковы, что я обыкновенно старался быть подалѣе впереди или позади барбы, чтобы не слышать этого барда. Впрочемъ, онъ мало-по-малу, должно быть, догадался, что онъ не-чета ка-закамъ и сталъ умолкать, какъ только раздастся пѣснь ка-заковъ. Немало надеждъ онъ мѣ и звуками, употребле-мыми большинствомъ кангарцевъ для понуканія лошадей. Понукательная фраза состоитъ изъ произносимаго 3—5 разъ сряду слова, ба^а и оно произносилось имъ такъ, что все звукоизверженіе походило на кваканье лягушки, а попере-менамъ удареніе на о становилось до того гортаннымъ или глоточнымъ, что казало^{сь} будто арбакеша начицваетъ тош-нить. Между казаками главный пѣвецъ былъ добродушный великанъ *Масловъ*, который вообще обнаруживалъ поэтиче-скія наклонности, ибо зналъ бездну сказокъ, въ томъ числѣ вычитанныхъ изъ книги, и очень толково ихъ рассказывалъ. По вечерамъ на станціяхъ, когда ужинъ и чай прошли и лошади были накормлены, бывало умолкаютъ хохотъ и раз-говоры и голосъ Маслова начинать повѣствовать: „и вотъ, братцы, вы мои“ и т. д. Иногда это продолжалось до глубокой ночи, такъ что одинъ за другимъ товарищи отдава-лись сну и слушателемъ оставался одинъ часовой. Когда сказка бывала очень интересна, то рассказъ иногда продол-жался и днемъ, во время слѣдованія. Однимъ изъ наиболѣе ревностныхъ слушателей былъ Дементій. Другой казакъ *Соф-роновъ*, съ виду замухрышка и почти никогда не улыба-вшійся, на самомъ дѣлѣ оказался комикомъ по призванію. Когда онъ вздумаетъ по вечерамъ потѣшать публику, то бывало громовый хохотъ стоитъ въ казачьей палаткѣ или саклѣ, а поодаль толпятся кангарцы, въ перемежку съ ки-тайцами и заглядываютъ, какъ веселятся урусы. Между про-чимъ, онъ, не зная вовсе по-китайски, подмѣтилъ интонацію лающей скороговорки китайцевъ и до того вѣрно поддѣлы-валъ ихъ голоса и рѣчь, что я самъ однажды былъ введенъ

въ обманъ и спросилъ, высунувъ голову изъ дверей, что такое нужно этому китайцу⁴. Оказалось, что тутъ не было дунца китайской. Веселость моихъ спутниковъ иногда увлекала и китайцевъ. Проворный и наблюдательный Семеновъ знаетъ нѣсколько китайскихъ словъ (онъ же знаетъ и по-кангарски) и въ всякомъ удобномъ случаѣ пускалъ свое знаніе въ обороты. Однажды, когда мы почевали на пикетъ, гдѣ жило нѣсколько китайскихъ солдатъ, я проснулся отъ громкаго хохота на дворѣ. Оказалось, что Иванъ Ивановичъ⁴ (такъ звали товарищи Семенова) вступилъ въ бесѣду съ китайцами и до того расшевелилъ желтокожихъ амфибій, что они держались за бока. Наибольше серьезнымъ изъ всей компаніи былъ фельдшеръ *Байгуловъ*, честный, развитой и дѣловой юноша, который мнѣ служилъ главнымъ переводчикомъ. Онъ хорошо знаетъ по-киргизски и съ помощью этого языка недурно понимаетъ и кангарцевъ, хотя иногда приходилось переспрашивать и просить объясненія. *Байгуловъ* добродушенъ, онъ лѣтъ 20, отъ него въ жизни не слышалъ ни слова изъ Когда въ душную атмосферу тѣсной комнаты входитъ человѣкъ съ холодной улицы, онъ вноситъ съ собою живительную струю свѣжаго воздуха. Такой струей, вмѣстѣ со мною передвигавшейся по этой печальной странѣ, мнѣ казалась окружающая меня молодежь, съ которой я пришелъ изъ за высокихъ горъ. Еще разъ я убѣдился въ вѣрности неоднократно высказаннаго мною взгляда, что русскій простолюдинъ, въ огромномъ большинствѣ своихъ представителей, не только не нуждается къ лучшей расправѣ, но, напротивъ, лучшія его силы обнаруживаются именно при человѣчномъ обращеніи, конечно, при условіи истинности и постоянства со стороны начальника. Онъ не опускается, не черствѣетъ, а напротивъ, развивается и вырастаетъ. По мѣрѣ того, какъ замѣчается, что и въ немъ уважаютъ человека. Передъ выступленіемъ изъ Нарына я сказалъ моей маленькой командѣ краткое слово о томъ, какъ они себя должны

вести вообще, а въ чужой сторонѣ въ особенности, и ни разу не имѣть причинъ быть недовольнымъ ими, а, напротивъ, они мнѣ полюбилися. Утомительные переходы, холодъ, жаръ и пыль, частыя бессонныя ночи на часахъ, подъ часъ плохая пища, наконецъ, нѣкоторыя опасности—все это потрудило спокойной гарнизонной стоянки, въ особенности это относится къ нашему обратному шествію черезъ хребетъ Кокшаль. Между тѣмъ, не было ни одной попытки обижать жителей, ни малѣйшаго ропота, ни признаковъ утомленія, ни одной ссоры между собою, ни пьянства. Они не только въ точности исполняли все, что я приказывалъ, но угадывали мои желанія и предупреждали приказанія и, въ случаѣ необходимости, навѣрное стали-бы меня выручать изъ опасности, подъ собственнымъ рискомъ. Единственный эпизодъ, въ которомъ они приняли участіе въ дракѣ, скорѣе служилъ къ чести ихъ: на одномъ ночлегѣ, гдѣ одновременно съ нашей арбой, съѣхались нѣсколько другихъ, встрѣчные арбакени поссорились съ нашимъ и стали его бить; моментально нѣсколько казаковъ подскочило на помощь, громадныя кулаки Маслова затанцовали по головамъ и плечамъ атакующихъ и живо порѣшили сраженіе въ пользу нашего барда.

Если ко всѣмъ сказаннымъ качествамъ присоединить понятливость, находчивость и неразрушимую веселость, то понятно будетъ сравненіе, которое я употребилъ выше. Люди эти были взяты вовсе не на выборъ (за исключеніемъ фельдшера и деньщика), всѣ они происходили изъ разныхъ деревень холодной Сибири и могли служить образчикомъ сибирскаго народа, раздѣляющаго съ зауральскими братьями тѣ драгоценныя качества, которыя обнаруживаются въ русскомъ солдатѣ всего замѣтнѣе, именно при трудныхъ обстоятельствахъ. Кто заглянетъ въ зажиточную крестьянскую или казачью деревню, тотъ не всегда вынесетъ оттуда пріятное впечатлѣніе. Примѣры косности, жадности, мелочныхъ ссоръ, даже плутовства, въ особенности же пьянства—все это мож-

но тамъ встрѣтитъ и чаще всего въ наиболѣе зажиточной средѣ, гдѣ человѣкъ начинаетъ баловаться и самодурничать, чему немало способствуетъ и то, что народъ предоставленъ самому себѣ, ничто не очищаетъ грубости его вкусовъ, нѣтъ среди его благонамѣренныхъ, образованныхъ и преданныхъ дѣлу руководителей и, въ особенности, нѣтъ противодѣйствія пьянству. Но въ юношахъ, неустыжшихъ заплѣсаться, суровая школа военной службы живо вытравливаетъ всякое базовство и если только начальники не попадутся въ родъ китайскихъ, способные не возбудить, а забыть все, что отъ природы есть хорошаго въ мужикѣ,—то изъ солдата выдистиллируется нѣчто очень симпатичное. Какъ физическій трудъ, привычка къ холоду, трезвость, воздержаніе и пр. способствуютъ крѣпости тѣла, такъ нравственный и умственный трудъ, лишенія, удаленіе отъ родины, сознание ответственности, опасности и другія испытанія, неразлучныя съ военной службой, способны очистить и укрѣпить духъ; они отрезвляютъ человѣка и научаютъ его дорожить тѣмъ и тѣми, къ чему и къ которымъ онъ безъ этого быть можетъ отнестись бы равнодушно или непріязненно, дѣлать всякую улыбку судьбы—отдыхъ, теплый уголокъ, бесѣду съ товарищами, расположеніе себя подобныхъ и т. д. Разумѣется, что та же военная служба, если она принимаетъ видъ мучительства, грабежа и издѣательства надъ личностью (каковая практика, къ сожалѣнію, и теперь еще въ ходу у нѣкоторыхъ отцовъ-командировъ), можетъ, наоборотъ, изуродовать человѣка, онъ потеряетъ и то, что въ немъ было, понизится, зачерствѣетъ, станетъ плутомъ, пьяницей, или зачахнетъ въ болѣзни.

Вопрошавъ въздвигъ ли отъ **У.** эмиръ и аттабегъ знаетъ онъ
 стариннаго **АКСУ И УЧЬ-ТУРФАНА**.

Аксуейскій аксакалъ и торжественный завтракъ.—Вступленіе въ Аксу и по-
 ния казаковъ.—Видъ города.—Дождь аксакала.—Санитарныя и экономическія
 условія города.—Умственное развитіе жителей.—Эпидемія.—Неудачный ви-
 зитъ губернатору и вице-губернатору.—Пріемныя залы ихъ.—Приготов-
 ленія къ отъезду и разборъ предстоявшихъ трудностей.—Выступленіе.—Учъ-
 Турфанскій оазисъ.—Встрѣча мѣстнаго аксакала.—Ночлеги въ Учъ-Турфанѣ.—
 Изгнаніе китайскаго писаря.—Злополучіе аксакала.—Прібытіе киргизскаго
 джигита изъ Каракозъ.—Первая юрта и поющая женщина.—Послѣдній
 ночлеги подъ крышею.

За три перехода отъ Аксу намъ выѣхалъ на встрѣчу рус-
 скій подданный аксакалъ *Алимбаевъ*, съ подарками весьма
 для насъ пріятными при данныхъ условіяхъ, именно съ ва-
 реными яйцами, яблоками, виноградомъ, печеньемъ и кор-
 момъ для лошадей. Аксакалъ этотъ, котораго мы уже хва-
 лили **Н. Ѳ. Петровскій**, оказался человѣкомъ очень обяза-
 тельнымъ и толковымъ (не смотря на свою безграмотность).
 Это настоящій джентельменъ, на сколько имъ можетъ быть
 человѣкъ необразованный; его богатство, благонамѣренность
 и природный тактъ повели къ тому, что онъ не только поль-
 зуется общимъ уваженіемъ мѣстныхъ жителей, но имѣетъ
 даже нѣкоторый вѣсъ у китайскаго начальства.

На послѣднемъ переходѣ по долинѣ рѣки Аксу-даря при-
 шлось пройти въ бродѣ 3 рукава этой рѣки и кромѣ того
 нѣсколько многоводныхъ арыковъ. Главный рукавъ шириною
 сажень въ 20, и вода на мѣстѣ брода касалась брюха ло-
 шадей, а мѣстами она гораздо глубже. Во время проѣзда
 г-на Куропаткина чрезъ всѣ рукава были наведены мосты,
 которыхъ мы и слѣда не видѣли; вѣроятно, ихъ снесло, ибо
 весною бываютъ большіе разливы, такъ что, все это пред-
 ставляетъ сплошную водяную поверхность. Послѣ такихъ пе-
 реходовъ черезъ рѣки нашъ четвероногій слутникъ Кривой
 обыкновенно становился предметомъ общаго веселья: выва-
 лившись послѣ этого въ пыли, онъ принималъ видъ какого-

то грязного дикообраза. Верстахъ въ 10-ти отъ Аксу въ киш-лакѣ (деревнѣ) *Аусукъ*, который по величинѣ своей могъ-бы служить предмѣстьемъ города, намъ устроили гостепріимную встрѣчу. Человѣкъ 15 русскихъ сартовъ, торгующихъ въ Аксу, приготовили намъ завтракъ и угощали съ большимъ радушіемъ, всячески выражая свое удовольствіе видѣть „зем-ляковъ“. Для меня былъ поставленъ столъ съ возвышеннымъ сидѣньемъ, *vis à-vis* помѣщался аксакаль и переводчикъ (Байгуловъ) на скамьяхъ, нѣсколько джигитовъ прислуживало. Завтракъ состоялъ изъ очень вкуснаго пшеничнаго печенья, плова и нѣсколько другихъ мясныхъ кушаньевъ, изъ перси-ковъ, винограда и чая; къ послѣднему подавался и сахаръ по европейскому обычаю. Подкрѣпившись очень кстати и поблагодаривъ радушныхъ хозяевъ, мы отправились дальше, среди убійственной пыли.

Даже здѣсь культурная полоса не идетъ сплошь, а не вдалекѣ отъ города въ долину вдвинулась бесплодная возвы-шенная площадь *Яталъ-масъ*, съ которой по крутому обры-ву дорога спускается къ предмѣстью горъ Аксу. Песчаная стѣна обрыва вышиною сажень 8—10. На верхней ея пло-щадкѣ разсыянными грушинами расположены городскія моги-лы. Спустившись внизъ, дорога сначала еще идетъ вдоль горы, имѣя справа ее, а слѣва пригородные сады, огороды, пашни и сакли.

Было такъ жарко (11 окт. стар. ст.), что народъ работалъ въ полѣ безъ рубашекъ, въ одной нижней одеждѣ. Листья на деревняхъ видѣлись чаще зеленыя, чѣмъ желтыя. Когда мы потянулись вдоль подножія горы, казаки заѣли хоромъ, и пѣсни ихъ, отражаясь отъ стѣны, раскатисто разносились по полямъ и хуторамъ. Видно еще никогда такіе могучіе звуки не врывались въ этотъ убогій муравейникъ. Умолкали при ихъ приближеніи блеющіе речитативы на поляхъ, съ грядъ огородовъ приподнимались чалмы и женскія шапки,

¹⁾ Въ ней-же останавливался за годъ передъ тѣмъ Н. М. Пржевальскій.

жалких сакяхъ. Она была обштукатурена, снабжена большими хорошими каменными и квадратными окнами, затанутыми узорчатой белой бумагой. Съ двухъ сторонъ были каменные лары, покрытые хорошими коврами, и что мени особенно пріятно удивило—въ ней было съ полдюжины выскыхъ стульевъ. Вместе съ моею походною кроватью и складнымъ столикомъ, меблировка оказалась хоть куда, и въ добапокъ не было того недумрака, которымъ мы больше всего опротивили сакхи. Команда поместилась на внутреннемъ дворѣ подъ навѣсомъ, повѣсивъ съ боку кошмы. Самъ радущій нашъ хозяинъ жилъ въ другой, большой комнатѣ, съ особымъ входомъ, а семья его отдѣльно, въ другомъ домѣ. Такихъ великолѣпныхъ домовъ во всемъ Аксу 3—4. Вообще видъ города такой-же жалкій, какъ и Кангара, хотя онъ вдвое больше послѣдняго по населенію, но зато и скученность жилья въ немъ еще больше тамонней. Главная улица въ 1—1½ сажени шириной, а многіе переулки не шире 1½—2 аршинъ. Дома похожи скорѣе на шкафы. Большинство небогатаго населенія живетъ въ низкихъ и узкихъ глинобитныхъ коңурахъ, прифѣлленныхъ одна къ другой и почти темныхъ. Довольно много двухъэтажныхъ домовъ, общая высота которыхъ, однако, едва-ли равняется высотѣ нашихъ одноэтажныхъ. Въ нижніе этажи свѣтъ проникаетъ чрезъ рѣшетчатое окно, устроенное надъ дверью, въ верхнихъ—все тѣ-же излюбленные отверстія въ потолкѣ. Многіе дома не имѣютъ отдѣльныхъ дворовъ, а выходятъ прямо на улицу. О фундаментахъ, тротуарахъ, мостовыхъ и т. п. нѣтъ рѣчи. Плотная лѣссовая глина, составляющая матеріалъ половъ, дворовъ и улицъ, и идѣсь до извѣстной степени закрѣпляетъ мощеніе и препятствуетъ проникновенію гниющихъ жидкостей въ толщу почвы, но за то приспособленія для соблюденія чистоты надъ землей столь первобытны, что для пыли и зловоній открытъ широкій разгулъ. Правда, что навозъ отъ людей и животныхъ удаляется, т. е. собирается для целей

столь-же тщательно, какъ въ Кашгарѣ, испражненія подбираютъ ежедневно, а навозъ 3—4 раза въ мѣсяцъ. Но зато все остальное: моча, помой и пр. выкидываются куда попало. Кое-гдѣ есть помойныя ямы, но и онѣ, какъ въ Кашгарѣ, никогда не очищаются, а когда яма переполнится, то жидкость сама вытекаетъ и гдѣ-нибудь попадаетъ въ одинъ изъ городскихъ арыковъ. Последнихъ имѣется 6 на весь городъ, жидкость въ нихъ течетъ крайне медленно, покрыта зеленой пленкой и издаетъ зловоніе. Оканчиваются эти канавы на поляхъ, слѣдовательно и городскія помой утилизируются, но въ теченіи своемъ вдоль города они вредятъ не мало. Воду городъ получаетъ изъ ключей, вытекающихъ изъ-подъ горы и имѣющихъ, большею частью, видъ колодца. Многіе изъ нихъ содержатся нечисто, въ нихъ попадаетъ и уличная пыль и, кромѣ того, въ нихъ просачиваются нечистоты изъ окружающей почвы, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые расположены ниже жилыхъ домовъ.

Кладбища, какъ сказано было, расположены на верху горы, чего также нельзя одобрить въ санитарномъ отношеніи, правда, впрочемъ, что вода прѣтекающая чрезъ него, процѣживается чрезъ очень толстый слой земли. Если вспомнить о томъ, какое жаркое и продолжительное лѣто въ Кашгаріи и какъ рѣдки вѣтра и дожди, то станетъ понятно какимъ воздухомъ дышетъ городское населеніе. Жара способствуетъ развитію вредныхъ газовъ и микробовъ, сухость—развитію грязной пыли, и, кромѣ того, нѣтъ прямого промыванія воздуха и почвы атмосферными осадками. Между прочимъ чрезвычайная тѣснота въ домахъ должна отравлять атмосферу дома, особенно въ жаркое время.

Бань не имѣется вовсе и многіе изъ бѣдныхъ людей никогда не моются.

Къ такимъ незавиднымъ условіямъ присоединяется жалкое экономическое и гражданское положеніе населенія. Поденная плата нѣсколько выше, чѣмъ въ Кашгарѣ, именно 15—16

код., но зато и городъ больше, что влечетъ за собою большія цѣны на квартиры и съѣстные припасы. Часть жителей, кромѣ своихъ городскихъ профессій, продолжаетъ заниматься земледѣіемъ, но не смотря на обильные, подѣ влияніемъ городскихъ удобреній, урожан¹⁾, около $\frac{1}{3}$ городскихъ участковъ, гдѣ земля менѣе доброкачественна, лежатъ необработанною, что, главнымъ образомъ, объясняется большими поборами и грабежомъ со стороны китайскихъ чиновниковъ и солдатъ (см. выше). Издѣлія аксуйской промышленности—ковры, кожанная обувь и кошмы (которые довольно цѣнны) занимаютъ большое число рабочихъ, но спросъ всегда превышаетъ предложеніе. Поэтому здѣсь, въ такой-же мѣрѣ, какъ въ Кашгарѣ, существуетъ эмиграція мужчинъ и торговля женщинами, постыдная жепитьба на дѣвочкахъ, безпрестанные разводы и, вслѣдствіе всего этого, отсутствіе солидной семейной жизни и воспитанія, что, въ свою очередь, порождаетъ физически и духовно слабыхъ людей.

Заупотребленіе наркотиками тоже распространено, хотя не въ такой степени, какъ въ Кашгарѣ. Образование народа на такой-же низкой ступени, какъ тамъ. Умственный кругозоръ ограничивается эмпирическими, притомъ весьма первобытными профессиональными знаніями, событіями дня, религіозными суевѣріями и кое-какими мусульманскими легендами. Въ школахъ города обучается ничтожное число дѣтей. Литературы нѣтъ въ поминѣ. О всѣхъ другихъ народахъ, кромѣ китайцевъ, самыя смутныя понятія, даже имена ихъ неизвѣстны. И представители „интеллигенціи“, т.-е. муллы, отличаются глубокимъ невѣжествомъ и грубымъ суевѣріемъ, вслѣдствіе чего они, напримѣръ, когда къ нимъ обращаются за помощію больные (другихъ лечителей нѣтъ), кромѣ чтенія молитвы, прибѣгаютъ къ разнымъ чародѣйнымъ приемамъ, напр. изгоняютъ нечистаго помощію дутья вокругъ больного и т. п. волшебныхъ формулъ.

¹⁾ Рискъ перерѣзко даетъ сажъ 40, а ишеница (сажъ 20. жива, допот

Вліяніе китаЙцевъ такое-же, какъ въорбще въ Кашгарѣ, т.-е. скорѣе подавляющее и разлагающее, чѣмъ оживляющее и образующее. Изъ всего здѣсь изложеннаго видно, что гигиеническія условія и строй общественной жизни именно таковы, что составляютъ благодатную почву для эпидемическихъ болѣзней. Оказалось, что ко времени нашего прихода въ Аксу quasi—холера уже угасла. Мы удалось увидѣть всего только одного больного, у котораго заимѣались, и то въ очень слабomъ видѣ, припадки той болѣзни, которая поразила города. Какъ вѣтъ этого случая, такъ и изъ описаній, собранныхъ мною отъ очевидцевъ, я вывелъ заключеніе, что то была *потная горячка* (*febris miliaris*), болѣзнь въ Европѣ въ настоящее время рѣдкая и неособенно опасная, но въ прежніе вѣка наводившая ужасъ и на нашу часть свѣта, благодаря тогдашнему состоянію общественной гигиены. Это та самая болѣзнь, которая въ 16-мъ столѣтіи прославилась подъ названіемъ *sudor anglicus*. При гигиеническихъ условіяхъ, подобныхъ вышеописаннымъ, обыкновенно достаточно бываетъ какого-нибудь толчка для того, чтобы мѣра терпѣнія человеческого организма переполнилась и разразилась эпидемія. Въ данномъ случаѣ толчкомъ этимъ были необыкновенныя метеорологическія условія первой половины лѣта, именно такая жара, какой незнакоматы люди, живущіе въ Аксу по четверти вѣка. При этомъ, совершенное отсутствіе дождей. Немудрено, что при этомъ испаренія изъ помойныхъ ямъ, тарыковъ, дворовъ, улицъ должны были увеличиться, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ домахъ вредныя послѣдствія тѣсноты обострились; словомъ, уселились и условія для образованія болѣзнетворныхъ микробовъ, а съ другой стороны сила сопротивленія организма понизилась, благодаря увеличенію вдыханія вредныхъ газовъ и пыли и можетъ быть прямому расслабляющему вліянію жары. Послѣдовалъ взрывъ грозной эпидеміи, сила которой, какъ-бы сосредоточилась на томъ органѣ тѣла, гигие-

ническимъ содержаніемъ котораго всего болѣе пренебрегали, т.-е. на кожѣ.

Въ теченіи 3—4-хъ недѣль болѣзнь была неслыханной жестокости; увѣряютъ, что въ это время изъ заболѣвшихъ никто не выздоравливалъ, и притомъ многіе умирали въ теченіи первыхъ сутокъ, испуская потоки пота и мучимые неутолимой жаждой. Мало того, были случаи „молніевидной“ смерти у людей, до тѣхъ поръ здоровыхъ; такихъ случаевъ аксакалу Алимбаеву было извѣстно до десяти. Цѣлыя семьи вымирали въ нѣсколько дней, хоть собственно заразительности незамѣтно было. Заболѣвали преимущественно въ бѣдныхъ квартирахъ, улицы-же, гдѣ жили болѣе зажиточные, сравнительно мало пострадали. Ужасъ объялъ населеніе, крики „ваб! ваб!“ (море), стонъ и плачъ слышались по улицамъ. Въ мечетяхъ и передъ ними лежали распростертыми толпы молящихся. Ни откуда не было помощи несчастнымъ, ни врачей, ни лекарствъ, ни общиннаго милосердія, ни очищенія, ни дезинфекціи, ни поддержки оставшихся сиротъ или стариковъ. Сотни и тысячи умирали въ своихъ темныхъ конурахъ, на мокромъ зловонномъ тряпѣ, и горами вывозились на кладбища. Всего умерло около 2000. Китайская администрація отъ начала до конца пребывала равнодушной: китайская мудрость въ этомъ отношеніи до сихъ поръ не опередила логики самыхъ первобытныхъ народовъ и считаетъ эпидемію вообще лишь бичами Божьими, съ которыми бороться было-бы нелѣпо. Въ добавокъ, дѣло шло о какихъ-нибудь покоренныхъ кашгарцахъ. Сами китайцы, впрочемъ, тоже не избѣжали этого бича, однако, благодаря большей зажиточности и кое-какому знакомству съ лекарствами, ихъ и заболѣвало и умирало немного.

Спасеніе пришло изъ той-же атмосферы, которая послала эпидемію: въ концѣ 2-го мѣсяца ея пошли дожди, которые съ небольшими промежутками продолжались недѣли три. Тотчасъ обнаружился переломъ въ болѣзни и по количеству за-

болѣвавшихъ, и по отношенію умиравшихъ, а къ осени мало-по-малу она стала исчезать.

Характеръ болѣзней вообще подобенъ тому же, что въ Кашгарѣ, но, кромѣ того, здѣсь необыкновенно часто встрѣчается зобъ, о причинахъ котораго будетъ еще упомянуто ниже.

Прежде, чѣмъ оставить городъ, я оставилъ аксакалу записку лекарствъ изъ моей дорожной аптечки, съ подробною инструкціею, переведенной на тюркскій языкъ при помощи Байгулова и конторщика аксакала.

Въ Аксу мы провели 4 дня, часть которыхъ я употребилъ на ознакомленіе съ городомъ и его санитарными условіями. На третій день я вознамѣрился сдѣлать визитъ губернатору и его помощнику. Визитъ этотъ я тѣмъ болѣе считалъ умѣстнымъ, что съ ихъ стороны, казалось, былъ сдѣланъ первый шагъ къ дружескимъ отношеніямъ, а именно на второй день нашего пребыванія, вице-губернаторъ прислалъ намъ клеверу, джугары и рису на нѣсколько дней и уведомилъ, что и дровъ приказано отнестись въ такой-же пропорціи. Предварительно, какъ водится у нихъ, было послано уведомленіе чрезъ аксакала и назначенъ день и часъ. Легко себѣ представить каковы были мое удивленіе и досада, когда ни тотъ, ни другой вельможа меня не приняли. Подробности этого событія были слѣдующія:

Утромъ 13-го октября я отправился въ полной формѣ съ 4-мя казаками, съ Байгуловымъ, съ аксакаломъ и нѣсколькими джигитами въ цитадель. Ворота были отперты, за ними была гауптвахта, но вмѣсто часовыхъ на оной, по обыкновенію, видѣлось только разставленное въ рядъ оружіе—копья, алебарды, трезубцы и пр. Проѣхали нѣсколько пустыхъ переходовъ или дворовъ, гдѣ кромѣ окаймляющихъ стѣнъ ничего не видно было, очутился у дверей губернаторскаго двора. Здѣсь аксакалъ слѣзъ съ лошади и пошелъ въшкомъ,

я-же, съ моей свитой, подъѣхалъ по мощеному двору до самаго пріемнаго зала и взошелъ въ него по ступенькамъ. Собственно говоря, это была не зала, а открытая эстрада съ навѣсомъ, примыкавшая къ дому, стѣна котораго служила ей фономъ. Отъ средней части стѣны впередъ подавались двѣ перегородки, составляя родъ открытаго кабинета, съ диванчиками или, лучше сказать, со скамьями, обитыми краснымъ сукномъ. Часть стѣны, въ которую упирался кабинетъ, была занята аляповатою живописью, изображавшею, какое-то фантастическое четвероногое, всё тѣло котораго было покрыто голубой чешуей, а вмѣсто головы видѣлось изображение хартіи съ какою-то надписью. Вообще, надписей было множество, и разноцвѣтныя, испещренныя ими, дощечки занимали большую часть стѣны и висѣли на столбахъ, которыми поддерживался навѣсъ. У той-же стѣны, вѣ кабинета, стояла двухколесная карета и закрытыя, обтянутыя синимъ сукномъ, носилки, а поблизости ихъ замѣчалась закрытая дверь, чрезъ которую, вѣроятно, входили во внутреннія комнаты. Само собою разумѣется, что убранство эстрады довершалось висѣвшими сверху громадными бумажными фонарями.

Поднявшись на эстраду, я увидѣлъ себя окруженнымъ толпою хвостатыхъ юбочниковъ, пожирившихъ меня глазами. Между всѣми этими лицами я могъ различить только одно, котораго выраженіе было серіозное и осмысленное; лицо это носило очки и, вѣроятно, принадлежало какому-нибудь секретарю. Продавъ нѣсколько минутъ, я наконецъ спросилъ чрезъ переводчика, что значить это замедленіе. Тогда подошелъ какой-то офицеръ и объявилъ, что губернаторъ „нездоровъ“ и потому не можетъ меня принять. Уже подозрѣвая въ этомъ какую-нибудь китайскую хитрость, я, однако, еще потхалъ къ вице-губернатору, но у него повторилась та-же исторія. Какъ пріемная его зала была подраженіемъ губернаторской, такъ и самый приемъ оказался столь-же неудачнымъ, съ тою разницею, что этотъ

Дао-тай¹⁾ просить извинений, что онъ не можетъ сегодня принять за множествомъ дѣлъ, но что просить прѣхать въ другой разъ²⁾. Я съ досадою отправился домой. Такъ какъ кормъ, присланный китайцами, былъ уже съѣденъ нашими лошадьми, то нельзя было послать его назадъ, но дровъ, которые еще не были привезены на нашъ дворъ, я приказалъ не брать, а для того, чтобы не остаться въ долгу за клеверъ и пр., я послалъ вице-губернатору два подарка, а именно пачку шоколадныхъ конфетъ съ картинками и дѣтскій игральный ящикъ²⁾. Вместе съ тѣмъ передали, что я разсердился. На другой день губернаторъ велѣлъ мнѣ передать слѣдующую тираду: „пусть русскій большой докторъ не сердится, мы его не приняли потому, что не имѣемъ на то разрѣшенія генералъ-губернатора, который у насъ, все равно, что половина государя“, а Дао-тай № 2 прислалъ мнѣ свою визитную карточку и свертокъ, въ которомъ, какъ мнѣ сказали, былъ денежный подарокъ и, кромѣ того, велѣлъ объявлять, что приказано отпустить намъ въ пути казенный фуражъ и дрова на первыхъ 3-хъ станціяхъ. Хотя по азіатскимъ понятіямъ денежныя подарки въ такихъ случаяхъ весьма обыкновенны, но я возвратилъ пачку неразвернутою и оставилъ только визитную карточку, а что касается фуража и дровъ въ дорогѣ, то я все-таки платилъ выдававшему ихъ китайцу, по рыночнымъ цѣнамъ; представилъ-ли онъ эти деньги, или взялъ себѣ—незнаю. Подарки-же, говорятъ, понравились. Наконецъ, настала желанная возможность готовиться къ отправленію въ обратный путь. До прибытія въ Ацеу я еще окончательно не рѣшилъ, какое именно направленіе избрать для этого, хотя уже заранѣе склонялся въ поль-

¹⁾ Такой-же самый я подарилъ шестилѣтнему сыну асакала.

²⁾ Вице-губернаторъ, хотя по мѣсту ниже губернатора, но чинъ имѣетъ одинаковый съ нимъ, поэтому ихъ обоихъ называютъ здѣсь дао-тайми, вслѣдствіе чего я не разъ сбивался, о которомъ изъ нихъ идетъ рѣчь.

въ кратчайшей линіи, т.-е. прямого караваннаго пути отъ Аксу на Караколь, чрезъ хребетъ Кокшаль и перевалъ Бедель (или Бадалъ). Еслибъ дѣло состояло только въ разстояніи, которое не только меньше обратнаго круга чрезъ Кашгаръ и Нарынъ, но и другой линіи чрезъ Музартъ и Кульджу, то не могло бы быть и разговора о томъ, какимъ путемъ возвращаться. Но въ такихъ странахъ, съ которыми я имѣлъ дѣло, приходится брать въ расчетъ много другихъ условий. Кокшаль одна изъ высочайшихъ и пустынейшихъ цѣпей Тянь-шаня, немногимъ лучше и слѣдующія за нею сосѣдки, а гора Бедель, которой миновать нельзя, возвышается почти на 14.000 фут. надъ уровнемъ моря, т.-е. перевалъ этотъ можетъ считаться однимъ изъ высочайшихъ во всемъ старомъ свѣтѣ. Если передвиженіе къ сѣверу по пустыннымъ мѣстамъ уже въ низколежащихъ мѣстахъ становится затруднительнымъ въ такое время года, то это гораздо въ большей степени относится къ такимъ высотамъ, гдѣ даже среди лѣта бываютъ снѣжные бураны. Недаромъ каракольскимъ врачамъ ежегодно представляются случаи отмороженныхъ ногъ или рукъ у бѣдныхъ кашгарскихъ эмигрантовъ, переваливавшихъ горы ради заработковъ, что бываетъ особенно весною. Въ добавокъ не только провизію, топливо, но даже кормъ для животныхъ приходится везти съ собою по этому пути, что не только затрудняетъ движеніе, но увеличиваетъ рискъ очутиться безъ того или другаго въ случаѣ непредвидѣнныхъ продолжительныхъ задержекъ и другихъ осложнений. Лѣтомъ, по крайней мѣрѣ, есть киргизскія кочевки по плоскогорью (за Беделемъ), но въ данное время по всей дорогѣ между послѣдними кашгарскими селеніями и русской деревней *Синькиной*, т.-е. на протяженіи верстъ 200, опять только одно живое мѣсто, китайское укрѣпленіе съ гарнизономъ изъ 2—3 человекъ, да и то здѣсь запастись чѣмъ-либо нѣтъ возможности, потому что самимъ солдатамъ все доставляется на вьюкахъ изъ Учъ-Турфана. Можно считать, что отсутст-

віе подножнаго корма и топлива продолжается на протяженіи 120 верстъ, съ тою разницею, что пункты, гдѣ прекращается и начинается, то и другое, не совпадаютъ. Кромѣ того, нѣтъ сомнѣнія, что какъ самый подъемъ на главный переваль сопряженъ съ большими затрудненіями, такъ и вообще этотъ путь во многихъ мѣстахъ отличается опасными тропинками и крайней непроходимостью, вѣдѣствіе громадныхъ камней или глубокаго снѣга. Наконецъ, слѣдовало имѣть въ виду еще одно обстоятельство, о которомъ хотя обыкновенно забываютъ, но все-же оно по временамъ сказывается, именно припадки горной болѣзни. Ташъ-рабатъ мы перевалили благополучно, но здѣсь предстояли еще большія высоты, которыя для многихъ организацій (въ томъ числѣ и для моей) безразличны. Хотя рѣдко, но бываютъ даже случаи внезапной смерти, вѣдѣствіе рѣдкости воздуха¹⁾. Съ другой стороны, Бедель меня манилъ новизною впечатлѣній и возможностью скорого разставанія съ постылою Кашгаріею, со скукою и неудобствами кочевой жизни, а въ добавокъ, какъ у меня, такъ и у казаковъ, суммы, отпущенной на расходъ не хватило - бы на обратный путь чрезъ Кашгаръ и Нарынъ. Наконецъ, горная страна, которую мы прошли въ первый путь, хотя не столь высока, не представляетъ такихъ неудобствъ и опасныхъ переходовъ и снабжена кое-какимъ подножнымъ кормомъ, но все-таки это тоже холодная и голодная пустыня, не представляющая, особенно въ такое позднее время года, такихъ прелестей, изъ-за которыхъ стоило бы продолжить путешествіе еще недѣль на пять. Поэтому и

¹⁾ Такъ умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ молодой и здоровый киргизъ Джилти-Бай, поднявшійся въ горы, которыя простираются къ сѣверу отъ Кокшала. Извѣстны и нѣкоторые историческіе примѣры смерти отъ рѣдкости воздуха; такова была судьба Султанъ-Саида, одного изъ могущественнѣйшихъ правителей Кашгаріи (XVI столѣтіе). Во время возвращенія его изъ похода на Тибетъ онъ умеръ около Каракору-ма "отъ сгущенія крови".

ожидалъ, что скажутъ мнѣ въ Аксѣ люди бывалые. Когда же я услышалъ, что „можно“ и даже нашёлся каракольскій сартъ, который брался быть нашимъ возчикомъ, то я склонился въ пользу Беделя и сдѣлать соответствующія приготовления.

Пшеничныхъ лепешекъ и чаю взято въ дорогу съ избыткомъ, т. е. на двѣ недѣли и кромѣ того у насъ быть порядочный запасъ рису и гороху, а для лошадей джугары. У меня самого оставались еще кое-какіе консервы, а радунинъ аксакаль заказалъ мнѣ на своемъ хуторѣ фунтовъ пять топленого коровьяго масла. Заказаны мѣховыя рукавицы, а валенныя женги и тулупы уже были у всѣхъ. Конюшная палатка и кошъ, котораго кошмы въ Кашгарѣ обшили еще вторымъ слоемъ, были дополнены нѣсколькими запасными кошмами. Кромѣ верховой лошади, я взялъ для себя конныя носилки, которыя мнѣ, по моей инструкціи, соорудили казаки. Онѣ состояли изъ двухъ солидныхъ жердей, средняя часть которыхъ была соединена перекладинами, а къ этой рамкѣ придѣланъ веревочный переплетъ съ углубленіемъ, поверхъ этого лежали кошмы и небольшой тюфикъ съ подушкой. Задніе и передніе концы жерди пристегивались къ сѣдлу лошади. Сѣдлоковъ на этихъ лошадяхъ не было, но переднюю лошадь держалъ наповоду ѣхавшій впереди казакъ. Носилки эти я завелъ отчасти для чрезмѣрно-утомительныхъ переходовъ, отчасти въ виду того, что въ нихъ было теплѣе, наконецъ, на случай болѣзни кого-либо изъ насъ. Клеверомъ предполагено было заготовиться въ Учъ-Турфанѣ, а дровами еще далѣе, на горномъ почтѣгѣ, гдѣ есть лѣсокъ. Весьма жалѣлъ я, что мой запасъ спирта для горѣнія кончался. Во всей этой странѣ ни за какія деньги нельзя его достать, пришлось замѣнить его китайской водкой, но это снадобье я вскорѣ бросилъ. Зловоніе сивушнымъ масломъ отъ нея такъ сильно, что этотъ запахъ всюду остается, а главное крѣпость ея такъ мала, что она съ трудомъ зажигается, особенно на

открытомъ воздухѣ, и соответственно этому плохо разогрѣвается. Въ дорогѣ я ухитрился найти другое средство для замѣны спирта, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Караванъ нашъ состоялъ изъ 16-ти всадниковъ, въ томъ числѣ возчикъ (каракенъ) и 6 его помощниковъ, и 23-хъ лошадей, часть которыхъ шла подъ вьюкомъ. Въ послѣдствіи караванъ еще увеличился нѣсколькими проводниками. Заплатить пришлось здѣсь возчику вдвое болѣе, чѣмъ изъ Нарына до Кашгара, именно 90 рублей; разстояніе почти одинаковое, но трудности неодинаковы.

15-го октября, въ ясный полдень, мы выступили изъ Аксу, подъ веселые переливы хоровой пѣсни казаковъ. До Учъ-Турфана 3 дневныхъ перехода по культурной полосѣ, едва ли не самой плодородной во всей Кашгаріи, особенно къ Учъ-Турфану. Чѣмъ ближе, тѣмъ гуще идутъ пашни, хутора и аллеи тополей. Вообще видъ этой мѣстности указываетъ нѣкоторую зажиточность. Жители одѣваются лучше, сажаютъ садъ, а въ нѣкоторыхъ хуторахъ замѣтны намеки на роскошь, въ родѣ рѣшетчатыхъ садовыхъ бесѣдокъ и т. п. Часто встрѣчаются могилы святыхъ и другихъ мѣстныхъ знаменитостей, онѣ, обыкновенно, огорожены высокими глиняными рѣшетками и надъ ними возвышаются шесты съ навѣшаннымъ тряпьемъ. Много и общественныхъ кладбищъ, могилы все того-же однообразнаго вида, покрыты лежащими глиняными цилиндрами.

Сначала пришлось пройти въ бродъ нѣсколько рукавовъ Аксу-дарьи, а далѣе по дорогѣ два рукава *Тушган-дарьи*, впадающей въ первую. Около Учъ-Турфана¹⁾ мѣстность становится холмистою, съ лѣвой стороны возвынялся голый каменистый *Токсуң-таъ*, а справа впервые обозначались вдали предгорья Тянь-шаня и предвѣщали намъ конецъ странствованія, но въ то-же время смотрѣли сурово и таинственно.

¹⁾ Городъ на высотѣ 4.400 фут., по Пржевальскому.

как очертанія гигантскаго редута, который еще предстояло взять приступомъ. Днемъ погода была довольно теплая, а на деревьяхъ еще держалось довольно много зеленыхъ листьевъ. По дорогѣ встрѣчались цвѣтушіе голубые ирисы. Къ закату уже дуло холодкомъ, но вечерамъ на ночлегахъ поддерживался огонь въ каминѣ, а ночью и утромъ, при выступленіи съ ночлеговъ, бывало совсѣмъ холодно. Аксакъ проводилъ насъ до 2-ой станціи, а на слѣдующемъ переходѣ встрѣтилъ насъ Уль-Турфанскій аксакъ, тоже русскій подданный. Это былъ человѣкъ болѣе низменнаго сорта, по сравненію съ аксакъскимъ, по проворный и обязательный. По прибытіи въ городъ, я остановился въ его саклѣ, которая, вмѣстѣ съ мечетью и нѣсколькими другими домами, составляли постройку, выходившую на одинъ и тотъ же, довольно обширный дворъ. Казаки дошлились на дворъ подъ навѣсомъ. Уль-Турфанъ имѣетъ, говорятъ, около 6.000 жителей, изъ этого 500 китайцевъ, въ томъ числѣ гарнизонъ крѣпости. Видъ города, по обыкновенію, неказистый. Саки раскинуты у подножія горы, ниже крѣпости, по срединѣ ихъ идетъ базарная улица. Есть сады, изъ которыхъ получаютъ очень вкусные яблоки, персики и виноградъ, въ чемъ я убѣдился, отбывая угощенія, ожидавшаго меня въ саклѣ, аксакала. Сама сакля почти ничѣмъ не превосходила большинства кашгарскихъ жилищъ. Дважды въ недѣлю бываетъ базаръ, на которомъ главными покупателями являются киргизы, кочующіе по Тянь-шаню. Въ данное время ихъ не видно было. Крѣпость расположена у подножія стѣной скалы, которая отчасти замѣняетъ ей стѣну. Крѣпость кирпичной постройки, довольно большая и правильной формы, съ выступными башнями. На верхушкѣ скалы какая-то безобразная сторожка, съ длин-

нымъ шестомъ, на которомъ развѣсается красная тряпка; это, — какъ сказали мнѣ, — китайская модель топчи атиси ое. Привзды даить, по обыкновенію, былъ сигналомъ къ наполненію двора всевозможнымъ людомъ, между которыми было довольно много и китайцевъ. Чтобы избѣжать докучливыхъ зрителей, я притворилъ двери, но чрезъ некоторое время ее отворили настежь, и въ ней появился какой-то китаецъ, который съ необыкновенною настойчивостью сталъ меня разсматривать. Это была одна изъ самыхъ невольнительныхъ физиономій, которыя даже между китайцами встрѣчаются не часто. Шесолько минутъ я терпѣлъ этотъ экзаменъ, потомъ посмотрѣлъ на него и рукою указалъ ему на дворъ. Вѣсто того, чтобы послушаться, онъ, съ униженнымъ видомъ хозяина, сдѣлалъ еще два шага впередъ и сталъ продолжать осмотръ. Но едва онъ успѣлъ остановиться, какъ Масловъ и Семенинъ, съдвинувъ за нимъ со двора, подхватили его подъ руки и вывели ускореннымъ темпомъ на середину двора. Очнувшись отъ этого неожиданнаго галлопада, онъ разразился злой крикливой бранью, казаки отвѣчали хохотомъ, что его еще болѣе разозлило. Въ это время подошелъ Аксакаль, чтобы урезонить его, но это ему не обошлось даромъ, разсвирѣпѣвшій юбочникъ ударилъ его кулакомъ въ лицо и сказалъ, указывая на насъ: «когда эти уйдутъ, я съ тобою разсчитаюсь»; а затѣмъ огретиrowался скорымъ шагомъ на улицу. Бѣдный аксакаль нѣрвнился дать ему сдачи: это оказался какой-то писарь изъ канцеляріи мѣтнаго начальства, и аксакаль имѣлъ основаніе бояться дальѣйшихъ послѣдствій, хотя правда была на его сторонѣ. Въ предыдущемъ году онъ и такъ уже получилъ 100 палочныхъ ударовъ отъ коменданта за то, что встрѣчалъ и провожалъ Н. М. Пржевальскаго, проѣзжавшаго чрезъ Учъ-Турфанъ на Бедель почти въ такое-же время. Этотъ образчикъ показываетъ, какъ китаицы обходятся даже съ русскими подданными. Впрочемъ, на этотъ разъ для аксакала, вѣроятно, дѣло тѣмъ и кончи-

Беделя и по ту сторону его, т. е. въ русскихъ предѣлахъ, по южному же склону онъ пробхалъ чуть-ли не въ первый разъ, по поэтому, помощи услужливаго аксакала, который ввзялся насъ проводить до Беделя, и хорошее было знакомство съ местными дорогами, была особенно великая польза. Мы въ Запасный казюверомъ и Джугарой, мы выступили 18-го послѣ полудня. По маршруту г. Сунаргулова, который, по сообщенію, путешествовалъ въ 1877 г. и первымъ изъ дваломъ послѣ Учъ-Турфана былъ караулъ *Баиш-Амид*, мы же выхали, по болѣе короткому пути, и на неказящую въ верстахъ деревеньку *Кара-Екаузъ*, одинъ изъ крайнихъ населенныхъ пунктовъ Учъ-Турфанскаго оазиса и вообще Кангарии. Отъ города она отстоитъ верстахъ 18—20. Дорогой приходится нѣсколько разъ проходить чрезъ мелкіе притоки *Тупканъ-дарья* и *Истрѣ* таетъ и въ нѣсколькихъ заброшенныхъ или обитыхъ (фортахъ) Приблизительно на полдорогѣ, пройдя стѣну, по росная, чѣмъ, по тину, по откуда-то поныню, и въ сторонѣ увидѣли первую юрту, — словомъ, увидѣли предметы, составлявшіе для насъ нѣкоторымъ образомъ родимое отечество. Неподалеку, отсюда по дорожкѣ мы напали на женщину, которая что-то расхвывая, — первая женская чѣсня, которую мы услышали въ этой странѣ, по и то, велидываясь ближе, я увидѣлъ, что это была киргизка, — жидо, это мы-вспомнѣли, и мы и отъ, уолъ, та, и въ нѣмъ, въ *Въ Кара-Екаузъ* я помѣтился въ саахъ какого-то мужика, перешедшаго на эту ночь, съ семьей къ сосѣду. Здѣсь я въ послѣдній разъ поблагодаря тѣломъ. При уютномъ огнѣ, весь вечеръ мы лавишемъ въ чайникъ, и мы могли быться водою, сидѣть въ легкой одеждѣ, читать и писать, да и ночью было довольно тепло. А затѣмъ цѣлая недѣля прозябанія въ каменнато-ледяныхъ пустыняхъ. Но прежде, чѣмъ развѣстаться съ Кангаріею, обернемся еще разъ назадъ, посмотримъ на нее съ высоты птичьяго полета и дополнимъ вышеописанное нѣкоторыми деталями.

VI.

ОБЩИЙ ВЗГЛЯДЪ НА КАШГАРЮ.

Географическое положение, горы и рѣки. — Почва и плодородіе. — Рудное богатство. — Флора и фауна. — Климатъ. — Болѣзни. — Административное раздѣленіе и управленіе. — Подати и повинности. — Промышленность и торговля. — Населеніе. — Дикіе люди. — Войска. и войсководъ.

Кашгарія или Восточный Туркестанъ, какъ сказано было, представляетъ дно высохшаго моря, окруженнаго высокими горами: съ сѣвера *Тинъ-шань*, съ запада *Памиръ*, съ юга *Куень-лунь*, съ востока *Алтанъ-ташъ*. Предѣлы страны 43° и 35° с. ш. и 72° и 90° в. д. длиннѣйшій ея заключаетъ около 20.000 кв. миль. Она къ западу суживается, къ востоку расширяется и нѣсколько понижается, при всемъ томъ, даже Аксу еще на высотѣ сличкомъ 3000 фут. Рѣки все принадлежатъ къ системѣ *Тарима*, который выпадаетъ въ громадное озеро Лобъ-норъ (2500 ф. в.), окруженное болотами. Рѣки вообще не судоходны и служатъ лишь къ орошенію и для другихъ потребностей осѣдлыхъ мѣстъ. Въ верховьяхъ своихъ юнѣ стремительны и дно наполнено камнями, далѣе же къ востоку онѣ, напротивъ, во многихъ мѣстахъ образуютъ болотистыя озера и болота, гдѣ видны выходы минеральныхъ водъ. Весьма значительная часть котловины занята песками, особенно къ югу, гдѣ раскинулась степь *Макай-Гоби*. По предгорьямъ почва очень каменистая. Большая часть Кашгаріи относится къ потретиичной системѣ¹⁾ (лѣссовая глина, пески и солонцы), въ горахъ и предгорьяхъ встрѣчаются различныя другія, какъ упоминается въ своемъ мѣстѣ. Неизвѣстно, какая именно часть почвы Кашгаріи можетъ считаться плодородною, но можно сказать, что эта часть сравнительно очень невелика. Гдѣ лѣссовыхъ залежей достаточно, тамъ и въ Туркестанѣ въ геологическомъ отношеніи, И. В. Милкецова, 1886 г.

—плодородіе и населеніе, гдѣ преобладаютъ песокъ и солонцы, —тамъ и солончаковая флора: гребенщикъ (Tamarix) и т. п., а въ болотистыхъ мѣстахъ, камыши. Взглядъ на карту показываетъ, какъ рѣдко разсѣяны населенные пункты, а во время слѣдованія отъ Кашгара до Аксу, по полосѣ еще сравнительно болѣе удобной и населенной, можно убѣдиться, какія громадныя пространства песчаной пустыни приходится проходить. Я уже упоминалъ о томъ впечатлѣніи, которое производитъ обращенный къ Кашгару склонъ Тянь-шаня, послѣ нашихъ горъ, покрытыхъ травами; подобное впечатлѣніе, только въ обратномъ порядкѣ, получилось при возвращеніи нашемъ чрезъ хребетъ Кокъ-шалъ.

Еслибъ кашгарскія степи производили по крайней мѣрѣ травянистую флору, то можно-бы допустить, что при расширеніи населенія, оно находило-бы и возможность питаться въ новыхъ мѣстахъ. Но держаться въ какой-нибудь мѣстности, похожей на Сахару—мудрено. Еслибъ дѣло состояло только въ томъ, чтобы провести каналы, вспахать и засеять, то культурные оазисы не обрывались-бы вдругъ, переходя въ пустыню, какъ это можно замѣтить во многихъ мѣстахъ. Рѣкъ и воды вообще довольно много. Возможно, что кое-гдѣ и недостатокъ воды причиною того, что земля лежитъ впустѣ, но эта причина должна быть второстепенная; я припоминаю, напримѣръ, лежація по-пути мѣста, гдѣ воды довольно, а царствуетъ печальное запустѣніе. Правда, что въ болотистыхъ мѣстахъ, кое-какое скотоводство еще возможно, лошади и верблѣи научаются питаться одними тростникомъ. Но безъ земледѣлія и при нездоровости такихъ мѣстъ, немыслимо процвѣтаніе значительнаго населенія, что, вѣроятно, видимъ на Лобъ-норѣ (см. ниже). Существованіе участковъ среди мѣртвай пустыни указываетъ на то, что за черту этихъ участковъ нѣкуда идти. Одно изъ главныхъ условий неплодородія почвы—слишкомъ большая примѣсь солей. Есть еще, конечно, одна не относящаяся къ при-

родъ страны причина, по которой не вся земля обрабатывается, — именно китайскіе поборы съ земледѣльцѣхъ, о которыхъ я упоминалъ выше, но еслибъ дѣло этимъ и ограничилось, то все-таки населенные и культивированные участки разпредѣлились-бы болѣе равномерно, чѣмъ это замѣчается на самомъ дѣлѣ. Въ добавокъ, мѣстами самая вода солонцеватая, вотъ еще причина неплодородія. Но, вообще, даже плодородные участки Кашгаріи, болѣею частью, отличаются весьма посредственнымъ плодородіемъ. Если кое-гдѣ въ ближайшемъ соседствѣ городовъ, подъ влияніемъ городскихъ изверженій, получаютъ такіе урожаи, о которыхъ мы говорили въ Аксу (см. гл. III), то среднимъ урожаемъ можно считать самъ шестъ, даже нитъ.

Въ виду всего здѣсь высказаннаго немогу согласиться съ г-мъ Куропаткинымъ, который полагаетъ¹⁾, что малочисленность населенія есть главная причина относительно небольшой площади воздѣлываемой земли, а не наоборотъ. Я думаю именно наоборотъ. Народъ, который столько въковъ занимается земледѣліемъ и садоводствомъ и столько въковъ нуждается, нашелъ-бы и при первобытныхъ способахъ воздѣлыванія возможность увеличить эту площадь. (Мы) кажется, что хотя при лучшихъ способахъ обработки и болѣе толковой и честной администраціи число земледѣльческихъ участковъ могло-бы тоже увеличиться, но большой надежды по этой части шить нельзя въ виду естественныхъ препятствій.

Другое дѣло *рудное богатство* этой страны. Давно уже Кашгарія славилась *дорогими камнями, жемчугомъ, медью и золотомъ*, которые относились къ главнымъ предметамъ вывоза и источникамъ богатства ея купцовъ. Замѣчательно, что Петръ Великій до того соблазнился золотымъ пескомъ въ Малой Бухаріи²⁾ (какъ называли тогда сибиряки Кашгарію), что даже возымѣлъ мысль добратся до Яркенда, откуда

¹⁾ Кашгарія, стр. 17.

его возили, вооруженной рукой. Но съ теченіемъ времени добываніе этихъ предметовъ стало труднѣе и труднѣе. Именно эта статья требуетъ болѣе раціональныхъ способовъ эксплоатаціи, слѣдовательно, при китайскихъ порядкахъ и недостаткѣ образованія въ народѣ, отъ нея ожидать нечего. Каменный уголь есть въ разныхъ мѣстахъ, между прочимъ, близъ Аксу, но онъ добывается исключительно для китайскаго начальства, по наряду рабочихъ отъ населенія. Вслѣдствіе первобытнаго и небрежнаго способа разработки, онъ плохого качества. *Соли* очень много и она составляетъ предметъ внутренней торговли. *Квасцы* и *нашатырь* добываютъ въ Карашарѣ и Кучѣ. *Свинцовыи* и *мѣдная* копи есть въ Аксуйскомъ округѣ. *Желѣзная* руда въ Кизилѣ, къ западу отъ Яркенда. Главное богатство заключается въ простирающемся къ югу, отъ г. Хотана хребтѣ Алтынъ-тагъ, который еще на столько богатъ *золотомъ*, что даже при теперешнемъ способѣ добыванія въ нѣсколькихъ мѣстахъ, получается отъ 18 до 38 фунтовъ въ мѣсяцъ, а нѣкоторые мѣсторожденія этого металла, не смотря на относительное богатство ихъ, напр., въ Ходаликѣ и Чадаликѣ, вовсе не разрабатываются. Тотъ же хребетъ скрываетъ *нефритъ*, *ясонъ* и *спру*.

Флора Кангаріи крайне бѣдна и по числу видовъ и по распространенію ихъ, какъ уже видно изъ вышеописаннаго. Естественныхъ луговъ въ истинномъ смыслѣ слова совсѣмъ нѣтъ, лѣсовъ мало, а гдѣ они есть, то отличаются замѣчательнымъ однообразіемъ и бѣдностью видовъ. Преобладающіе виды растений были приведены выше. Здѣсь слѣдуетъ добавить, что по склонамъ горъ, гдѣ есть сланцы, мѣстами попадается *ревень*, а гдѣ преобладаетъ гранитъ — кое-какія *зонтичныя* и *камесломки*¹⁾.

¹⁾ Petermans Mittheilungen, Ergänzungsheft № 52 Ostturkestan 1877. Свѣдѣнія ботаническія, сообщенныя въ этомъ томѣ, взяты изъ описаній д-ра Белю, сопровождавшаго экспедицію Форсайта.

Фауна. Вышеприведенныя отрывочныя указанія дополняю следующими: около Лобь-нора живетъ дикій верблюдъ; по долинамъ большихъ хребтовъ, соседнихъ съ пустыней, водится дикая лошадь (куданъ). Дикій быкъ или *Бутасъ* (*Bos grunnicus*) попадается въ высокихъ хребтахъ, подъ линіей вѣчнаго снѣга; онъ свирѣпъ, мохнать и гораздо крупнѣе яка, который иногда держится киргизами Тань-шаня. Объ *Ovis Poli* высокихъ плоскогорій было упомянуто. *Антилопа* живетъ стадами по песчанымъ горамъ около пустыни. *Заяцъ* встрѣчается нерѣдко около населенныхъ мѣстъ. Кромѣ тигра въ низменности водятся *пантера, рысь, лиса, волкъ, кабанъ* и *ендра*. Въ пустынь этихъ звѣрей очень мало, но нѣкоторые мѣста, именно камыши большихъ болотистыхъ участковъ и лѣса, обилуютъ тиграми и кабанамъ. Изъ птицъ по озерамъ и болотамъ водятся *лебеди, усь, утка, журавль, цапля* и др. Лобь-норъ по Пржевальскому, „весною кишитъ водяными птицами“, такъ какъ это озеро служить имъ станціею при перелетѣ изъ Индіи въ Сибирь. Вѣроятно, и другія озера въ это время оживляются, часть пернатыхъ остается на лѣто, но зимою, вследствие труднаго добыванія рыбы, онѣ улетаютъ за Гимадаи. Около поселеній встрѣчаются *ворона, чалка, сорока, скворецъ, голубь, сова, ласточка, воробей, дроздъ*, различные *славки, жаворонки*. Изъ хищныхъ птицъ показывается *соколъ, ястребъ, орелъ*; одна порода послѣдняго, бургутъ, иногда приучается для охоты на звѣрей. *Рыба* Кашгаріи также преимущественно относится къ семейству карповыхъ. По Лобь-нору и нижнему Тариму (Пржевальскій) рыбы много, именно *маринка* и сродный ей видъ. Въ мелкихъ рѣкахъ къ западу ея очень мало. Изъ суставчатыхъ водится *тарантулъ* и *скорпионъ* (Пржевальскій); относительно земноводныхъ подробныхъ свѣдѣній не имѣю; единственное изъ этого класса животныхъ, которое мнѣ пришлось видѣть, была вышеупомянутая змѣя. По болотамъ, конечно, есть *лягушки*. *Насѣкомыхъ* много. Различныхъ мошекъ и комаровъ

по болотамъ, особенно около Лобъ-нора, въ теплое время года, что это составляетъ бичъ для жителей.

Вообще нужно сказать, что за исключеніемъ оживленія озеръ во время осеннего и весенняго перелета, фауна Кашгаріи также сравнительно очень бѣдна видами, а самые виды распространены скудно.

Климатъ. Онъ отличается слѣдующими характеристическими чертами: жаркое лѣто, непродолжительная умеренная зима (рѣки, впрочемъ, замерзаютъ), необыкновенная сухость и рѣдкость атмосферныхъ осадковъ, рѣдкость вѣтровъ. Преобладаютъ вѣтра NW и N (по крайней мѣрѣ, въ Кашгарѣ). На западъ разъ 5—6 въ году, чаще всего весной, бываютъ сухіе бураны съ тучами пыли, обыкновенно неблагоприятно влияющіе на больныхъ, и даже производящіе у здоровыхъ угнетенное настроеніе духа и другія нервные явленія, что, вѣроятно, объясняется сильнымъ *электрическимъ* напряженіемъ. Къ востоку, въ большихъ песчаныхъ пустыняхъ не рѣдки знойные ураганы, которые могутъ быть сравниваемы съ самумомъ. Вслѣдствіе необыкновенной сухости въ Кашгаріи весьма обыкновенны пыльные туманы. Я посетилъ эту страну уже въ относительно прохладное время, но-дръ Белью замѣтилъ, что дѣйствіе жаровъ на организмъ здѣсь очень сильное: при меньшей температурѣ, на солнцѣ люди скорѣе изнуряются, чѣмъ въ Индіи, согласно его наблюденіямъ, и притомъ не только это относилось къ иностранцамъ, но и къ самимъ кашгарцамъ. Это объясняется соединеннымъ дѣйствіемъ прямыхъ и отраженныхъ отъ сухой солонцеватой и песчаной почвы тепловыхъ лучей. Грозы бываютъ лѣтомъ и обыкновенно сопровождаются песчаными буранами. Наибольше здоровымъ временемъ года считается осень.

Землетрясенія бываютъ, но не производятъ особеннаго вреда.

О болезняхъ вообще слѣдуетъ прибавить, что онѣ по жа-

рактеру довольно равномерно распространены по всей стра-
нѣ. Въ деревняхъ, конечно, ихъ меньше, люди лучше сложе-
ны, рѣже попадаются малокровные, истощенные, горбатые,
чахоточные, сифилитики и пр., но *золотуха* и *хроническія*
сыпи встрѣчаются и тамъ, а *перемежная лихорадка* отчасти
въ скрытыхъ формахъ очень нерѣдка, гдѣ сѣютъ ристъ и
въ болотистыхъ отъ природы мѣстахъ. Гдѣ твердая вода,
какъ напр. въ Маралбаши, тамъ бывають случаи *каменной*
болѣзни.

Зобъ, повидимому, есть очень распространенная болѣзнь.
Въ Аксу и видѣлъ массу зобатыхъ, но въ Яркендѣ онъ, гово-
рятъ, еще обыкновеннѣе и это продолжается съ давнихъ поръ.
У многихъ больныхъ онъ достигаетъ огромной величины,
что не только производитъ безобразіе, но влечетъ за собою
разстройство дыханія, кровообращенія и упадокъ психиче-
ской жизни. Причины этой болѣзни сложныя. Хотя слѣдуетъ
признать, что она чаще является въ такихъ мѣстностяхъ,
гдѣ почва глинистая, а вода содержитъ много извести и ма-
гnezія (тверда), что и встрѣчается въ Кашгаріи, — но этихъ
условій далеко недостаточно. Многія изслѣдованія, между
прочимъ, д-ра Шалыгина въ Коканѣ¹⁾, приводятъ къ заклю-
ченію, что важнѣе всего обиліе въ водѣ органическихъ не-
чистотъ, обиліе рисовыхъ полей или другихъ болотъ и не-
чистоты воздуха, словомъ влияніе *міазмъ*.

Административное раздѣленіе и управленіе страны. Со
времени послѣдняго завоеванія китайцами, т-е. съ 1878 г.,
существуетъ 8 административныхъ округовъ, изъ которыхъ
составляются 2 области по 4 округа въ каждой. Въ Запад-
ную область входятъ: *Кашгаръ*, *Янц-Гиссаръ*, *Яркендъ* и *Хо-*
танъ, въ Восточную — *Карашаръ*, *Куча*, *Аксу* и *Учъ-Турфанъ*.
Областями управляютъ *губернаторы* (Дао-тай), которые подчи-
нены генералъ-губернатору, живущему въ Кашгаріи. Округъ

¹⁾ Военно-Медицинскій журналъ, 1878 г.

га управляютъ второстепенными начальниками, которымъ, въ свою очередь, подчинены мусульманскіе беки съ ихъ помощниками. Но этихъ бекѣвъ, въ настоящее время, осталось немного, ихъ предположено окончательно замѣнить китайцами, что составитъ новую причину неудовольствій народа. Хотя большинство этихъ бекѣвъ взяточники и мѣрзавы, но они по крайней мѣрѣ мусульмане и говорятъ на мѣстной языкъ и притомъ, будучи болѣею частью людьми зажиточными и принадлежа къ мѣстной аристократіи, подчасъ отстаиваютъ своихъ передъ китайцами. Начальники-же изъ китайцевъ, отчасти замѣнявшие ихъ теперь, представляютъ безличный продажный сбродъ, не имѣющій никакой связи съ народомъ, это болѣею частью разные дунгане и китайцы, которые были при Якубъ-бекѣ насильственно обращены въ мусульманство, а при китайцахъ опять окитаились.

Подати и повинности. Съ кочевого населенія не берутъ никакихъ податей, для него существуютъ только нѣкоторые временныя повинности, какъ-то: выставленіе юрть, топтива и фуража для проезжающихъ чиновниковъ. Управляются они при этомъ своими родовыми начальниками и судятся выборными бѣями. Такое положеніе дѣлъ, весьма приближающееся къ независимости, установлено съ цѣлью смириванія въ Кашгарскіе предѣлы русскихъ киргизъ и возбужденіе неудовольствія къ Россіи. Такъ какъ наши киргизы обложены довольно высокою податью, то это иногда и удается, что слѣдовало-бы имѣть въ виду. Впрочемъ, киргизы не очень довѣряютъ китайцамъ, и при томъ кочевья на русской сторонѣ Тянь-шаня далеко лучше, чѣмъ и объясняется, что до сихъ поръ незаметно большаго движенія въ китайскіе предѣлы.

Иное двѣно оебдое населеніе, съ которымъ уже не пережитое. Берутся: 1) подати съ земли зерномъ, соломой и дровами, 2) повинности за продажу скота, 3) повинности выставкою рабочихъ для казенныхъ сооруженій. Подать съ зем-

числа предстоящее время дадено и тикетом, давшим при Якубе-беке, который установил его равномерно каждому одному урожаю; а итаицы, напротив, берутъ съ риваира земли, все равно, какъ великъ урожай, даже не принимая во вниманіе обработки ея или данины оклочекъ земли, принадлежаной кому-либо другому Ковяину. Кроме того, какъ видно выше, она увеличивается незаконными поборами. Наконецъ, сборы эти тяжелы тѣмъ, что плательщики для взноса податей должны ѣхать изъ селеній въ отдаленные города, причемъ саміе плательщики употребляютъ податный вѣсъ и практикуютъ всевозможное выматываніе. Сборы съ продажи скота, навоза и земледѣльческая подать, составляютъ $40\frac{0}{8}$ его стоимости и, въ свою очередь, весьма увеличиваются тѣмъ, что по временамъ продавцы принуждены бываютъ прямо отдавать известное число скотинъ чиновникамъ или солдатамъ. Выставка рабочихъ тяжела потому, что ихъ привлекаютъ, не смотря ни на какія разстоянія и обыкновенно въ бѣднѣе число, тѣмъ это нужно, въ добавокъ, все это сопровождается различными поборами. О земледѣльцѣ, промысловомъ и промышленномъ развитіи уже выше были приведены главные черты. Ковры, копринъ, обувь, хлопчатобумажныя ткани, а въ Хотанѣ, кроме того, шелководство—вотъ главныя отрасли промышленнаго искусства, но и онѣ довольно посредственны за исключеніемъ кошомъ, шелковыхъ и некоторыхъ другихъ сортовъ ковровъ. Пути сообщенія и торговли Русскій, Туркестанъ и Бухара сообщаются съ Кашгаріею вьючнымъ путемъ, идущемъ чрезъ Ошъ и перевалъ *Терекъ-Даванъ* (13.000 фут.); путь трудный, особенно около перевала, отличающагося частыми и продолжительными буранами; онъ усыпанъ костями погибшихъ кашгарскихъ бѣглецовъ. Семирѣчье сообщается 2-мъ или, пожалуй, тремя горными-же путями: путь, идущій изъ Нарына двойной—одно направление чрезъ *Ташъ-рабатъ* и Туругартъ,

другое через Теректы; 3-й идетъ чрезъ Бедель (изъ Аксу въ Караколь) и будетъ еще описать. Съ Кульджею (а посредственно и съ Семирѣчьемъ) Кашгарія сообщается чрезъ высокій перевалъ *Muzartz*—тоже одинъ изъ весьма трудныхъ путей. На югъ существуютъ подобныя описаннымъ въючно-горныя пути, которыми проходятъ въ Тибетъ и Индію. О внутреннихъ, весьма малочисленныхъ и плохо устроенныхъ дорогахъ даетъ понятіе описанное выше Кашгарско-Аксуиское сообщеніе.

О размѣрѣ торговли съ русскими владѣніями дають понятіе цифры, имѣющіяся относительно Нарыно-Кашгарскаго и Ошско-Кашгарскаго пути¹⁾:

	въ 1882 г.	въ 1883 г.	въ 1884 г.
Вывозъ на	800.343 р.	1.018.067 р.	1.360.023 р.
Привозъ	560.219 „	803.183 „	838.781 „
Разница привоза и вывоза	240.124 „	214.884 „	521.242 „

Увеличеніе какъ вывоза, такъ и привоза этимъ трактомъ въ 1883 и 84 гг. объясняется учрежденіемъ въ Кашгарѣ русскаго консульства, такъ какъ при этомъ условіи для русскихъ подданныхъ торговцевъ значительно уменьшился рискъ потерять товары и подвергнуться различнымъ произвольнымъ выходкамъ со стороны китайскаго чиновничества.

О провозѣ чрезъ Бедель привожу свѣдѣнія на 1886 г.

Вывозъ (изъ Кашгаріи) былъ на	146.831 рубл.
Ввозъ	20.327 „

Весьма значительная разница между этими цифрами и предидущими объясняется, главнымъ образомъ, трудностію этого пути.

Главные предметы вывоза по этимъ путямъ слѣдующіе: хлопокъ, даба, мата (бязь), шѣпки и переметныя сумы и

¹⁾ Свѣдѣнія о торговлѣ чрезъ Нарынъ и Ошъ сообщены мнѣ Н. Ѳ. Петровскимъ; цифры о торговлѣ чрезъ Бедель заимствованы изъ дѣлъ Каракольскаго уѣзднаго правленія. О размѣрѣ движеній на Кульджу и на Тибетъ, къ сожалѣнію, свѣдѣній не имѣю.

другой хлопчатого-бумажный товаръ, какъ-то: пояса, готовая одежда изъ бумажныхъ тканей, на ватѣ и безъ ваты, перемотанный шелкъ (изъ Хотана и Яркенда), шелковыя и полушелковыя ткани, шелковые и шерстяные ковры, баранья, козья и козловья шкуры, невыдѣланныя и выдѣланныя мѣха, особенно бывше баранья, шерсть и кошмы, напатырь, квасцы, сухіе фрукты, нашія (гашинъ). Главные предметы привоза: русскіе ситцы, платки, коленкоръ, шерстяныя матеріи, сукна, мѣхъ выдры, краски, котлы, желѣзо и издѣлія, кинѣ-то: замки, пилы, ведра, иголки и т. п.; мѣдные тазы, сахаръ, ебичи, спички, сундуки, клей, воскъ, бухарскіе платки и шелковыя ткани, писчая бумага, камлѣный шеръ (для мусульманскаго письма), сѣдла, табакъ, бухарскіе сухіе фрукты и пр. Торговля съ Мамызомъ (Тибетомъ) и съ Индией (по южнымъ путямъ) заключается въ слѣдующемъ: предметы вывоза: хотанскій шелкъ, нашія золото, китайское серебро, ковры, кошмы, предметы ввоза: англійскіе ситцы, кисея, платки, сукна, чай, кожа, кунці мѣха, литографированныя въ Индіи книги релігіознаго содержанія, различныя пряности, краски, наркотическія вещества, лекарства, часы, зеркальца, бусы и пр.

Кромѣ того, существуетъ кое-какая торговля съ Бадахшаномъ и другими мелкими владѣніями и съ внутреннимъ провинціями Китая. Вообще видно уже изъ сдѣланнаго перечисленія (нѣсколько сокращеннаго), что статьи вывоза далеко однообразны и прощѣ, что зависятъ съ одной стороны отъ малочисленности и однообразія произведеній Кашгарской природы, съ другой — отъ низкой степени культуры; то и другое приходится дополнять произведеніями природы и промышленности другихъ странъ. Вотъ это оплошность, которую и можно

Населеніе. Г. Куропаткинъ (1877 г.) приводитъ общую цифру населенія всей Кашгаріи 1,200,000, не указывая, къ сожалѣнію, источника ея. Уже по этой цифрѣ очень жидкое населеніе, т. е. всего около 65 чл. на квадратную милю. По

Форсайту¹⁾ (1873—74) жителей еще меньше, всего 1.015.000, и то он прибавляет, что, вероятно, эта цифра (взятая еще изъ китайскихъ источниковъ) выше того, что было въ данное время. По мнѣнію Н. О. Петровскаго, и въ настоящее время едва ли болѣе милліона. Пришлое осѣдлое населеніе состоитъ изъ китайцевъ, дунганъ²⁾, жителей Западнаго (русскаго) Туркестана или выше упомянутыхъ андиганцевъ и немногихъ индусовъ и тибетцевъ. Кочевое населеніе состоитъ изъ кара-киргизъ, кочующихъ въ сѣверныхъ и западныхъ горахъ, и небольшого числа калмыковъ, живущихъ въ окрестностяхъ Карашара и въ долинѣ Хайдытъ-Куа. Собственно основныя жители Кашгаріи рѣдко называютъ себя этимъ именемъ, а различаютъ между собою кашгарцевъ, яркендцевъ, хотанцевъ, аксуйцевъ и турфанцевъ, изъ чего видна недостаточность сличенія населенія различныхъ частей этой страны. Въ языкѣ этихъ различныхъ оазисовъ также есть разница, хотя не на столько, чтобы жители ихъ съ трудомъ понимали другъ друга. Слѣдуетъ еще упомянуть вкратцѣ о населеніи низовьевъ р. Тарима и береговъ озера Лобъ-Нора, со словъ Н. М. Пржевальскаго³⁾. Оно раздѣляется на тарим-

1) Petermans Mittheilungen, Ost-Turkestan. 1877.

2) Происхожденіе дунганъ не совсемъ ясно. Сами они себя считаютъ потоками воиновъ Тимура, будто-бы оставшихся изъ Китая и смѣшавшихся съ китайцами. Но это убѣжденіе лишено историческихъ основаній. Они вѣры мусульманской, но языкъ и одежда ихъ китайскіе. Тѣмъ не менѣе, между китайцами и дунганями постоянно существуетъ антагонизмъ, а кульджинскіе дунгане, переселившіеся въ русскіе предѣлы, смертельныя враги Китая. Дунгане вообще народъ честный, трезвый, трудолюбивый и храбрый. Вѣроятно все, что они провозили отъ Юечи или Гетовъ, именно отъ той части, которая не приняла участія въ нашествіи гетовъ на Восточный Туркестанъ, а осталась въ нынѣшнихъ западныхъ провинціяхъ Китая, около города Сичинъ-Фу, но подъ названіемъ китайцевъ мало-по-малу смѣшалась съ ними и окитаилась. Тѣмъ не менѣе, въ нихъ проникла мусульманская религія чрезъ Кашгаръ, что и сдѣлалось источникомъ антагонизма между ними и китайцами.

3) Пржевальскій. Отъ Кульжи на Тянь-шань и на Лобъ-Норъ. 1878.

цѣвъ или каракульцѣвъ и собственно лобнорцѣвъ или каракурчинцѣвъ. Жители Тарима отличаются блѣднымъ цвѣтомъ лица (вѣроятно, благодаря обилію болотъ), впалою грудью, вообще несильнымъ сложеніемъ, роста чаще средняго, физіономія отличаются разнообразіемъ, т.-е. встрѣчаются типы сартовъ, киргизовъ, тангутовъ, иногда чисто европейскія, вообще основаніе аріискаго типа замѣчается и здѣсь. Словомъ, представляется подобное тому, что замѣчено было мною въ болѣе западныхъ частяхъ. Живутъ въ убогихъ постройкахъ изъ тростника, по болотистымъ берегамъ рѣки и озеръ, иногда отпочковывая въ другія мѣста, гдѣ больше топлива и корма для скота, т.-е. тростника, а иногда по случаю оспы, которая здѣсь обыкновенно уноситъ большинство жертвъ. Главное занятіе рыболовство, пища почти исключительно рыба, вмѣсто хлѣба порою служатъ корни кендыря; земледѣіемъ же занимаются немногіе и съ недавняго времени, урожаи плохіе, по случаю солонцоватости почвы. Разводятъ барановъ и рогатый скотъ, который крупной породы, лошадей мало. Волокно для одежды и сѣтей доставляетъ кустарное растеніе *кендырь* (*Asclepias*). Всѣхъ таримцевъ около 1200 душъ. *Каракурчинцѣвъ* не болѣе 300 душъ (70 семействъ). Это народъ слабаго тѣлосложенія, со впалою грудью, типа тоже смѣшаннаго аріиско-монгольскаго, но цвѣтъ кожи довольно темный. Видъ угрюмый и апатичный. Часть этихъ людей, живущая внутри озера Лобъ-нора, сохранила первобытный образъ жизни. На болотистыхъ площадкахъ стоятъ шалаши изъ тростника и крыша изъ него-же, по срединѣ яма для огня. Живутъ почти исключительно рыбою, которую ѣдятъ вареною, хлѣба не знаютъ; какъ лакомство ѣдятъ молодые побѣги тростника. Когда удастся достать муки, то ѣдятъ ее поджаренною. Баранина, вслѣдствіе рѣдкости ея, дѣйствуетъ даже вредно на ихъ желудки. Одежда изъ кендыря, зимнюю подшивають шкурками дикихъ утокъ. Челнокъ изъ выдолбленнаго тогтрука, сѣти, двѣ—три чугунныя чашки (изъ Курля),

Известный ученый Миллер во время пребывания своего на Иртыше в 1734 г.¹⁾ слышал от проезжих кашгарцев, что около озера Лобь живут дикие люди. Не об этих-ли рыбах шла речь?

(11) Риттеръ. Землевѣдѣніе, переводъ Григорьева, 1873, Т. II, ст. 1041.

наль признается излишнимъ. Содержаніе солдатъ отпускается денежное и натурой. Пѣхотинецъ получаетъ 8 руб. въ мѣсяцъ, кавалеристъ 14. Муки выдается 4 пуда $24\frac{1}{2}$ фунта въ мѣсяцъ на человека (стало-быть, болѣе дѣйствительной потребности). Кавалеристъ, кромѣ того, получаетъ по 6 фун. клевера въ сутки на лошадь. Мундиръ казенный, но онъ носится только на службу, а внѣ ее солдатъ обязанъ имѣть собственное платье. Начальникъ (ингуанъ) получаетъ 240 руб. въ мѣсяцъ, помощникъ 80, ротные командиры и ихъ помощники 42 и 32. Не смотря на весьма порядочное жалованье, ингуанъ еще имѣетъ выгоду отъ того, что ему поручается интендантская часть лянзы и вдобавокъ можно предположить, что въ его карманъ идетъ часть той воровской экономіи, которая идетъ отъ фиктивно-содержимыхъ солдатъ. Львиная ея доля, конечно, остается у генераловъ. Наконецъ, вошло въ привычку при всякой возможности временно задерживать жалованье солдатъ, вслѣдствіе чего бывають частые бунты; пока задержанное жалованье въ рукахъ начальства, оно, повидимому, употребляетъ на различные коммерческіе обороты. Помѣщается каждая лянза въ отдѣльной казармѣ, которая иногда представляетъ небольшую крѣпостцу, т. е. окружена валомъ и рвомъ. Внутренній видъ китайскихъ казармъ описанъ выше.

По спискамъ во всей Кашгаріи стоитъ 8.500 чел. пѣхоты и 1.200 конницы, итого 9.700 чел., изъ которыхъ 3.916 чел. имѣютъ ружья. Но, въ дѣйствительности, людей настолько меньше, что едва-ли ихъ будетъ болѣе 4.000 чел. Командующіе войсками генералы не подчинены губернатору, однако, считаются нѣсколько ниже ихъ.

КРАТКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ КАШГАРІИ¹⁾.

Первый період: Кашгарія въ древности.—Саки у Геродота.—Арийское происхождение.—Умственное развитіе. *Второй період:* Китайскіе источники. Кашгарія Юечи и Хунновъ.—Завоеваніе страны китайцами во 2-мъ столѣтіи до Р. Х.—Бытъ жителей.—Число ихъ.—Соперничество отдѣльныхъ городовъ. *Третій період:* Прекращеніе китайскаго господства и независимое уйгурское царство.—Внутренніе раздоры и нашествія кочевниковъ. Буддизмъ. Языкъ и письменъ.—Извѣстія китайскихъ путешественниковъ.—Тѣхъ жителей.—Одежда, нравы и обычаи.—Умственное развитіе, торговля, промышленность.—Экономическое состояніе. *Четвертый період:* Намествiе тибетцевъ, арабовъ и турокъ.—Введеніе ислама.—Внутренній бытъ. *Пятый період:* Завоеваніе страны Чингизъ-ханомъ.—Токдукъ-Тимуръ и процвѣтаніе страны.—Намествiе Тамерлана.—Религіозныя секты.—Извѣстія европейскихъ путешественниковъ.—Марко Поло.—Извѣстія арабскихъ писателей.—Умственное развитіе, торговля и промышленность.—Вольность нравовъ.—Физическія свойства. *Шестой період:* Завоеваніе кадыками.—Возвращеніе китайцевъ и благоразуміе Чао-Хой.—Жестокость его преемниковъ.—Восстаніе ходжей и жестокость китайцевъ.—Гибель кашгарскихъ бѣглецовъ въ Терекъ-Данъ-иъ.—Якубъ-бекъ.—Послѣднее завоеваніе страны китайцами.

Въ древности, въ нынѣшней Кашгаріи жили *Саки и Ту-хары*. О нихъ упоминается въ древнихъ произведеніяхъ санскритской литературы. Часть ихъ въ глубокой древности вторглась въ Пенджабъ и тамъ осталась жить. Кромѣ того упоминается о *Хасагъ*, которые, какъ полагаютъ, жили приблизительно тамъ, гдѣ нынѣшній городъ Кашгаръ. Хотя древнѣйшіе источники указываютъ мѣсто жительства этихъ народовъ не совсѣмъ точно, но подтвержденіе того, что они жили именно въ нынѣшней Кашгаріи, находимъ у греческаго географа Птолемея (II ст. до Р. Х.), который даже составилъ карту по разспросамъ торговцевъ, вслѣдствіе чего въ ней, конечно, есть ошибки, но все-таки несомнѣнно, что дѣло идетъ объ этой странѣ. На протяженіи ея у него

¹⁾ Очеркъ этотъ составленъ мною, главнымъ образомъ, по переведенному В. Григорьевымъ и значительно имъ дополненному соч. Риттера „Восточный Туркестанъ“ 1873 г. I и II; но кромѣ того я заимствовалъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ книги г. Куропаткина.

показано болѣе десятка народовъ и областей, часть которыхъ въ настоящее время невозможно разгадать. Наиболѣе къ западу были упомянуты Саки, далѣе есть *Касійская область* и значительно восточнѣе *Фруны*, *Серы* и городъ *Тоѣара* или *Оохара*. На сѣверѣ средней части области *Дуксакін* (Аксу). Рѣка *Таримъ* называется *Ойхардъ*, а на правомъ ея берегу, приблизительно на мѣстѣ *Харошара*, расположенъ народъ *Ойхарды*. Относительно положенія *Фруновъ*, *серовъ* и *тухаровъ* къ востоку отъ *Саковъ* находится указаніе и у *Дионисія Періечета* (III ст. по Р. X.), который говоритъ, что за „искусными стрѣломѣтателями саками живутъ далѣе *тохары*, *фруны* и варварскія коѣна *серовъ*“. Сѣвернѣе *Дуксакін* у *Птолемея* значится народъ „*Коневдовъ*“, т. е. вѣроятно монголы.

Что касается характеристики этихъ народовъ, то въ индійской поэмѣ *Магабхарата* говорится о сакахъ, какъ о народѣ очень храбромъ. Затѣмъ у *Геродота* есть извѣстіе, что въ составъ *Ксерксова* войска входили саки, бывшіе въ то время данниками персовъ и носившіе штаны и высокіе остроконечные головные колпаки, а оружіе ихъ состояло изъ луковъ, кинжаловъ и топоровъ, называвшихся *сатра*. *Геродотъ* прибавляетъ, что этотъ народъ отличался храбростію въ сраженіяхъ съ греками.

Есть полное основаніе принять, что саки были народъ арійскаго племени, стадо-быть родичи индусовъ, персовъ, славянъ, германцевъ, кельтовъ, латинцевъ и грековъ. Хотя мы ничего не находимъ у древнихъ писателей относительно ихъ языка и чертъ лица, но типъ нынѣшнихъ кашгарцевъ, не смотря на сильныя помеси, сохранилъ ясныя слѣды арійскаго. Кромѣ того есть нѣкоторые косвенныя на это указанія. Такъ, китайскіе писатели V—VII вѣковъ по Р. X., когда примесь монгольской крови была еще не такъ значительна, упоминаютъ, что и на западъ отъ *Гао-чина* (нынѣ *Хами*) жите-

ли всѣхъ владѣній имѣютъ „впалые глаза и выпуклый носъ“, что, по крайней мѣрѣ, указываетъ на не-монгольскій типъ. Кромѣ того, они упоминаютъ о голубыхъ глазахъ кашгарцевъ. Между прочимъ, намекъ на арійское происхожденіе даетъ намъ и вышеупомянутое у Геродота названіе большихъ топоровъ, *саира*, которое похоже на славянское *сѣкира*.

Что касается степени развитія, на которой народы или народъ В. Туркестана стояли въ древности, то ни изъ чего нельзя заключить, чтобы оно было сколько-нибудь значительно¹⁾. Во всякомъ случаѣ, молчаніе древнихъ документовъ относительно культуры въ этой странѣ, отсутствіе такихъ памятниковъ, каковы напр. руины города Бактры (Балхъ) и т. п.—заставляютъ думать, что Восточный Туркестанъ и въ тѣ времена далеко не могъ равняться съ Западнымъ. Достаточно вспомнить о томъ, что Бактрія (часть Западнаго Туркестана) въ ту отдаленную эпоху была средоточіемъ дѣятельности Зороастра.

Второй періодъ. По извѣстнымъ намъ китайскимъ источникамъ, Восточный Туркестанъ сталъ извѣстенъ китайскому правительству лишь въ эпоху, соответствующую 2-й половинѣ II-го столѣтія нашей эры. Незадолго до того онъ былъ

¹⁾ Предположенія Григорьева относительно возможности ранняго духовнаго развитія арійцевъ В. Туркестана довольно рискованныя. Онъ основываетъ ихъ, между прочимъ, на томъ, что однородное съ ними населеніе по Оксу и Яксарту „всего этого уже достигло въ древности, стало-быть и восточные ихъ соплеменники, находившіеся относительно всѣхъ условій къ процвѣтанію, преимущественно путемъ торговли, въ такомъ-же выгодномъ положеніи“, не могли, будто-бы, оставаться чуждыми этихъ благъ. Съ такимъ-же правомъ, можно-бы вывести, что нынѣшняя Кашгарія, фактически остающаяся варварскою страной, должна-бы стоять наравнѣ съ Русскимъ Туркестаномъ и Семирѣчьемъ. Или почему Россія XVI и XVII столѣтій, сосѣдившая съ разными странами Западной Европы и населенная людьми того-же племени, однако, въ сравненіи съ Западомъ пребывала въ поразительной отсталости?

наводненъ тюркскимъ народомъ *Юечи* или *Гетти*, которыхъ въ свою очередь, съ востока тѣснили *Хунны*. Главная масса юечи, не желая подчиниться хуннамъ, частью осталась въ странѣ саковъ и смѣшалась съ ними, частью перевалила на сѣверъ чрезъ Тянь-шань въ долину Или, частью къ западу въ Бактрію и Согдіану, частью чрезъ южные хребты въ долину Инда. Часть же саковъ, въ свою очередь, оставила отечество и перевалила западные хребты. Вѣроятно, къ этому времени относится сохранившееся въ исторіи извѣстіе о наводненіи Бактріи саками въ 127 г. до Р. Х. После того, какъ можно заключить изъ китайскихъ источниковъ, страна находилась въ зависимости отъ хунновъ, которые тоже двигались на западъ и частью перевалили горы на сѣверъ и западъ, другая же часть еще оставалась на старыхъ кочевьяхъ къ востоку отъ Кашгаріи. Что касается китайцевъ, то первое завоеваніе ими этой страны относится къ 102 г. до Р. Х. Оно было совершено войскомъ въ 60.000 чел.,—болѣе не понадобилось, такъ какъ предварительныя развѣдки донесли, что тамъ „войска слабы“. Къ сожалѣнію, о состояніи „западнаго края“, т. е. тогдашней Кашгаріи, китайцами сообщается очень мало. Описаніе относится къ періоду 74—39 гг. до Р. Х. Страна состояла изъ 36-ти отдѣльныхъ владѣній, число которыхъ потомъ отъ дальнѣйшаго дробленія дошло до 50. Жители вели осѣдлую жизнь, за небольшими исключеніями, имѣли города, земледѣлство и скотоводство, а въ обычаяхъ „несходствуютъ ни съ Хуннами, ни съ Усунами“. Существовавшая въ этомъ краѣ организація должностныхъ лицъ была крайне несложна и однообразна, изъ чего можно вывести заключеніе о первобытности всего гражданскаго строя. Жители выдѣлываютъ копыя, сабли и латы, плавятъ желѣзо и мѣдь и добываютъ камень *юй* (яхонтъ). Относительно того, какого племени, языка и вѣры были жители, китайскія описанія умалчиваютъ. Только о населеніи горныхъ долинъ къ востоку отъ Памира говорится, что оно однопле-

менно съ тибетцами, монголами (ценами и дѣйцами), большинство населенія, стало-быть, представлялось китайцамъ людьми не-монгольскими. Во всякомъ случаѣ, надо допустить, что въ это время, т.-е. больше полувѣка послѣ нашествія юечи и послѣ зависимости отъ хунновъ, уже началось смѣшеніе тина и языка. Тѣмъ не менѣе, еще во время Птолемея, т.-е. дѣтъ 200 спустя, сохранялось, какъ видѣли выше, названіе савковъ, тухаровъ и хасовъ; но съ другой стороны названіе владѣнія „Ауксакія“, по мѣсту соответствовавшего нынѣшнему Аксу, и названіе рѣки и народа „Ойхарды“, которое отождествляется съ уйхурами¹⁾, заставляетъ думать, что мѣста уже стали называться и тюрко-монгольскими именами. Есть въ китайскихъ описаніяхъ и данныя относительно числа населенія, именно всѣхъ жителей страны приводится 314.220 душъ²⁾, изъ этого 64.000 воиновъ. По подчиненіи Китаю, были оставлены мѣстные владѣтели, но были поставлены въ каждомъ владѣніи китайскіе „охранители“, которые къ владѣтелямъ находились, вѣроятно, въ такихъ отношеніяхъ, какъ римскіе прокураторы къ царямъ іудейскимъ. Монголы, занявшіе горы Тянь-шаня и Илійскую долину, образовали царство, называвшееся впоследствии *Джунгарією*, или царствомъ калмыковъ. Что касается киргизъ-кайсаковъ и кара-кир-

¹⁾ Трудно сказать, откуда именно взялись эти Уйгуры, которыхъ названіемъ впоследствии называлось населеніе В. Туркестана: пришли ли они съ народомъ юечи, съ хуннами или, сами-по-себѣ; во всякомъ случаѣ, въ виду того, что „Уйгурами“ назывались и турки, а равно и по языку ихъ слѣдуетъ отнести къ тюркской вѣтви монголовъ, которая и вошла въ составъ народа В. Туркестана.

²⁾ Григорьевъ считаетъ невѣроятнымъ, чтобы такая обширная страна вмѣщала всего 300.000 населенія. Но каждый, кто самъ побывалъ въ этой „обширной странѣ“, пойметъ, какъ мало ея обширность соответствуетъ числу пропитываемыхъ ею жителей, что и подтверждается цифровыми данными настоящаго времени. Возможно притомъ, что въ то время число жителей было меньше прежняго, вслѣдствіе предшествовавшихъ переворотовъ и войнъ.

гизы (последніе называются также дикокаменными и буру-таи), то они не произошли изъ этихъ народовъ, хотя они племена тоже монгольскаго, а есть основаніе думать, что они пришли съ Алтая¹⁾. Въ документахъ, приводимыхъ у Риттера и Григорьева, упоминается о киргизахъ, какъ о воинственномъ народѣ, жившемъ по Тянь-шаню уже слишкомъ за 1000 лѣтъ до нашего времени.

До 74 г. по Р. Х. китайское владычество въ западномъ краѣ было очень непрочное. Отдѣлившіеся владѣнія то подпадали власти хунновъ, то дѣлались независимыми отъ Китая и отъ хунновъ, то подчинялись которому-нибудь одному владѣнію. Именно Яркендъ и Хотанъ по-очередно первенствовали въ странѣ. И по восстановленіи китайскаго первенства, впрочемъ, отдѣльные города не переставали враждовать между собою и съ Китаемъ, которому не разъ приходилось усмирять ихъ силой оружія.

Третій періодъ. Наконецъ, въ концѣ II-го вѣка по Р. Х. зависимость отъ Китая совсѣмъ прекратилась, что продолжалось до половины VII вѣка. Это періодъ *независимаго Уйгурскаго царства*. Но въ сущности и въ теченіи этого періода повторялись событія предыдущаго періода, т.-е. внутреннія вражды и преобладаніе то одного, то другаго владѣнія, а по временамъ грабительскія нашествія соседнихъ народовъ, послѣ которыхъ слѣдовала временная зависимость отъ нихъ. Таковы были нашествія долчиновъ, Джунгаріи и Южной Монголіи, въ которой владычеству хунновъ сначала слѣдовали *Жезуаны*, а потомъ *Гаотойны*; на берегахъ Насыкъ-куля, въ нынѣшнемъ Семирѣчьи, кочевали *западные турки*, отъ которыхъ уйгуры неоднократно находились въ зависимости. Разрозненныя владѣнія ихъ не были въ состояніи противиться этимъ кочевникамъ, ихъ грабили, заставляли

¹⁾ См. мою монографію „Киргизы“ въ изд. Зап.-Сибирскаго отдѣла Географ. Общества, 1886 г.

платить дань, которая обыкновенно прекращалась, когда уйгуры замѣчали, что среди самих кочевниковъ происходятъ смуты. Но вообще внашествія этихъ ордъ были настолько тяжелы, что различные владѣнія, въ особенности Хотанъ, неоднократно отправляли посольства съ подарками въ Китай, ища у него защиты, которая, впрочемъ, обыкновенно не получалась.

О религій, языкѣ и правахъ уйгурскаго народа за этотъ періодъ, свидѣнія почерпаемъ, главнымъ образомъ, изъ китайскихъ извѣстій. Религія въ это время преобладала *буддйская*, которая, по всей вѣроятности, туда проникла уже около времени Р. Х., и именно съ юга чрезъ Кашмиръ, такъ какъ священныя книги были на санскритскомъ языкѣ. Буддизмъ нуситъ въ Уйгуріи глубокіе корни, въ особенности на югѣ, въ Хотанѣ. Было много монастырей, монахи которыхъ ревностно занимались изученіемъ буддйскихъ книгъ. Статуи Будды украшались парчевыми одеждами, золотомъ и драгоценными камнями и возились на колесницахъ во время процессій. Къ югу отъ Яркенда находилось святилище, т. е. гора съ множествомъ высѣченныхъ въ ней пещеръ, въ которыхъ жили святые, погруженные въ восторженное забытѣ; сюда даже „переносились по воздуху“ святые изъ Индіи и тутъ переходили въ Нирвану“. Кромѣ буддизма, очевидно, нѣкоторою частью жителей исповѣдывалось и занесенное изъ Сиріи христіанство, какъ свидѣтельствуетъ вышеупомянутая опись восточныхъ епархій. О языкѣ китайскіе писатели ничего опредѣленнаго не передаютъ, кромѣ того, что въ каждомъ владѣніи онъ различный; подъ этимъ, конечно, слѣдуетъ понимать не болѣе, какъ различіе діалектовъ. *Письмена* у духовныхъ, какъ сказано, употреблялись индійскія, все остальное писалось собственной „варварской азбукой“. Какаѣ это были азбука и существовала-ли она до водворенія буддизма, неизвѣстно; вѣроятно, это были письма сирійскія, занесенныя христіанскими миссіонерами.

Есть некоторыя указанія и на тѣлесныя качества народа у китайскихъ авторовъ, т.-е. въ исторіи сѣверныхъ Дворовъ и у буддійскихъ монаховъ, путешествовавшихъ по Уйгуріи, именно у *Фасяня* (въ V в.) и *Сюань-Дзана* (въ VII в.). О наружности жителей владѣнія *Гобаньдо* (Ташкурганъ) и *Цъша* (Кашгара) послѣдній выразился, что она „некрасива и неблагородна“. Что касается красоты, то слѣдуетъ помнить, что это пишетъ китаецъ, по выраженіе „неблагородства“ заслуживаетъ нѣкотораго вниманія. О кашгарцахъ прибавлялось, что „зрачки“ (т.-е. радужная оболочка) у нихъ *зеленые* и это, вмѣстѣ съ позднѣйшими упоминаніями о *голубыхъ глазахъ* кашгарцевъ, заставляетъ думать, что тамъ аріійской крови сохранилось болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Вообще же жители страны къ западу отъ Гаочана описываются, имѣющими „впадые глаза и вышуклый носъ“, изъ чего только хотанцы дѣлали исключеніе, походя будто бы болѣе на китайцевъ. О Харашарѣ упоминается, что мужчины стригутъ волосы и дѣлаютъ изъ нихъ головные уборы (парики?). Женщины Гаочана¹⁾ собирали волосы въ пучъ, а въ другихъ областяхъ онѣ носили косы. Въ Кучѣ и Кашгарѣ былъ обычай сплюсывать новорожденному голову дощечкою. Въ Кашгарѣ раскрашиваютъ тѣло (лицо??). Одежда изъ хлопчато-бумажной и шерстяной ткани, *но употреблялась даже шелковая съ узорами. Женщины носили штаны, короткія юбки и шугай.

Нравственныя качества не вездѣ описываются одинаково. Только о жителяхъ горной страны Гобаньдо говорится, что они характера мужественнаго и смѣлаго, но нравы грубы. О мужествахъ жителей низменныхъ и болѣе цивилизованныхъ областей нигдѣ не упоминается. Объ остальныхъ сто-

¹⁾ Населеніе этого восточнаго владѣнія было полукитайское, по происхожденію и нѣкоторымъ обычаямъ. Владѣніе Гаочанъ приблизительно соответствовало полюсу отъ нынѣшняго Хамы до Урумчи и Харашара, къ юго-востоку отъ Кульжи.

родах нравственного склада и некоторыя описанія противорѣчать другъ-другу, относительно другихъ-же все согласны. О Кучь-годинъ источникъ говорить, что тамъ нравы „чистые и честные“, другой — что, напротивъ, тамъ „жители дурной нравственности“ и „Жителей Хотана годинъ называетъ „вѣжливыми¹⁾, честными, кроткими и почтительными“, (другой — „неимѣющими ни справедливости, ни благопристойности“ и что тамъ „много варварства“. О Кашгарѣ сказано, что „жители нрава горячаго и суроваго, преданы обману и мошенничеству, но соблюденію нравственныхъ обязанностей не заботятся“. Все описанія согласны въ томъ, что въ этой странѣ много распутства и сладострастія, но, съ другой стороны, и въ томъ, что женщины пользуются свободою и бываютъ въ обществѣ мужчинъ даже въ присутствіи иностранцевъ и видятъ верхомъ по-мужски. Мать гаочанскаго владѣтеля, при посѣщеніи Сюань-Дзана, была постоянной слушательницей его богословскихъ лекцій. Кромѣ того, все упоминаютъ о любви жителей къ музыкѣ и пляскѣ; любили также и вино. Въ общемъ итогъ можно заключить, что народъ этотъ въ то время воинственности не отличался, что въ немъ развились привычки общечитія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и нравы испытала некоторую порчу, въ особенности по части распутства. Что воровство мѣстами достигло значительнаго развитія, можно заключить изъ существованія варварски-строгихъ за него наказаній, а именно рубили ворами руки и ноги. За убійство была смертная казнь. Объ умственномъ и художественномъ развитіи нужно полагать, что въ городахъ оно стояло значительно выше того, чѣмъ бываетъ въ быту кочевомъ и даже осѣдомъ деревенскомъ. Любили музыку и хорошо играли на флейтѣ и гитарѣ. Книжное дѣло существовало, хотя не вездѣ имъ занимались охотно; такъ, въ Хотанѣ любили это занятіе, въ Кашгарѣ нѣтъ. Скульптура (статуя Будды) и архитектура (хра-

¹⁾ При встрѣчѣ знакомыхъ они другъ передъ другомъ кланяли кобѣна,

мовы). Хотя существовала, но и повидимому, достигла не высокого развития, иначе сохранились бы какие-нибудь слѣды художественныхъ произведеній. Живопись, повидимому, стояла еще ниже. Но что касается торговли и промышленности, то уйгуры въ этомъ періодѣ уже преуспѣвали въ нихъ. Часто упоминается о торговых караванахъ, проходившихъ съ запада и востока. Крѣмъ серебряной и золотой существовала и мѣдная монета, послѣдняя, очевидно, не могла быть иноземнаго происхожденія, такъ какъ ее невыгодно было бы перевозить. Выдѣлывалась замша, тонкіе ковры и кошмы, тафта, бѣлила, благовонія, мѣдные сосуды. Изъ Хотана много вывозилось весьма цѣннаго камня *юй*, изъ котораго хотанцы даже умѣли рѣзать печати. Приготавлились музыкальные инструменты — рога, барабаны, флейты, гитары и т. д. (вончан О 81). Изъ *обрядовъ и узаконеній* упоминается, что подати собирались частью произведеніями земли, частью серебряной (монетой) и что добываемое желѣзо поступало въ казну; что вооруженіе состояло изъ лука, сабли, коня и шлѣты; что умершихъ сожигали и надъ ними ставили башенки, а въ знакъ траура стригли волосы и расцарапывали лицъ; что брачные обряды имѣли сходство съ китайскими; что цари сидѣли на тронѣ, имѣвшемъ видъ льва, коня и проч., а на головѣ носили вѣнцы или шлемы, изображавшіе льва, барана и проч. и подъ вѣнцомъ ленту (діадему); что у царя хотанскаго изъ-подъ вѣнца ниспадають сзади два шелковыхъ крыла (не намѣкъ ли на арійское происхожденіе этой династїи?). Въ Гаюанѣ, гдѣ много было перенято отъ китайцевъ, содержались учителя для юношества на общественный счетъ. О наказаніяхъ было уже сказано выше. Къ *экономическому состоянию* жителей упоминается только, что много собираютъ рису, проса, пшеницы и винограда и что жители Хотана живутъ „богато“. Изъ этихъ данныхъ, конечно, еще нельзя вывести никакихъ заключеній относительно того, чтобы большинству жилось хо-

рошо. Напротивъ, частые набѣги варваровъ, уплачиваніе дани, а съ другой стороны, развитіе воровства заставляють думать, что бѣдность и пролетаріатъ уже развились и выгода отъ торговли и промышленности, вѣроятно, сосредоточивались въ рукахъ немногихъ.

Четвертый періодъ. Съ половины VII вѣка до начала VIII Уйгурія болѣе прежняго подвергалась нападеніямъ со-сѣдей, которые вторгались не только съ востока и сѣвера, но и съ юга и запада, причемъ нѣкоторые изъ нихъ свили себѣ тамъ постоянное гнѣздо, владѣя различными частями страны. Съ другой стороны, этотъ періодъ отмѣченъ кореннымъ переворотомъ въ господствующемъ вѣроисповѣданіи. О первой половинѣ этого періода имѣются извѣстія въ исторіи царствовавшей тогда въ Китаѣ Т'ханской династіи (618—907), а въ второй въ исторіи Сунской династіи, кромѣ того есть разбѣянные свѣдѣнія у арабовъ. Около половины VII вѣка китайцы вновь приобрѣли восточныя владѣнія, т. е. Гаочань, Харашаръ и Кучу, распространяя нѣкоторое вліяніе и на Кашгаръ, который въ это время, однако, болѣе зависѣлъ отъ турокъ (см. выше). Что касается Хотана, то онъ, видя силу Китая, неоднократно посылалъ къ Императору посольства съ дарами, за что владѣтели получали китайскіе военные чины и утвержденіе въ должности правителей. Вообще въ это время китайцы опять стали учреждать въ Уйгуріи военные посты съ китайскими гарнизонами и переименовывали владѣнія въ китайскія области. На этотъ разъ верховенство Китая было благоприятно для края. Пока оно продолжалось, отдѣльныя владѣнія между собою не ссорились и китайскія войска болѣе или менѣе защищали жителей отъ грабежей сосѣднихъ кочевниковъ. Но это состояніе продолжалось недолго. Въ Тибетѣ произошло соединеніе разрозненныхъ до того времени народовъ и образовалось сильное государство. Усилившись такимъ образомъ, тибетцы

въ 670 году, въ союзѣ съ западными турками, нахлынули на Уйгурію, выгнали китайскіе гарнизоны и временно подчинили себѣ западныя и среднія области. Впрочемъ, эта зависимость на этотъ разъ длилась недолго и была прекращена пораженіемъ, которое возвратившіеся китайцы нанесли тибетцамъ въ 692 г. Затѣмъ, въ 714 г. воспользовавшись со стороны Кокана нашествіемъ Арабовъ подъ предводительствомъ *Кутейбы*, который, впрочемъ, въ слѣдующемъ году, по случаю внутреннихъ событій въ Халифатѣ, оставилъ Уйгурію, тѣмъ тотчасъ воспользовался китайскій намѣстникъ, который не только вновь занялъ страну, но на этотъ разъ даже самъ перешелъ черезъ горы, дошелъ до Самарканды и овладѣлъ Ферганою на нѣкоторое время. Это продолженіе хуннамъ и тѣмъ не менѣе, господство китайцевъ длилось только до 720 года, когда надъ ними тибетцы окончательно взяли верхъ и подчинили себѣ Уйгурію. Въ 760, впрочемъ, имъ пришлось очистить мѣсто новымъ пришельцамъ. Въ земляхъ прежде принадлежавшихъ хуннамъ, въ это время сидѣли Хой-гэ или Хой-ху (которые первоначально по китайскимъ свѣдѣніямъ жили на берегахъ Селенги). Эти Хой-ху, которыхъ тоже называютъ уйгурами¹⁾, въ половинѣ IX вѣка отняли у тибетцевъ восточную часть Уйгуріи и ханъ ихъ былъ утвержденъ въ этомъ званіи китайскимъ Императоромъ. Между тѣмъ, западная часть В. Туркестана или, какъ его называли китайцы Западнаго края, судя по арабскимъ источникамъ, была захвачена *Турками-Хараухами*, которые еще при китайцахъ оказывали на нее вліяніе. Харлу-хи и хой-ху, хотя оба принадлежали къ одному племени, но, повидимому, враждовали между собою, слѣдовательно страна опять разъединилась. Такимъ образомъ, населеніе ея получило новый притокъ тюркскаго элемента и названіе Уйгуріи болѣе всего пристало этому времени. Въ тѣсномъ смыслѣ слова, впрочемъ, такъ

¹⁾ Слово *Уй-гуръ* означаетъ союзникъ, вслѣдствіе чего этимъ именемъ назывались нѣсколько народовъ тюркскаго происхожденія.

называлась восточная часть и притомъ къ ней еще присоединялась сѣверная полоса, не относящаяся къ Вост. Туркестану; у мусульманскихъ писателей XVI столѣтія Уйгуріей называлась страна, соответствовавшая прежнему Гаочану, до Хорошараи часть Джунгаріи на сѣверъ отъ Тянь-шаня, подъ Кашгаріей-же они подразумѣвали страну отъ Кашгара и Хотана до Кучи. Этого рода различія въ названіи, конечно, Кромѣ того, въ теченіи господства тюрковъ еще происходили съ востока нашествія *Кара-киданий*, а Хотанъ неоднократно былъ тревожимъ *тибетцами*, вследствие чего оттуда въ XI и XII столѣтіи много разъ отправляли посольства въ Китай съ подарками. Вообще Хотанъ, по видимому, послѣ сказанныхъ переворотовъ сохранялъ нѣкоторую независимость и перемѣна религіи въ немъ произошла позже. Въ остальной-же части западной Уйгуріи *исламъ*, по всей вѣроятности, былъ введенъ около 900 г. Тюркскія орды, низвергавшіяся съ Тянь-шаня, были обращены въ него рабскими проповѣдниками и послѣ этого сами сдѣлались ревностными поборниками ученія магометова, стараясь искоренить другія вѣроученія въ Туркестанѣ, что, впрочемъ, не обошлось безъ кровопролитія. Въ этой пропагандѣ участвовали, по видимому, даже киргизы¹⁾. Напротивъ, восточная часть Уйгуріи еще дѣлтъ сто лѣтъ спустя исповѣдывала буддизмъ, какъ можно заключить изъ реляцій посольства, отправленного изъ Китая въ Гаочанъ въ 981 г. къ времени-же нашествія на Уйгурію Чингизхана, въ началѣ XIII вѣка, исламъ, по видимому, уже овладѣлъ по всей странѣ въ томъ числѣ и въ Хотанѣ, господствующей религіей, и благодаря этому обстоятельству способствовало быстрому и почти безкровному ея завоеванію: ханъ кашгарскій и хотанскій *Дулаукъ* былъ воспитанъ въ христіанствѣ и предписалъ своимъ подданнымъ обратиться или въ христіанъ, или въ буддистовъ. Въ это время появились военачальникъ Чингиза, который объявилъ, что это по-

¹⁾ Риттеръ—Григорьевъ, т. I, стр. 144, до сих поръ не замеченъ.

велитель не преслѣдуетъ вѣры, вслѣдствіе чего весь край быстро ему подчинился. Тѣмъ не менѣе, и въ послѣдующіе вѣка еще много оставалось буддистовъ, въ особенности въ Уйгуріи (въ тѣсномъ смыслѣ слова).

О внутренней жизни народовъ изъ этого періода не имѣется такихъ подробныхъ свѣдѣній, какъ изъ предыдущаго. *Торговля и промышленность*, не смотря на частыя нашествія, повидимому, продолжали быть довольно оживленными, въ особенности въ Хотанѣ, который въ числѣ подарковъ, отправляемыхъ въ Китай, посылалъ предметы, привозимые съ отдаленнаго запада, напр. янтарь, кораллы и благовонныя деревья. Упоминается у китайцевъ о металлической посудѣ, о кошмахъ и ткацкихъ произведеніяхъ страны, въ томъ числѣ шелковыхъ (Хотанъ), о виноградномъ винѣ и ячмѣ (юй) Хотана. Арабы пишутъ, что вывозится желѣзо и хорошее оружіе. *Вкусы и нравы*, повидимому, тоже сохранили отпечатокъ прежняго. Повторяется извѣстіе о любви къ музыкѣ и пляскѣ жителей Хотана. О характерѣ жителей, китайцы упоминаютъ, что кашгарцы коварны, а гаочанцы прямодушны и честны. Повторяется извѣстіе о вѣжливости и изысканности хаотанцевъ, хотя прибавляется, что въ рѣчахъ ихъ много хвастливости. О процвѣтаніи письменныхъ занятій не упоминается, за исключеніемъ того, что одинъ изъ гаочанскихъ владѣтелей очень любилъ книги. Гаочанцы любили стрѣльбу изъ лука. О физическихъ свойствахъ отчасти повторяются нѣкоторыя изъ прежнихъ указаній, а именно: что у кашгарцевъ голубые глаза и статный ростъ, что и они, и кучайцы новорожденнымъ мальчикамъ придавливаютъ голову. Въ Гаочанѣ волосы заплетены въ косу, значить слѣдовали китайскому образцу и люди тамъ часто доживаютъ до глубокой старости. Объ *экономическомъ строе* есть извѣстія только относительно того-же Гаочана, а именно, что тамъ бѣдности нѣтъ, что даже бѣдные питаются мясомъ и нищіе содержатся на общественный счетъ.

Такой удовлетворительный бытъ народа вѣроятно объясняется тѣмъ, что природа и условія жизни въ этой странѣ, лежащей на крайнемъ сѣверовостокѣ въ богатномъ оазисѣ, во многомъ отличалась отъ условій остальной Кашгаріи. О количествѣ людей имѣются извѣстія, соответствующія 1154-му году и относящіяся къ западной части Уйгуріи: было 84.800 податныхъ семей, значить около 500.000 чел., стало быть народонаселеніе хотя нѣсколько увеличилось, но оставалось слабымъ, по отношенію къ общей величинѣ территоріи.

Пятый періодъ. Отъ завоеванія В. Туркестана монголами до покоренія его калмыками (джунгарами) въ концѣ XVII вѣка. Въ началѣ XIII вѣка состоялось новое нашествіе монголовъ, именно орды Чингиз-хана, который присоединилъ страну къ своему царству. Занятіе обошлось безъ жестокостей и опустошеній. Сыны Чингиза Джатай и его потомки въ теченіи 130 лѣтъ, т.е. до Тоглукъ-Тимура, сами большею частью жили въ Джунгаріи, именно въ долинѣ Или, а Кашгарія управлялась кѣмъ-либо изъ ихъ довѣренныхъ. Власть джатаидовъ, впрочемъ, повидимому, ограничивалась западною частью, восточная-же, т.е. Уйгурія въ тѣсномъ смыслѣ слова, зависѣла отъ великихъ хановъ, да и западная нѣсколько раздѣлилась на части и служила предметомъ междоусобій. Сами чингизовичи оставались язычниками, но подъ вліяніемъ ихъ нововѣрія пустившее корни мусульманство было настолько вѣротерпимо, что христіанство и буддизмъ существовали рядомъ съ нимъ и женщины пользовались большею свободою, чѣмъ въ остальныхъ магометанскихъ странахъ. Буддизмъ въ Уйгуріи было чуть-ли не наполовину. Въ половинѣ XIV столѣтія прославился одинъ изъ Чингизовичей, *Турмузъ-Тимуръ*. Онъ соединилъ всю Кашгарію въ однихъ рукахъ и распространилъ свои владѣнія далеко за прежніе предѣлы, именно до Или и до Бухары, т.е. онъ владѣлъ обширнымъ царствомъ, въ которое входили, кромѣ Кашгаріи,

ныиѣшнее Семярѣчье, З. Туркестанъ и Бухара. Притомъ онъ и его воеводы приняли мусульманство, онъ поднялъ торговлю и вообще водворилъ въ Кашгаріи порядокъ, при которомъ она оправилась отъ прежнихъ ударовъ. Это былъ наиболѣе блестящій періодъ въ ея исторіи.

Послѣ смерти Тутлукъ-Тимура по прежнему пошла смуты, царство его распалось, а вскорѣ появился на сцену грозный Тимуръ или Тамерланъ, который, произведя по обыкновенію своему, страшное кровопролитіе и истребленіе, присоединилъ Кашгарію къ своимъ владѣніямъ. Раззореніе, въ которомъ онъ оставилъ страну, было таково, что погибло и то незначительное благосостояніе, которое возникло при Чингизовичахъ.

Въ теченіи XV, XVI и XVII столѣтій Кашгарія опять принадлежала потомкамъ Тутлукъ-Тимура, которые, однако, вмѣсто того, чтобы слѣдовать примѣру своего знаменитаго предка, жили въ непрерывныхъ междуусобіяхъ, вслѣдствіе которыхъ страна нѣсколько разъ распадалась на нѣсколько отдѣльныхъ государствъ и раззоренію не было конца. Немало ему способствовали набѣги населявшихъ Тянь-шанъ кочевниковъ, которые, пользуясь внутреннимъ разладомъ, грабили въ свое удовольствіе. Затѣмъ уходили въ свои неприступныя гнѣзда. Впрочемъ, и между послѣдующими правителями одинъ, именно *Султанъ-Саидъ* или *Абу-Саидъ*, выказавъ силу и державъ кочевниковъ въ приличномъ отдаленіи, кромѣ того завоевалъ часть Бадахшана и нѣкоторые мѣста въ Тибетъ.

Кромѣ политическихъ междуусобій въ этомъ періодѣ выступили на сцену и религіозныя. Въ началѣ XV-го столѣтія изъ Бухары явился нѣкто *Малтуль-Азаль*, потомокъ Магомета (ходжа), который, равно какъ и два его сына, *Калаль* и *ходжа Исаакъ*, сдѣлались учителями правовѣрія и фанатизма. Ученія этихъ сыновей, впрочемъ, нѣсколько расходились между собою, что и послужило поводомъ къ происхожденію двухъ сектъ *Акъ-таулинцевъ* (бѣлогорцевъ) и *Кара-таулинцевъ* (чер-

ногорцев), долгое время раздѣлявшихъ страну на двѣ религіозныя и политическія партіи, которыя существуютъ даже донынѣ, хотя болѣе по названію. Впоследствии одинъ изъ знаменитѣйшихъ проповѣдниковъ и святошъ былъ *Аппакходжа*, къ которому стекались даже ученики изъ Зѣ Туркестана и котораго могила, находящаяся недалеко отъ Кашгара, еще и теперь привлекаетъ богомольцевъ. Однако, святость его была невысокаго сорта, такъ какъ онъ изъ личной ненависти къ своимъ врагамъ предалъ отечество джунгарамъ. Это было въ 1678 году. Произшествіе, значитъ, новый наплывъ монгольскаго элемента.

О внутренней жизни страны за эти 450 лѣтъ узнаемъ мы уже и отъ европейскіхъ путешественниковъ. О періодѣ до Тоглукъ-Тимура есть извѣстія *Плано-Кортини*, *Рубруквиста*, въ особенности же знаменитаго венеціанца *Марко Поло*. Полагаютъ, что первые двое, хотя были въ Средней Азіи, но Кашгаріи сами не посѣщали, Марко Поло же проѣхалъ ее всю вдоль, въ 70-хъ годахъ XIII столѣтія. Затѣмъ о началѣ XVII вѣка имѣется описаніе португальскаго миссіонера *Гоэса*. Кромѣ того есть китайскія и мусульманскія извѣстія. Названіе *Кашгаріи*, какъ страны, произошло въ этомъ періодѣ, но восточная часть отъ Хорошара, называлась собственно Уйгуріею.

О религіи упомянуто выше. Въ Уйгуріи буддизмъ успѣшно продолжалъ составлять антагонизмъ мусульманству. Писмена употребались уйгурскія (песторіанскія?) во всей странѣ, а отъ уйгуровъ ихъ приняли и монголы, у которыхъ писцы болѣею частью были изъ уйгуровъ. Сынтъ *Абү-Саида*, *Аббѣ-эръ-Рашидъ* былъ искусный каллиграфъ и писалъ прозою и стихами. Въ Уйгуріи (Гаочанъ) люди образованные любили писать стихи и знали по-китайски. Есть извѣстія о существованіи у нихъ и летописей въ XIV столѣтіи и позже, но до насъ онѣ не дошли. Буддійскимъ богословіемъ

тамъ продолжали ревностно заниматься, и по всей вероятности, были кое-какія бібліотеки и по этой части, какъ и въ предыдущемъ періодѣ, ибо извѣстно, что когда при Юаньской династіи въ Шекинѣ былъ учрежденъ ученый комитетъ для списанія тибетскихъ и китайскихъ буддійскихъ книгъ, то были вызваны и ученые изъ уйгуровъ. Наконецъ, существовали сдѣланные въ XV столѣтіи переводы арабскихъ и персидскихъ книгъ, изъ которыхъ нѣкоторые дошли до насъ. Арабскіе писатели, писавшіе позже Марко Поло, говорятъ о Кашгарѣ, какъ о столицѣ Туркестана, которая будто-бы привлекала ученыхъ по всемъ отраслямъ наукъ, напр. Шейха *Саадъ-Эдъ-Дина*. Марко Поло и другіе путешественники ничего объ этомъ не упоминаютъ. Во всякомъ случаѣ ясно, что если и были мѣстные ученые, то это были величины весьма посредственныя, которыхъ слѣдъ скоро исчезъ и которые, по вліянію на другія страны и на науку вообще даже приблизительно не могутъ быть сравниваемы съ самими арабами. *Торговля и промышленная дѣятельность*, напротивъ, были въ этомъ періодѣ еще значительныя, несмотря на политическія пертурбаціи. Марко Поло говоритъ о кашгарскихъ купцахъ, что они путешествуютъ по всему свѣту, причемъ прибавляетъ: „это народъ адный и скаредный, есть дурию, а пьетъ и того хуже“. Жители Хотана, Яркенда и Кашгара, по его словамъ, очень искусны, въ особенности по части хлопчатобумажныхъ тканей, садоводства и винодѣлія, а рынки обилуютъ всемъ „что нужно для человеческой жизни“. Онъ упоминаетъ о приготовленіи негоряемыхъ одеждъ изъ горнаго льна (асбеста), добываемаго въ странѣ Юлдузъ (на сѣверовостокѣ), о добываніи и выгодной торговлѣ камнемъ юй повторяютъ писатели этого періода. Во время Гоэса, т. е. сляшкомъ 300 л. спустя, повидимому, Яркендъ былъ главнымъ мѣстомъ, по стеченію торговцевъ и разнообразію товаровъ и даже онъ былъ будто-бы извѣстенъ во всей Азіи. Въ китайскихъ грамотахъ, между прочимъ, упоминается о посылкѣ

въ Комуль, взамѣнъ присланныхъ товаровъ, чаю и возбуждающихъ лекарствъ, о чемъ прежде не говорилось. Что касается *единскаго дѣла*, то оно, какъ уже видно изъ хода исторіи, не процвѣтало, да въ добавокъ имѣется прямое свидѣтельство Марко Поло, что къ этому хотанцы „не склонны“. *О музыкѣ, пѣніи и пляскѣ* и въ этомъ періодѣ упоминается въ описаніяхъ путешественниковъ. Марко Поло, впрочемъ, рассказываетъ только о жителяхъ *Комуля*, т.-е. бывшаго Гарчана (Уйгурія въ тѣсномъ смыслѣ), что они „только и заботятся о томъ, какъ-бы музыкой заняться, поѣть, поплясать и всякое удовольствіе плоти своей доставить“. Турецкая географія *Джиджикъ-Нюма* въ 1640 г. упоминаетъ, что Янги Хиссаръ (нынѣ китайскій городъ Кашгара) „славится танцовщицами и музыкантами, которые не уступаютъ индѣйскимъ“. *О вольности нравовъ* можно заключить изъ слѣдующаго обычая, существовавшаго въ томъ-же Комуль, по Марко Поло: когда иностранецъ останавливался въ чьемъ-нибудь домѣ, то хозяинъ съ радостію предоставлялъ ему жену свою и самъ уѣзжалъ изъ дому на это время. А въ Памъ (Пай, между Аксу и Кучею) было, по его словамъ, обыкновенно, что если мужъ пробудетъ внѣ дома болѣе 20 дней, то жена его могла выйти за другаго.

О физическихъ свойствахъ и модахъ населенія говорится мало. Марко Поло упоминаетъ, что яркендцы часто страдаютъ зобомъ и опухолями членовъ и что женщины Комуля красивы. Уйгуры не магометане связывали волосы на макушкѣ въ пучекъ, а магометане брили голову.

Шестой періодъ. Отъ подчиненія Кашгаріи калмыками до нашихъ дней. Монголы подъ именемъ калмыковъ занимавшіе Джунгарію, воспользовавшись распрями религіозныхъ партій, покорили Кашгарію и поставили надъ нею правителемъ того-же племени Ашпака, главу Бѣлогорцевъ, а сами ханы калмыцкіе продолжали жить въ Джунгаріи. Господство кал-

мыковъ продолжалось 78 л., но, собственно говоря, въ это время китайцы вновь стали оказывать влияние на страну, такъ что уже въ 1696 году Турпанъ и Комуль или Хамыль признали надъ собою власть Китая и заняты были китайскими гарнизонами, да въ другихъ мѣстахъ были демонстраціи въ пользу китайцевъ и попытки къ еверженію ига калмыцкаго, соединеннаго съ тяжелыми поборами, но возстававшихъ укротилъ ханъ *Цеванъ Рабтанъ*, выселивъ значительную часть яркендцевъ, въ Джунгарію, которые на новыхъ мѣстахъ впервые заняли земледѣлство и садоводство. Тѣмъ не менѣе, усилившійся Китай не упускалъ изъ виду Западнаго Края и, наконецъ, почти 200 лѣтъ спустя послѣ утраты его, онъ опять достался китайцамъ, которые затѣмъ съ промежутками независимости оставались въ немъ до нашихъ дней. Въ данное время, т. е. при окончаніи калмыцкаго господства, китайцы, въ свою очередь, были призваны однимъ изъ бюлгорскихъ ходжей *Бурханэددиномъ*. Ибо и во весь джунгарскій періодъ не прекращались кровавые раздоры ходжей, дервишей и т. п. фанатиковъ, причемъ на помощь часто призывались киргизы. Одновременно китайцы заняли и Джунгарію, въ которой они недолго спустя, по поводу происшедшаго возстанія, произвели ужасную рѣзню. При этомъ до милліона калмыковъ было вырѣзано и джунгарское царство уничтожено. Полагаютъ, что именно послѣ этого въ Джунгаріи, въ числѣ прочихъ переселенцевъ, были китайскіе мусульмане западныхъ провинцій Китая, извѣстные подъ именемъ дунганъ. Туда же было переселено 7000 кашгарцевъ, которые въ новыхъ мѣстахъ стали называться *таранчами*¹⁾; названіе это за ними сохранилось донынѣ.

Приобрѣтеніе Кашгара Китаемъ произошло почти безъ сопротивленія, что объясняется дряблостью и отсуствіемъ патріотизма въ народъ и вообще незавиднымъ положеніемъ, до котораго дошла страна подъ господствомъ ходжей и кал-

¹⁾ Отъ слово "таранъ" — землешапель. Иди итэзито, единств. вкл.

мыковъ. Китайцы владѣли Кашгарією на этотъ разъ болѣе 60 лѣтъ непрерывно, хотя за это время были нѣкоторыя частныя возстанія, изъ которыхъ учъ-турфанское, происшедшее по поводу жестокости и распутства китайскихъ начальниковъ, было довольно упорное. Организация и управленіе страны были поручены ея завоевателю, генералу *Чао-хой*, котораго главные мѣропріятія состояли въ слѣдующемъ: ходжи были казнены и имущество ихъ конфисковано въ пользу казны; объявлена неприкосновенность религіи и обычаевъ; судъ, сборъ подати и прочія второстепенныя должности поручены туземцамъ; размѣръ податей оставленъ безъ перемѣны.

Преемники *Чао-хой*, однако, не старались ему подражать въ умѣренности и пониманіи нуждъ народа, и мало-по-малу укоренилась глубокая ненависть къ китайцамъ. Чиновниковъ стали назначать изъ западныхъ провинцій Китая, увеличеніе податей и казенныхъ работъ, взяточничество и жестокость произвели то, что множество кашгарцевъ эмигрировало въ Коканъ, Бухару и проч. и привлекли вооруженную помощь. Потомокъ одного изъ спасшихся ходжей, *Дженгиръ*, явился съ войскомъ въ 1826 году и произвелъ возстаніе, но послѣ нѣсколькихъ успѣховъ, былъ побѣжденъ китайцами, послѣ чего, разумѣется, пошли усиленныя казни, конфискаціи и грабежъ. Хотя въ войскахъ Дженгира участвовали и кара-киргизы, но съ ними китайцы обошлись деликатно, что объясняется съ одной стороны трудностью наказанія ихъ, а съ другой—необходимостью получать отъ нихъ лошадей и другой скотъ. Благодаря торговому договору съ Коканомъ, не совсѣмъ, впрочемъ, выгодному для китайцевъ, коканцы ихъ лѣтъ 15 сряду оставляли въ покоѣ, т.-е. не помогали эмигрантамъ. Кара-киргизы, впрочемъ, не переставали дѣлать періодическіе набѣги.

Въ 1847 году, наконецъ, произошло новое движеніе ходжей-эмигрантовъ, которые двинулись изъ Кокана и произвели возстаніе, отчасти при помощи кара-киргизовъ. И на этотъ

разъ, однако, благодаря трусости самихъ ходжей, китайцы ихъ разбили и стали снова распоряжаться по своему съ побѣжденнымъ народомъ, что и было поводомъ къ страшной гибели бѣжавшихъ въ Коканъ кашгарцевъ. До 100,000 чел. изъ различныхъ городовъ Кашгаріи, бросились среди зимы, вѣлѣвъ за ускакавшими ходжами, на перевалъ Терекъ-даванъ и большая часть этихъ несчастныхъ погибла въ горныхъ снѣгахъ. До сихъ поръ кисти ихъ покрываютъ обѣ стороны перевала.

Однако, ходжи, которые, имѣя все необходимое, пробрались благополучно, не переставали беспокоить китайцевъ и одинъ изъ нихъ, вышеупомянутый варваръ *Валиханъ-тюря*, который убилъ Шлагинтвейна, успѣлъ взять Кашгаръ въ 1857 году. Но видно, онъ выказалъ необыкновенное вѣрство, ибо когда вновь подступили китайцы, ихъ даже встрѣтили съ радостію. Тѣмъ не менѣе, они, прогнавъ Валихана, показали себя достойными его соперниками и усадили большія дороги Кашгаріи афганцами изъ шестовъ, на которыхъ возвышались кѣтки съ отрубленными головами. Но вскорѣ подосѣло общее возстаніе китайскихъ мусульманъ, т.-е. дунганъ и таранчей, которое охватило все западныя провинціи и, конечно, дошло до Кашгаріи. Долго накопившаяся ненависть разразилась страшнымъ иабіеніемъ китайцевъ, въ особенности въ Кульчжѣ и другихъ городахъ Джунгаріи. Въ Кашгаріи китайскіе гарнизоны кое-гдѣ еще держались въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, но наконецъ ихъ вытѣснили окончательно и власть захватилъ энергическій *Якубъ-бекъ*, ташкентскій выходецъ незначнаго происхожденія. Онъ быстро объединилъ страну, организовавъ значительную армію, отчасти вооруженную европейскими ружьями, по мѣрѣ возможности водворялъ внутренний порядокъ и держалъ китайцевъ въ приличномъ отдаленіи. Онъ держалъ себя вполнѣ независимо передъ сосѣдями и принималъ русскія и англійскія посольства. Хотя это было въ сущности тоже же-

егой самодуръ, какъ большинство восточныхъ владыкъ, и кромѣ того ханжа, но, въ сравненіи съ китайскими правителями и съ ходжами, онъ долженъ былъ народу показаться въ выгодномъ свѣтѣ, тѣмъ болѣе, что выказывалъ дѣйствительную силу. Смерть его была сигналомъ къ новому нашествію китайцевъ, которымъ народъ, по обыкновенію, охваченный паническимъ страхомъ, оказалъ мало сопротивленія, и въ мартѣ 1878 года Кашгарія въ послѣдній разъ стала провинціею Невбедной Имперіи, которая, впрочемъ, ненавистна кашгарцамъ, вслѣдствіе чего до сего времени народъ воднуется періодическими слухами о появленіи изъ за-границы то разныхъ ходжей, то сынбей Якубъ-бека, то русскихъ, и вообще о предстоящемъ освобожденіи отъ китайскаго вѣга.

О внутреннемъ бытѣ страны за этотъ періодъ имѣемъ довольно обстоятельныя свѣдѣнія, сообщенныя главнымъ образомъ европейцами и китайцами.

Въ 1711 году Императоръ Канъ-Си послалъ находившихся въ Китаѣ ученыхъ французскихъ іезуитовъ Жарту, Фределли и Фабри въ подвластную ему область Хами (Хамыль или Комуль, прежде Гаочань), для картографическаго изображенія ея. Хамійскій оазисъ этими писателями описывается въ привлекательномъ видѣ, изобилующимъ хлѣбомъ, плодами и овощами.

Торговля и промышленность продолжали процвѣтать въ В. Туркестанѣ. Жившіе въ Сибири послѣ Полтавскаго сраженія пѣхотные шведскіе офицеры познакомились тамъ съ прѣзжими кашгарцами и описываютъ, что они получаютъ пропитаніе отъ торговли и ремеслъ и для торговли ѣздить въ Китай, Индію и Сибирь, добывая тамъ большую наживу. Академикъ Миллеръ во время пребыванія на Иртышѣ въ 1734 г. тоже видѣлъ тамъ кашгарскихъ купцовъ, довозившихъ до Тары и Тобольска и привозившихъ золотой песокъ, урюкъ, кишмишъ и различные сорта хлопчатобумажныхъ

тканей: Китайское географическое сочиненіе *Си-ю-аинь-синь-лу*, изданное въ Пекинѣ въ 1778 году, говоритъ о Хотанѣ, что тамъ много добывается камня юй и выдѣлываются прекрасныя шелковыя ткани; о Яркендѣ, что тамошній базаръ переполненъ товарами и людьми, много тамъ рѣдкостей и драгоценностей, скота и всевозможныхъ плодовъ; о Кашгарѣ и принадлежащихъ къ нему городахъ, что тамъ выдѣлываютъ шелковыя матеріи, золотыя и серебряныя вещи, отлично шлифуютъ юй, торговля процвѣтаетъ, урожай обильные и жители зажиточны.

О письменности и наукахъ источники вовсе умалчиваютъ, за то китайская географія упоминаетъ, что жители не знаютъ ни фамилій, ни именъ, ни родословій, что указываетъ на довольно низкую степень развитія народа.

Характеръ и нравы жителей. О жителяхъ Комуля іезуитскіе ученые (1711 г.) отзываются, что „они считались храбрыми, выносливыми и искусными въ тѣлесныхъ упражненіяхъ, но непостоянными, вспыльчивыми и во гнѣвѣ жестокими и кровожадными“. Это, правду сказать, единственное свидѣтельство о храбрости и физическомъ проворствѣ жителей В. Туркестана, притомъ оно относится лишь къ одной небольшой области, и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ отличавшейся отъ остальныхъ. Напротивъ, шведскіе офицеры говорятъ вообще о жителяхъ „Малой Бухаріи“ (такъ называлась тогда въ Сибири Кашгарія), что „военная профессія тамъ совершенно чужда и каждый заботится только о собственныхъ дѣлахъ. Калмыкамъ уплачиваютъ дань, и тѣ, вслѣдствіе этого, оказываютъ имъ величайшее презрѣніе“. Географъ 1778 года передаетъ, что туркестанцы любятъ охотиться съ соколами и мѣтко бьютъ зайцевъ палками, но стрѣлки они плохіе. О хотанцахъ онъ говоритъ: „нравы жителей кроткіе, простые, они откровенны и не преданы ни лжи, ни лести, ни лукавству“. О яркендцахъ: „туземцы миролюбивы, китайцевъ уважаютъ и преданы своимъ началь-

И Т О Г И.

Посредственность развитія и исторической роли Кашгарцевъ.—Причины, влияющія на физическія ихъ качества.—Незначительность борьбы съ природою.—Боддистическія влияния.—Условия, влияющія на складъ нервной системы и темперамента Кашгарца.—Физиологическія причины настроенія души и темперамента вообще.—Сущность нессимизма.—Вліяніе гармоническаго развитія нервной системы на характеръ и умъ.—Причины склонности кашгарцевъ къ афицизмамъ и пражествамъ.—Физическія условия образованія темперамента кашгарцевъ.—Сравненіе ихъ съ киргизами.—Объясненіе недостатка смѣлости и воинственности географическимъ характеромъ и другими природными условіями страны.—Причины появленія у кашгарцевъ трудолюбія и честности.—Условное значеніе наказаній.—Нужда—родитель трудолюбія и порядочности.—Причины развитія разврата въ городахъ Кашгаріи.—Парадлъ между работою мусульманъ и борьбой съ нуждою.—Причина незначительности умственаго развитія.—Идеенныя условія.—Условія со стороны численности народа и положенія страны.—Причины историческія.—Прогрессъ и регрессъ. Возможность скрытнаго развитія перваго.—Накопленіе въ историческихъ народахъ трудолюбія и миролюбія.—Вудущность кашгарцевъ.

Въ наше время естественно-историческое изученіе человѣка болѣе и болѣе развивается. Для объясненія социальныхъ и историческихъ явленій народовъ наука чаще и чаще нуждается въ помощи антропологии и этнографіи, которыя, въ свою очередь, покоятся на другихъ положительныхъ наукахъ. Вотъ почему я считаю уместнымъ присовокупить къ очерку Кашгаріи еще особую главу, въ которой постараюсь прослѣдить вліяніе природы страны на исторію и на физическій и духовный обликъ кашгарца. Хотя объясненіе причинъ образованія того или другаго народнаго типа труднѣе описанія его и вообще подобнаго рода вопросы до сихъ поръ относятся къ труднѣйшимъ задачамъ этнологіи и исторіи, но, по крайней мѣрѣ, возможно намѣтить общіе контуры. Изъ предидущаго уже можно было замѣтить вообще, что этотъ народъ ничѣмъ особенно выдающимся не отличается, не смотря на то, что уже давно живетъ историческою и гражданскою жизнью. Онъ не переходилъ за черту посредственности и не можетъ померяться съ нѣкоторыми другими азиат-

скими народами, оставившими за собою блестящій слѣдъ. Правда, въ древности его предки Саки отличались, какъ мы видимъ, храбростію и были „искусными стрѣлометателями“, но періодъ этихъ воинственныхъ доблестей продолжался недолго и даже во время его этотъ народъ никогда не игралъ значительной роли, напротивъ, уже сражаясь съ греками въ рядахъ персидскаго войска, Саки были данниками персовъ.

Физическія качества. Жители деревень, какъ мы видѣли, довольно хорошаго тѣлосложенія и съ хорошо развитою мускулатурою, хотя и они особенною силою, проворствомъ и искусствомъ въ тѣлесныхъ упражненіяхъ не отличаются, благодаря однообразію своихъ занятій и однообразію природы страны, на что я указалъ выше. Самый климатъ не способствуетъ происхожденію сильнаго типа. Борьба съ холодомъ, съ вѣтромъ и другими метеорологическими явленіями положительно укрѣпляетъ организмъ. Хотя въ Кашгаріи зима существуетъ, но во всякомъ случаѣ температурная разность между лѣтомъ и зимою далеко не такъ значительна, какъ наприм. въ средней Европѣ и Сибири. А гдѣ вѣтры, гдѣ снѣжныя метели, крупныя и частыя переходы отъ сухости и влажности, отъ холода къ жару, скачки въ давленіи воздуха и проч.? Всѣ эти вліянія, которыя вредятъ большому организму въ такой-же мѣрѣ увеличиваютъ физическую эластичность и крѣпость племени, которое живетъ и приспосаблилось къ природѣ страны, обилующей этими переменами.

Съ другой стороны, слѣдуетъ брать въ соображеніе значительную пропорцію городскихъ жителей среди населенія Кашгаріи. Города съ ихъ аловоніемъ и пылью, съ бѣдностью пролетаріата, половымъ развратомъ и наркотизмомъ ведутъ къ физическому вырожденію. А всѣ эти вредныя условія возникли не вчера, напротивъ, они продолжаютъ уже очень давно. Въ прежнія времена, повидимому, разность заключалась лишь въ томъ, что вмѣсто злоупотребленія опиума и

гашиша существовало обыкновенное пьянство (не смотря на запрещеніе корана). Склонность къ сладострастію обнаружилась также очень давно. Затѣмъ весьма безразлично распространеніе въ этой странѣ *зоба*, который когда достигаетъ такой степени, то болѣе или менѣе ослабляетъ организмъ. Далѣе слѣдуетъ помнить, что довольно значительная часть жилыхъ мѣстъ въ Кашгаріи имѣетъ почву болотистую или окружена искусственными рисовыми болотами, что по этому лихорадки, часто выражающіяся въ различныхъ скрытыхъ формахъ, при совершенномъ отсутствіи медицинской помощи и даже народной медицины, нерѣдко хронически подтачиваютъ здоровье жителей. Немудрено-же, что наприм. люди, живущіе по нижнему Тариму и на Лобъ-норѣ показались г-ну Пржевальскому блѣдными и апатичными.

Наконецъ, быть можетъ и неразборчивость въ заключеніи кровныхъ браковъ, о которой упоминаютъ китайскіе писатели прошлаго столѣтія, не осталась безъ вреднаго вліянія.

Все вмѣстѣ взятое показываетъ, что процентъ людей съ физическимъ изъяномъ въ этой странѣ долженъ быть значительнѣе, чѣмъ во многихъ другихъ, не смотря на привычку къ верховой ѣздѣ, которая вообще благоприятна для здоровья.

Темпераментъ. Подъ этимъ словомъ слѣдуетъ понимать преобладающій видъ душевнаго настроенія, которое въ весьма значительной степени зависитъ отъ физическаго здоровья, въ особенности отъ органическихъ процессовъ нервной системы. Многіе думаютъ, что веселое или печальное настроеніе души всегда зависитъ отъ дѣйствительныхъ *внѣшнихъ* причинъ, т. е. отъ радости или горя. Между тѣмъ, есть еще другой источникъ радости и горя и едва-ли не самый обильный—это состояніе кровообращенія и степени питанія нервовъ, въ особенности мозга. Процессы эти, незамѣтно для насъ самихъ, даютъ душевному нашему міру ту или другую окраску, которую мы, вслѣдствіе недостаточной строгости

наблюдения, весьма часто приписываемъ вѣшнему міру. Вспомнимъ, для примѣра, съ одной стороны — то живое, бодрое настроеніе, которое вызываетъ холодное купаніе, гимнастика, умѣренное употребленіе кофе, чая, хорошаго вина и т. п., а съ другой стороны, то угнетенное, тоскливое, мрачное и раздражительное состояніе души, которое овладѣваетъ чело-вѣкомъ послѣ перепоя¹⁾, при слишкомъ частыхъ половых удовольствіяхъ, при застояхъ крови, при катаррѣ желудка и т. п. «Тоска» или меланхолія чаще всего имѣетъ такую внутреннюю, скрытую причину и душевная боль, ея произ-водимая, можетъ быть изъ самыхъ сильныхъ и вести къ такъ называемому безпричинному самоубійству. Столь вошедшій нынѣ въ моду пессимизмъ въ основаніи своемъ тоже выхо-дитъ изъ скрытой болѣзни мозга, а вовсе не изъ какой-то необыкновенной ясности мышленія. Именно наиболѣе великіе философы и поэты не были и не будутъ пессимистами, а творенія пессимистовъ представляютъ литературу вырожденія. Къ сожалѣнію, не всѣмъ читателямъ философіи отчая-нія²⁾ извѣстно, что патріархъ новѣйшаго пессимизма, Шопен-гауеръ, былъ сыномъ человека страдавшаго (не смотря на хорошую вѣшнюю обстановку) меланхоліею и лишившаго себя жизни въ припадкѣ ея, и что черты лица на портре-тахъ самого Шопенгауера несутъ ясные слѣды раздражительно-сти и тоски.

Словомъ, настроеніе души и темпераментъ есть какъ-бы тотъ рубежъ, на которомъ происходитъ таинственная связь души съ тѣломъ: нервы и мозгъ относятся къ тѣлу, но нѣкоторые изъ процессовъ, въ нихъ происходящихъ, выражают-ся не въ видѣ физической боли или благоощущенія, а въ видѣ душевной печали, или, на оборотъ, веселья.

При гармоническомъ здоровьи и привычкахъ къ напри-женной физической дѣятельности и настроеніе духа преоб-

¹⁾ Не только алкоголь, но кофе и чай при неумѣренномъ употреб-леніи производятъ тоску, въ особенности же оліумъ, таинишъ и пр.

ладаешь бодрое, живое (предполагая, что чѣть особенныхъ явныхъ причинъ къ печали). А такого рода качество основнаго чувства души, въ свою очередь, отражается благотворно на многихъ другихъ проявленіяхъ душевной дѣятельности, которыя у этого чувства заимствуютъ силу, въ родѣ того, какъ звуки струнъ скрипки или гитары пріобрѣтаютъ силу и звонкость отъ колебанія воздуха въ резонаторѣ, т. е. въ кузовѣ инструмента. Поэтому, дѣйствительное горе и всякія невзгоды легче переносятся при подобномъ живомъ темпераментѣ. Его обыкновенно называютъ *сангвиническимъ*, хотя послѣдній представляетъ лишь одинъ видъ того темперамента, который и бы назвалъ общимъ терминомъ *бодраго*. Но объ этомъ распространяться здѣсь не мѣсто.

Народъ Кашгаріи, какъ я замѣтилъ, не обнаруживаетъ живости и энергіи темперамента. Это въ сущности не противорѣчитъ тому, что онъ, по словамъ нѣкоторыхъ прежнихъ путешественниковъ, любитъ зрѣлища, празднества, музыку, пляски и попойки. При той безцвѣтности природы и всего быта, которую находимъ въ этой странѣ, немудрено, что люди ищутъ общественныхъ увеселеній. Далѣе, обиліе и сравнительная свобода и вольные права женщинъ, которые во все времена замѣчались въ Кашгаріи, способствовали развитію пляски и общественныхъ сборищъ; нѣкоторые изъ источниковъ прямо говорятъ, что пляскою занимались преимущественно такія женщины, которыхъ мы можемъ приравнять индійскимъ баядеркамъ. И вообще замѣтно было, что въ общественныхъ увеселеніяхъ, попойкахъ, угощеніяхъ, пляскахъ и пр. существовалъ элементъ разнузданности, который скорѣе указываетъ на привычку къ ублаженію плотскихъ вожделѣній (о чемъ даже прямо упоминаетъ Марко Поло, говоря о жителяхъ Комули), чѣмъ на проявленіе веселости права. Неудивительно, что народъ, значительная часть котораго состоитъ изъ организацій болѣе или менѣе слабыхъ, не обладаетъ и такою нервною системою, здоровье которой выра-

жалось-бы привычнымъ бодрымъ и радужнымъ расположеніемъ духа; напротивъ, здѣсь относительно часто встрѣчаются субъекты, имѣющіе видъ какой-то пришибленности. Уже одна распространенность зоба ведетъ къ такимъ послѣдствіямъ. Люди, одержимые большимъ зобомъ становятся вялыми и угнетенными, самое соображеніе ихъ медленнѣе и сужденія нетверды. Понятно, что потомство ихъ, хотя-бы не страдало зобомъ, должно имѣть извѣстное расположеніе къ душевной апатіи. Подобное вліяніе имѣютъ болотное худосочіе и хроническое отравленіе нервовъ наркотическими веществами, сладострастіе, да и вообще всѣ тѣ условія, которыя препятствуютъ здѣсь развитію физически сильнаго типа, посредственно дѣйствуютъ и на перво-духовную сферу. Правдоподобно даже, что однообразие и безцвѣтность природы принимаютъ въ этомъ нѣкоторое участіе. Казалось-бы, что киргизы, тоже населяющіе пустыню, находятся съ ними въ одинаковыхъ условіяхъ. Но на самомъ дѣлѣ и образъ жизни, и самая природа ихъ пустыни, далеко не сходны съ кашгарскими. Кажущаяся монотонность родины киргиза на самомъ дѣлѣ не совсѣмъ такова и кромѣ того образъ жизни его крайне подвижной, онъ то жарится въ знойной степи, то поднимается къ снѣгамъ и ледникамъ, то его сушитъ горный вѣтеръ, то мочитъ дождь, то несется онъ вихремъ по привольной равнинѣ, то злится по опаснымъ тропинкамъ надъ пропастью; то всѣми силами защищаетъ свое уютное жилище отъ нападенія всезасыпающаго и всеерывающаго бурана, то переправляется въ бродъ черезъ бѣшенныя горныя рѣки. Перенесется его войлочное жилище, мѣняется и разнообразится и вся обстановка. Завыванія бурана, грохотъ потоковъ, облачный вѣнецъ горныхъ вершинъ, красота зеленѣющихъ луговъ, пестрота весеннихъ цвѣтовъ, таинственныя тѣни лѣсовъ (который отнюдь не исключенъ изъ отечества киргиза), картины миража въ знойной равнинѣ, явленія изъ жизни птицъ и звѣрей, которыми богата его страна, нако-

нецъ, случайности охоты и баранты, — все это доставляет такое разнообразіе впечатлѣній, которое будитъ вниманіе и населяетъ воображеніе поэтическими образами, что въ свою очередь, отражается на расположеніи духа и складѣ темперамента. При этомъ, кочевникъ подвергается разнообразнымъ испытаніямъ, голоду, холоду, жаждѣ, опасностямъ, усталости и пр., но, большею частію, все это бываетъ явленіемъ проходящимъ, которое не только не успѣваетъ нанести организму постоянный вредъ, но, напротивъ, лишь шевелитъ *противодѣйствіе* его, такъ что въ итогѣ получается не ослабленіе, а укрѣпленіе. Напримѣръ, хотя несомнѣнно, что киргизъ по временамъ голодаетъ¹⁾, но онъ рѣдко этому подвергается хроническимъ образомъ.

Сторона Тянь-шаня, гдѣ онъ кочуетъ, богата, по крайней мѣрѣ, травой и даетъ возможность сѣять хлѣбъ. Не хватаетъ травы и топлива здѣсь, онъ отыскиваетъ другое мѣсто. Киргизы вообще народъ бѣдный, но поставить ихъ наряду съ городскимъ пролетаріатомъ нельзя ни въ какомъ случаѣ.

Точно также и гражданская ихъ свобода никогда не была стѣняема въ томъ родѣ, какъ это случается съ населеніемъ осѣдлымъ. Напримѣръ, въ настоящее время нѣкоторая часть кара-киргизовъ считается въ китайскомъ подданствѣ, но китайцы съ ними обходятся до того деликатно, что не обложили ихъ податію. Погожимъ, что тутъ завѣдомо есть задняя мысль — именно желаніе увѣрить киргизовъ, что китайское подданство выгоднѣе русскаго, которое сопряжено съ налогами, и образовать такимъ образомъ между китайскими и русскими предѣлами линію враждебнаго для Россіи населенія. Но, не мѣняе того, эта мягкость обращенія обуслови-

¹⁾ Периодическое умѣренное голоданіе (при условіи послѣдовательнаго достаточнаго питанія) не только не вредитъ, но ведетъ къ *увеличенію питанія и укрѣпленію силъ*, какъ доказалъ я экспериментальнымъ путемъ (Biologisches Centralblatt, 1887, Mai u. Juni).

вается тѣмъ, что они въ сущности ничего не могутъ подѣлать съ этими горными птицами.

Словомъ, бытовые условія киргиза таковы, что съ одной стороны они требуютъ борьбы съ лишениями и опасностями, съ другой—не обрекаютъ его на постоянное горе, на безисходную нищету, на рабство и т. п. Они нацрягаютъ его силы, но не побуждаютъ, не истощаютъ ихъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что простота кочевой жизни предохраняетъ до известной степени отъ половатаго и наркотическаго разврата, по крайней мѣрѣ тѣ изысканныя формы его, которые привились къ населенію городовъ Кашгаріи, ему неизвѣстны. Въ результатѣ получается здоровый, цѣльный человекъ, съ живымъ, веселымъ темпераментомъ, воспріимчивымъ воображеніемъ, добродушнымъ и привѣтливымъ, но не лишеннымъ силы сопротивленія характеромъ. Въ своемъ мѣстѣ я показывалъ, что и въ быту киргиза еще остаются многія *privatim desideria*, но все-же въ сравненіи съ кашгарцами ихъ далеко меньше.

Посмотримъ теперь на кашгарца. Онъ прикидывается ко дну глубокаго ящика, котораго стѣны составляютъ высокіе хребты, безплодные и пустынные со стороны Кашгаріи, а самое дно тоже, большею частію, пустыня, какихъ мало встрѣчается, по однообразію, по бѣдности произведеній природы и по постоянству климата. Глина, песокъ, солонцы, гребеники, болото и камышь—вотъ что встрѣчаютъ глаза на сотни верстъ, а на горизонтѣ безнадежная сѣрая рамка скалъ. Изъ климатическихъ переувѣтъ здѣсь человекъ не испытываетъ и половины того, что киргизъ въ своихъ горахъ. Въ теченіи большей части года здѣсь стоятъ жары, зима мягкая, вѣтровъ же и дождей почти совсѣмъ нѣтъ, однообразенъ и образъ жизни. Въ участкахъ, годныхъ къ земледѣлію, занятія тоже весьма однообразны—проведеніе арыковъ, посѣвъ, жатва, наипростейшій уходъ за садомъ, необходимѣйшія хозяйственныя работы, вотъ и все. Въ городахъ, конечно, болѣе разнообразія, есть ремесла и торговля, больше новизны и рав-

влеченія, но все-таки это въ сущности большія деревни, отъ которыхъ отличаются, однако, тѣмъ, что человеку адсье живетъ еще труднѣе, чѣмъ въ деревняхъ. Словомъ, мы видимъ при сравненіи киргиза съ кашгарцемъ, что различіямъ ихъ типовъ соотвѣтствуютъ и многія условія, подъ вліяніемъ которыхъ образовались эти различія двухъ народовъ, принадлежащихъ почти къ одному и тому же племени, ибо арійская примѣсь есть и у киргизъ, хотя въ меньшей степени. Много правды въ той теоріи, которая выводитъ духовныя качества и историческія судьбы народовъ изъ условій природы, которою человекъ окруженъ. Но на практикѣ часто грѣшатъ тѣмъ, что ищутъ слишкомъ много *непосредственности* во вліяніи природы, напримѣръ, поэтическія и художественныя способности народовъ безъ дальнѣйшихъ оцѣнокъ сводятъ на вліяніе прекрасной природы. Существуютъ, конечно, и такія вліянія, но гораздо важнѣе тѣ условія, которыя заставляютъ человека *напрягать свои силы въ борьбѣ съ ними*. Этимъ-то въ немъ вырабатывается та духовная почва, въ которой всходятъ сѣмена художественныхъ вліяній и въ которой зарождается мысль. Есть страны, одаренныя великолѣпной природой, но не породившія даровитаго народа. Напротивъ, страны, гдѣ разнообразіе и красота природы идутъ рука-объ-руку съ необходимостью борьбы всякаго рода, дали наиболѣе выдающихся людей. Свойства тѣлесной организаціи и темперамента распространяются и на *характеръ* въ тѣсномъ смыслѣ слова, чего, впрочемъ, отчасти уже коснулись выше. Вообще я отвѣлъ такое большое мѣсто разбору условій, создавшихъ тѣлосложение и темпераментъ кашгарца, потому, что вліяніе послѣднихъ на проявленіе духовной жизни и исторіи народа огромно и во всякомъ случаѣ больше, чѣмъ это обыкновенно допускается.

Переходя къ частностямъ, не можемъ не замѣтить, что *недостатокъ смѣлости и боеваго упорства*, который встрѣ-

чается у кашгарца, въ значительной степени зависеть отъ физическихъ условій. У нѣсколькихъ авторовъ, писавшихъ о Кашгаріи, есть указанія на эти качества ея жителей („малодушныя“, „плохіе воины“) ¹⁾. Притомъ, вся исторія Кашгаріи подтверждаетъ, что жители ея не отличались воинственностью, хотя междоусобія и возстанія бывали часто. Не только они никогда не были завоевателями, но и при нашествіяхъ на нихъ самихъ рѣдко защищались съ упорствомъ, даже поддавались паническому страху. Къ немногимъ примѣрамъ упорнаго сопротивленія относится борьба возставшихъ турфанцевъ противъ китайцевъ. Рѣдкіе и краткіе періоды, въ теченіи которыхъ Кашгарія выказывала воинскую силу и до нѣкоторой степени импонировала сосѣдямъ, совпадали съ появленіемъ одной энергической личности, а потомъ все возвращалось къ прежнему. Такъ было при Туглукъ-Тимуръ, при Султанъ-Сандъ и Якубъ-бекъ. Последний, въ добавокъ, даже не былъ кашгарцемъ. Весьма естественно, что при значительномъ процентѣ людей слабыхъ и полубольныхъ, трудно было выставить достаточное число крѣпкихъ солдатъ, а при непривычкѣ къ тѣлеснымъ упражненіямъ (кроме верховой ѣзды), при недостаткѣ быстроты и проворства, кашгарскій воинъ долженъ былъ уступать свѣжему кочевнику. Съ другой стороны вялый темпераментъ ведетъ къ недостатку смѣлости, упорства и душевной эдастичности, и при слабыхъ первахъ легко поддается паническому страху. Тѣмъ не менѣе, есть еще одна весьма важная причина, или лучше сказать рядъ причинъ, по которымъ кашгарцу суждено было постоянно играть роль пораженного. Причина эта также кроется въ природѣ страны. Въ военной исто-

¹⁾ Повѣствованія Геродота и Птолемея о доблестяхъ Саковъ относятся къ періоду, когда собственно кашгарской исторіи еще не было, народъ былъ, повидимому, еще не смѣшанный и вообще объ условіяхъ его тогдашняго быта намъ почти ничего неизвѣстно.

риі извѣстны примѣры, что даже храбрыя войска, которые хитростью непріятеля были загнаны въ какія-нибудь тѣсныя безъ выхода, клали оружіе или погибали. Подобныя тѣнины въ большомъ размѣрѣ представляютъ упомянутый ящикъ. Не смотря на большое протяженіе страны, которое казалось бы противилось употребленному мною сравненію, она все-таки въ сущности дѣйствовала въ родѣ мышеловки. Въ самомъ дѣлѣ, уходить и разливаться вдалѣ—препятствовали испанскія стѣны, съ трудными путями и дѣржавами, на которыхъ еще въ наше время бѣглецы погибали массами, основаться же въ этихъ горахъ было невозможно по ихъ безплодности, а тамъ, гдѣ начинаются дуга и лѣса, уже жили кочевые хищники, отъ которыхъ пришельцамъ предстоило истребленіе или, по крайней мѣрѣ, сжиганіе съ ними. Съ другой стороны, внутри самой страны не было убѣжищъ: ни лѣса¹⁾, ни удобообитаемой горы, ни судоходныя рѣки не могли принять и укрыть непокорныхъ. Но и это-бы еще не бѣда, если-бы не было третьяго условія, именно невозможности сопротивленія большими массами, другими словами, существовать недостатокъ *единства*, обусловленный географическимъ характеромъ страны. Не напрасно она называлась „Шестиградіемъ“ (а впоследствии Осьмиградіемъ). Этими выражается дробленіе ея на отдѣльные центры, оазисы, раздѣленные большими безплодными и неудобнопроходимыми промежутками. Знаменитые полководцы, напр., Наполеонъ, часто разбивали сильнѣйшаго непріятеля, нападая на отдѣльныя части его войска и уничтожая ихъ раньше, чѣмъ могло произойти соединеніе. Кангарія въ сущности всегда состояла изъ нѣсколькихъ маленькихъ и беззащитныхъ государствъ, раздѣленныхъ пустынями съ плохими дорогами и несудоходными рѣками, вслѣдствіе чего непріятелю, хотя-бы не очень силь-

¹⁾ Исключеніе представляютъ лѣса около Мараль-баши. Тамъ съ грѣхомъ пополамъ даже могли-бы кормиться стада бѣглецовъ листьями турака, — по крайней мѣрѣ, наши лошади ѣли ихъ *содомъ* *ча* *вдох*.

ному, легко было раздавливать какой-нибудь городъ съ его участками, а затѣмъ, усилившись добромъ и услугами побѣжденныхъ, онъ двигался далѣе, для покоренія остальныхъ. При томъ, вслѣдствіе тѣхъ-же условій, отдѣльные участки мало соединялись общими интересами жизни. Въ добавокъ, даже общее число населенія, благодаря тѣмъ-же природнымъ условіямъ, по величинѣ своей не соответствовало величинѣ страны.

Итакъ, вотъ условія, которыми отчасти можно объяснить частыя завоеванія, перемѣны правительства, а вмѣстѣ съ тѣмъ обезличеніе народа.

Но теперь слѣдуетъ обратиться въ другую сторону. Не смотря на отсутствіе военной доблести, не смотря на нѣкоторыя привычки и внѣшнія условія, подрывающія силу нервовъ и отчасти нравственность, въ кашгарцѣ, какъ мы видѣли, выработались и удержались два очень почитаемыхъ качества—*трудолюбіе* и *честность*. Родителемъ перваго была, какъ и вездѣ, *нужда*, съ которой большинство этого народа борется уже давно. Вслѣдствіе пустынности территоріи, населеніе ея уже въ теченіи вѣковъ остается болѣе или менѣе стаціонарнымъ. Третья часть или половина настоящей цифры могла-бы существовать безбѣдно, даже при маломъ трудѣ, благодаря плодородію нѣкоторыхъ участковъ, рудному производству и пр. Но эта грань давно уже перейдена и поэтому существующая цифра должна трудиться „въ потѣ лица“ и научилась дорожить каждымъ клочкомъ плодородной земли и всеми средствами для удобренія ея. Когда народъ бѣдный чувствуетъ въ себѣ военскую силу и условія его страны способствуютъ набѣгамъ, то онъ скорѣе старается поживиться на счетъ другихъ, онъ привыкаетъ къ набѣгамъ и становится разбойникомъ. Такъ было, напримѣръ, съ туркменами и арабами. У кашгарца не было этой возможности и онъ предпочелъ трудиться.

Но кромѣ грабежа и разбоя бѣдность склонна искать выхода въ воровствѣ и мошенничествѣ, которые доступны и

слабому, между тѣмъ у кашгарца и этого находимъ мало, не смотря на развитіе торговли, которое зачастую идетъ рука-объ-руку съ развитіемъ въ торгашъ дукавства и плутовства. Нѣтъ также двоедушія и подличанья, не смотря на порабощеніе. Чѣмъ объяснить это явленіе? Полагаютъ, что страхъ передъ строгостью наказаній, положенныхъ мусульманскимъ закономъ за воровство и мошенничество, удерживало отъ этихъ преступленій. Напримѣръ Якубъ-бекъ за малое воровство и надувательство рубилъ руку, а за большое рѣзалъ вору горло, какъ барану на бойнѣ; все это дѣлалось всенародно, а несчастные изувѣченные съ незажившей раной должны были ежедневно появляться на базарѣ для позора. Положимъ, что подобныя безчеловѣчныя истязанія и казни должны были производить сильное впечатлѣніе. Подобная-же расправа существовала уже за долго до него, во время до-мусульманскаго періода, какъ упомянуто выше, да и китайскій законъ неособенно мягокъ къ ворами и плутамъ. Но еслибы мы тутъ имѣли дѣло только съ непосредственнымъ страхомъ, то воровали и плутовали-бы, по крайней мѣрѣ, при всякомъ удобномъ случаѣ, т.-е. когда нельзя ожидать возмездія, напр. при отвозѣ товаровъ за-границу, а между тѣмъ этого нѣтъ. Отсутствіе замковъ у дверей тоже чего-нибудь стоитъ. Есть наблюденія въ наукѣ, по которымъ дикія животныя, напр. птицы, живущія въ такихъ странахъ, куда раньше никогда не заходили охотники, оказывались настолько доверчивыми, что подходили къ людямъ и падали массами подъ выстрѣлами ихъ. Напротивъ, молодыя животныя, родившіяся уже послѣ посѣщенія путешественниками данной мѣстности, при первомъ посѣщеніи новыхъ людей уже обращались въ бѣгство. Стало-быть, страхъ, испытанный стариками во время избиенія товарищей ихъ или раненія ихъ самихъ, передавался ихъ дѣтямъ уже въ видѣ *постояннаго качества*, т.-е. въ видѣ осторожности. Возможно, что и нравственные качества людей отчасти слагаются при подобныхъ метаморфозахъ, что напр.

уваженіе къ чужому добру у кашгарцевъ сложилось подъ вліяніемъ повторившихся вѣками жестокихъ наказаній за воровство. Что начало порчи было, это мы видѣли изъ отзавовъ нѣкоторыхъ путешественниковъ, которые жаловались на плутовъ особенно въ Кашгарѣ. Но далеко она не пошла и въ этой обстановкѣ, быть можетъ, отчасти участвовали строгія мѣры, при наслѣдственной передачѣ впечатлѣній. Впрочемъ, повторяю, отчасти, ибо по моему мнѣнію есть другіе, болѣе глубокіе источники нравственности, и современная теорія наслѣдственности далеко не все объясняетъ. Одинъ изъ такихъ источниковъ есть привычка къ *упорному труду*, въ свою очередь порожденному нуждою. Трудъ облагораживаетъ душу, онъ, такъ сказать, встряхиваетъ ея вымѣиваетъ изъ нея сѣмена порчи. Вотъ почему собственно народъ, ведущій большею частию терпкую и трудовую жизнь почти во всѣхъ странахъ представляетъ нравственно здоровый элементъ. А порча даже въ странахъ поработенныхъ распространяется лишь на тѣ слои, которые живутъ чужимъ трудомъ. Такъ и въ Кашгарѣ сословіе бековъ дѣйствительно не учѣсло, это народъ жадный, жестокий и въ то-же время подличающій передъ китайцами. Не даромъ уже въ прошедшемъ столѣтіи китайскій географъ писалъ: «сильный здѣсь угнетается безсильнаго». *Къ этому же относится и то, что мы знаемъ* о монголахъ. Возможно, наконецъ, что порядочности кашгарскаго народа, т.-е. большей массы, споспѣвуютъ *племенные особенности*. Монголы и Тюрки, при воинскихъ нашествіяхъ своихъ не разъ наводили ужасъ на Азію и Европу, но, тѣмъ не менѣе, въ основаніяхъ характера ихъ много добродушія и прямодушія, чего нельзя не замѣтить при ближайшемъ съ ними знакомствѣ. Кашгарцы, воспріявшіе столько тюркскихъ и монгольскихъ элементовъ, конечно, во многомъ утратили первоначальную свѣжесть и силу этихъ варваровъ, но все-же національная солидность и нравъ отчасти сохранился. Что касается склонности кашгарцевъ къ *тягбамъ* и воз-

мущеніямъ, о которой пишутъ китайскіе географы прошедшаго столѣтія и которая какъ-бы подтверждается частыми переворотами, тотъ высказался уже выше о причинахъ этого явленія.

Интересенъ вопросъ, почему именно въ В. Туркестанѣ сладострастіе, попойки и наркотизмъ сильнѣе развиты, чѣмъ въ другихъ восточныхъ странахъ? Послѣдній въ настоящее время очень распространенъ и въ Западномъ Туркестанѣ; но въ Восточномъ его уже въ прежніе вѣка замѣняли попойки, который на остальномъ Востоке были и остались исключеніями; въ послѣдствіи отъ вина перешли къ наркотикамъ. Объ изобиліи вольнаго поведенія женщинъ также давно упоминають и до сихъ поръ вѣдять въ Кашгарію за дешевыми женами, т. е. по-просту за наложницами.

Съ одной стороны, раннее развитіе торговли повлекло за собою вольныя привычки и разгулъ, какъ это всегда бываетъ въ бойкихъ мѣстахъ и здѣсь тѣмъ болѣе, что почти не было противобѣса въ видѣ воинскихъ удраженій и походовъ, которые хоть на время отвлекають человѣка отъ наслажденій. Затѣмъ здѣсь, очевидно, рано появился пролетаріатъ на ряду съ богатствомъ отдѣльныхъ лицъ, а все это способствовало какъ и теперь, продажности женщинъ; людей имущихъ завлекало въ сладострастіе и развратъ, на что, вѣроятно, и разслабляющія жары этой страны имѣли нѣкоторое вліяніе. Здѣсь уже въ старину женщины были свободнѣе и существовали сносоходительный взглядъ на брачныя грѣшки. Самая свобода женщинъ, вѣроятно, произошла подъ вліяніемъ буддистскихъ ученій. При болѣе здоровомъ развитіи народныхъ силъ, въ теченіи послѣдующихъ вѣковъ она могла бы сдѣлаться залогомъ процвѣтанія, но при стеченіи остальныхъ невыгодныхъ условій получилось обратное. Нищета и порабощеніе, съ другой стороны, повели къ наркотизму. Когда нужда является передъ человѣкомъ въ такомъ видѣ, что съ нею бороться еще возможно, то она,

становится великою благодѣтельницею, приучая къ труду и честности. Когда она слишкомъ велика, то, напротивъ, ломаетъ челоѡка, увлекаетъ его въ развратъ, рабство или преступленіе. Словомъ, происходитъ тоже, что при избыткѣ физическаго упражненія: умѣренная работа мускуловъ увеличиваетъ ихъ силу и укрѣпляетъ здоровье, чрезмерное — ведетъ къ атрофіи, къ спинной сухоткѣ и другимъ болѣзнямъ. Въ обществѣ, которое вѣками борется съ нуждою, можно наблюдать рядомъ оба явленія: съ одной стороны вырабатываются скромныя и честныя труженники, и эти, къ счастью, обыкновенно оставляютъ большинство, а на периферіи этой здоровой массы движется ободокъ противоположнаго свойства — люди падшіе. Впрочемъ, далеко не всегда такъ рѣзко распределены эти различія между отдѣльными людьми. Нерѣдко наблюдаются люди, которые вѣщаютъ въ себѣ обѣ противоположности, т. е. рядомъ съ выработанною вѣками трудовую энергію и смѣленность въ нихъ обнаруживается сильная склонность къ пьянству или сладострастію, или къ болѣзнямъ физическимъ или преступленію и т. д. Душа такихъ людей нерѣдко представляетъ картину борьбы свѣта съ мракомъ. Часто побѣждаетъ послѣдній, но при измѣнившихся условіяхъ побѣда можетъ остаться и за первымъ. Забота о томъ, чтобы облегчить ему эту побѣду, есть задача педагогическаго и соціальнаго воспитанія, что есть задача и нашего общества.

Умственное развитіе. По нѣкоторымъ арабскимъ источникамъ, Кашгарія въ средніе вѣка произвела ученыхъ по различнымъ отраслямъ наукъ, но это, повѣдливо, были весьма посредственныя величины, не доставившія за собою слѣда. Уже не упоминаю о Европѣ, но даже если, напримѣръ, пересмотрѣть подавляющій списокъ свѣтилъ арабской науки и поэзіи (въ томъ числѣ уроженцевъ Западнаго Туркестана), то напрашивается вопросъ: почему Восточный Туркестанъ, бывшій въ постоянныхъ сношеніяхъ съ остальною среднею Азіею,

съ Китаемъ и Индією, не произвелъ ничего подобнаго, и почему до сихъ поръ этотъ народъ не обладаетъ способностями, за исключеніемъ развѣ торговыхъ, ремесленныхъ и музыкальных? Вопросы этого рода въ настоящее время еще очень трудно поддаются удовлетворительному рѣшенію, но, вѣроятно, въ этомъ явленіи участвовали слѣдующія причины. Не смотря на арійскій корень, едва-ли будетъ ошибочнымъ считать кашгарцевъ скорѣе тюрками, чѣмъ арійцами, во всякомъ случаѣ въ нихъ монголизма болѣе, чѣмъ въ жителей западныхъ частей Азіи, куда меньше проникло монголовъ; между прочимъ, слѣдуетъ вспомнить о формѣ головы кашгарцевъ, приближающей ихъ къ киргизамъ (тюркамъ). Тюркскіе же и вообще монгольскіе народы пока не принадлежатъ къ передовымъ. Европейскіе турки, не смотря на близость къ нимъ цивилизации, до сихъ поръ остались варварами. Въ слѣдствіе неразгаданныхъ еще причинъ, корни которыхъ теряются въ мракъ тысячелѣтій, до высочайшихъ вершинъ чело-вѣческаго творчества и мышленія до сихъ поръ доходили только двѣ семьи народовъ—арійцы и семиты¹⁾. Монголы же, въ особенности въ лицѣ китайцевъ и японцевъ, развились и прильпились къ низшимъ ступенямъ—торговлѣ, ремесламъ, къ практическимъ знаніямъ и изобрѣтеніямъ. Положимъ, что и число жителей В. Туркестана никогда не было значительнымъ, а чѣмъ больше народъ, тѣмъ болѣе вѣроятія порожденія имъ выдающихся личностей. Но все-же это условіе изъ маловажныхъ. Мы знаемъ довольно примѣровъ, гдѣ небольшіе народы давали много талантливыхъ, даже гениальныхъ людей. Таковы были голландцы, греки, даже евреи, которые въ древности многочисленностью еще не отличались. Выгодное въ торговомъ отношеніи положеніе страны и нахожденіе въ ней нѣкоторыхъ минеральныхъ богатствъ рано направили кашгарцевъ на путь торговли и ремесленного ис-

¹⁾ Къ семитамъ, какъ извѣстно, относятся арабы и евреи и, можетъ быть, египтяне.

куства, и всякіе другіе болѣе идеальныя пути развитія заглохли. Они даже занимались банковскими оборотами, о чемъ, по крайней мѣрѣ относительно Уйгуріи, въ тѣсномъ смыслѣ слова, есть указанія.

Кашгарія не была единымъ и могущественнымъ государствомъ, куда-бы подъ вліяніемъ какихъ-нибудь даровитыхъ и сильныхъ монарховъ стекались изъ далекихъ мѣстъ ученые и художники, книга (за исключеніемъ буддійскихъ), рѣдкія произведенія искусства, ученые пособия и т. д. Это—одна изъ вѣроятныхъ причинъ ея застоя по части развитія наукъ, тѣмъ болѣе, что она безчисленное число разъ подвергалась нашествіямъ, поработеніямъ и перемѣнамъ правленія. Торговлю, земледѣіе и ремесла легче возобновлять послѣ такихъ погромовъ, но истребленіе сокровищницъ науки и искусства и изгнаніе ихъ представителей оставляетъ глубокіе слѣды, даже въ странахъ, гдѣ обнаруживались задатки высшаго развитія. Тѣмъ болѣе опустошенія должны были низвести какую-нибудь Кашгарію. Въ настоящее время она рѣшительно относится къ странамъ, представляющимъ регрессъ, т. е. пониженіе благосостоянія и развитія. Торговля очевидно и значительно уменьшилась, отчасти вслѣдствіе открытія новыхъ путей сообщенія, особенно моремъ. Эксплоатація руднаго богатства пріостановилась вслѣдствіе вышесказанныхъ причинъ. Движенія вообще меньше, тѣмъ когда-нибудь; народъ предоставленъ себѣ и тѣмъ незавиднымъ образчикамъ, которые доставляютъ ему китайскіе подонки.

Говоря о регрессѣ, я, однако, долженъ оговориться, что, по моему мнѣнію, при явномъ наружномъ регрессѣ въ учрежденіяхъ, политическомъ строѣ и т. д., въ умѣхъ народа въ то же время можетъ совершаться и нѣрѣдко фактически совершается скрытый прогрессъ, т. е. созрѣваютъ сѣмена такихъ качествъ, которыя необходимы для прогресса, и при какомъ-нибудь значительномъ толчкѣ извнѣ или изнутри (въ лицѣ великаго человѣка и пр.) они вдругъ пускаютъ ростки.

Только этимъ можно объяснить, почему иногда варварское въ виду государство въ какой-нибудь данный моментъ надбавляетъ сапоги-скороходы и быстро догоняетъ цивилизованныхъ своихъ братьевъ. Такъ было, напр., съ Японіею. Еслибы ея новѣйшіе реформаторы были семи пядей во лбу, то и тогда она бы не ухитрилась сдѣлать половину того, до чего дошелъ этотъ народъ, благодаря накопившемуся въ немъ запасу прогрессивныхъ душевныхъ силъ. Особенно на два качества считаю нужнымъ указать, которые вырабатываются въ ками, даже при самыхъ грустныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ и совершенно незамѣтно для поверхностнаго наблюденія, а затѣмъ при улучшеніи внѣшнихъ условій, вдругъ привлекаютъ къ себѣ вниманіе, становясь подножіемъ внѣшняго прогресса, который безъ нихъ невозможенъ. Первое есть *трудолюбіе* или рабочая сила. Я уже высказался въ другомъ мѣстѣ, что эта сила, постепенное появленіе которой у различныхъ народовъ подтверждается исторіею, есть одно изъ ясныхъ доказательствъ нравственнаго прогресса человечества. Такъ, напр., германцы, которые 1800 лѣтъ тому назадъ славились лѣнностью и безпечностью, теперь одинъ изъ трудолюбивѣйшихъ народовъ, хотя многія другія качества ихъ характера и теперь еще настолько сохранились, что напоминаютъ описаніе Тацита. Вообще, количество рабочей силы у народовъ распределено пропорціоально отдаленію ихъ отъ кочевой или полукочевой жизни и пропорціонально степени борьбы съ нуждою и препятствіями, которыя пришлось имъ выдержать. Меньше всего ея у тѣхъ, которымъ всегда жилось привольно, среди благодатной природы и безъ стѣсненія. Другое качество, которое прививается человѣку жизнью, есть *миролюбіе*. Какъ-бы ни смотрѣть на споръ о возможности или невозможности вѣчнаго мира, но, при внимательномъ сравненіи различныхъ историческихъ періодовъ и различныхъ народовъ, невозможно не придти къ выводу, что не только внѣшнія условія, но самое *располо-*

женіе къ дракѣ и ссорамъ у людей понемногу уменьшаются. Не только видимъ, что именно *дикия* племена погружены въ постоянныя войны, но чѣмъ дальше глядимъ назадъ въ свое собственное прошлое, тѣмъ чаще видимъ войны народа съ народомъ, въ одной и той-же странѣ безпрестанныя походы города на городъ, мало того, въ одномъ и томъ-же городѣ фамиліи ополчаются на фамиліи, улицы на улицы. Отдѣльныя лица то-и-дѣло выходили на поединокъ изъ-за причинъ, которыя теперь возбуждаютъ улыбку. Не по тому вообще драки стали рѣже, что онѣ сопровождаются большимъ раззореніемъ, — напротивъ, прежнія войны нерѣдко влекли за собою большія бѣдствія, вырѣзываніе цѣлыхъ городовъ и народовъ, опустынія цѣлыхъ округовъ, эпидеміи, уничтожавшія по половинѣ и по двѣ трети всего населенія, и т. д. И даже большее развитіе ума не можетъ быть единственнымъ объясненіемъ сравнительной рѣдкости ссоръ и войнъ, а нужно принять, что и характеръ человѣка цивилизованнаго становится менѣе раздражительнымъ и мы находимъ удовольствіе уже не въ томъ, въ чемъ находили его наши предки. И теперь еще есть люди, для которыхъ ссоры составляютъ необходимую приправу жизни; они-то и доставляютъ намъ мѣрило для сужденія объ обществѣ прежнихъ временъ, когда большинство его членовъ походило на этотъ отсталый и вымирающій типъ. Рядомъ съ уменьшеніемъ частныхъ дракъ и народныхъ войнъ видимъ развитіе въ людяхъ сознанія общности происхожденія. Народцы и народы, прежде считавшіе себя другъ-другу чуждыми и вслѣдствіе настаивавшіе на существующей розни въ характерѣ, языкѣ и обычаяхъ, — потомъ начинаютъ замѣчать родственныя между собою черты, что, конечно, совершается при участіи науки и историческихъ событій. Сначала объединяются государства, прежде состоявшія изъ отдѣльныхъ маленькихъ государствъ и народцевъ родственнаго происхожденія, потомъ начинаютъ поговаривать о союзѣ родственныхъ націй, напр. славянъ, ла-

тинцевъ, германцевъ. А, наконецъ, придетъ время, когда и эти рамки покажутся слишкомъ узкими, когда неприязнь, нынѣ столь часто возникающая между латинцами, греками, германцами или славянами, покажется нелѣпою и безнравственною, и племена эти начнутъ смотрѣть другъ на друга, какъ на братьевъ по происхожденію. Основаніе этому уже и теперь положено. Языкознаніе и Антропология неопровержимо доказали, что всѣ они представляютъ сучья одного мощнаго и благороднаго арійскаго ствола, раздѣлившагося на побѣги еще въ глубокой древности.

Въ смыслѣ только что изложеннаго взгляда на развитіе условий для прогресса, возможно, что и народъ Кашгаріи, не смотря на глубокой застой и отсталость, носить въ себѣ сѣмена для лучшаго будущаго и лишь ожидаетъ освобожденія отъ китайскаго режима, служащаго въ настоящее время представителемъ давно прошедшихъ временъ. Въ отношеніи физическаго развитія и связанной съ нимъ свѣжести и живости темперамента и характера, кашгарецъ отсталъ отъ своего кочеваго сосѣда. Но онъ его далеко опередилъ по части трудолюбія и даже миролюбія, а при иныхъ порядкахъ, при радикальномъ измѣненіи социальна-политическаго строя, онъ, вѣроятно, замѣтно подался-бы впередъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ сопровождалось-бы и улучшеніемъ физическаго типа. Уже одно улучшеніе санитарнаго состоянія городовъ и преслѣдованіе наркотическаго разврата было-бы важнымъ шагомъ впередъ. Правду сказать, даже въ русскомъ Туркестанѣ на послѣднюю статью и на безобразіе бачей до сихъ поръ слишкомъ мало обращаютъ вниманія, но есть основаніе допустить, что въ недалекомъ будущемъ додумаются до этого. Уже въ видахъ охраненія общественнаго порядка необходимо принять какія-нибудь новыя мѣры. Достаточно указать на то, что въ Ферганѣ нерѣдко совершаются убійства „безпричинныя“, т. е. подъ вліяніемъ одуренія отъ гашиша.

ВОЗВРАЩЕНИЕ.

Отправление въ горы.—Встрѣча съ караваномъ.—Холодный ночлежь.—Дѣта кавказскихъ лошадей.—Убийственный вѣтеръ.—Китайскій постъ.—Пустынь природы Кокшаля.—Тонка помощью стеариновыхъ свѣчей и масла.—Бедель.—Ночлежь у подножія его.—Причины красоты вида съ высоты.—Сно-видѣніе.—Выступленіе къ перевалу.—Крутой подъемъ къ Урта-Кургану. Калоша джигита.—Затрудненія при подъемѣ на перевалѣ.—Крутость и высота Беделя.—Сартовская женщина.—Припадки горной болѣзни.—Критическое положеніе надъ пропастью.—Ночлежь въ юртѣ.—Появленіе травы и измѣненіе ландшафта.—Характеристика высокаго плоскогорья и вліяніе разре-женнаго воздуха.—Ущелье Кашка-су и трудный спускъ.—Ледники.—Еловый дѣсь.—Путь по ущелью Зука и предвѣстникъ обитаемаго мѣста.—Прибытіе въ Саявину и въ Караколь.—Ощущенія возвращающагося путешественника.

Утромъ 19-го октября мы оставили послѣднее жилье люд-ское и отправились искать общества скалъ, свѣговъ и обла-ковъ. Сначала бродили еще нѣсколько времени среди опу-стѣлыхъ полей деревни, потомъ вышли на горную тропу, идущую въ сѣверо-западномъ направленіи, при ровномъ, но постоянномъ и замѣтномъ подъемѣ. Очень высокихъ горъ пока не видно было впереди, но горизонтъ застилался ши-рокими зазубренными массами, выросавшими одна за дру-гой, и конца имъ не было. Кругомъ ничего кромѣ темнаго камня, развѣ изрѣдка пучекъ хвоща или колючаго кустар-ника. Все мертво, сурковыхъ норъ по этой дорогѣ нигдѣ не видали и не встрѣтили даже ни одной птицы. Горныя породы по пути къ Беделю чаще всего встрѣчаются *слан-цевыя*. Вообще въ хребтѣ Кокшаль (Мушкетовъ) преоблада-ютъ *горные известняки*. Камень, изъ котораго состоитъ вер-хушка Беделя, оказался тальковымъ сланцемъ.

Часовъ около 3-хъ по полудни подошли къ крутому спу-ску въ ущелье *Уйталъ*. Передъ спускомъ направо отъ до-роги стоитъ сложенная изъ камней заброшенная башенка или караулка. Ее аксакалы нашъ называлъ *Караулъ-Топе*, по маршруту-же г. Сунаргулова, проходившаго черезъ Бедель въ 1877 г., этимъ именемъ называется мѣсто по *ту сторо-*

ну Беделя. Джигиты, впрочемъ, заявили, что на сѣверномъ спускѣ съ Беделя, верстахъ въ 12-ти отъ верхушки перевала, есть холмикъ (между рѣчками Бедель и Бозъ-Джалъ-Пакъ), который назывался *Караулъ-топе* или *тобе*; караула, впрочемъ, никакого тамъ нѣтъ и не было.

На днѣ ущелья, на лѣвомъ берегу рѣчки *Уйталъ*¹⁾ назначенъ былъ ночлегъ. Спустившись туда, мы увидѣли, къ удивленію и удовольствію нашему, разведенный костеръ и неподалеку отъ костра зеленую палатку, людей, хлопотавшихъ около нея и развьюченныхъ лошадей. Это былъ шедшій въ Караколъ кашгарскій купеческій караванъ, который въ слѣдующіе дни шелъ вмѣстѣ съ нами, но за Беделемъ отсталъ на цѣлый переходъ. Высокія и крутыя стѣны ущелья состоятъ изъ сѣраго, голаго конгломерата. На противоположномъ берегу рѣки растутъ жидкій и корявый тополе-вый лѣсъ, въ которомъ караваны запасаются топливомъ на остальной путь. По дорогѣ здѣсь и далѣе вверхъ попадаетъ, какъ единственный представитель растительности, темно-цвѣтныи колючій кустарникъ *бадалъ* (*Lycium?*). Онъ почти весь состоитъ изъ большихъ твердыхъ шиповъ, листьявъ незамѣтно, но есть плотносидящія очень маленькія темнокрасныя ягодки кисловатаго вкуса. Пока раскидывали наши палатки, я замѣтилъ прошмыгнувшаго внизу зайца. Солнце уже скрылось за стѣнами ущелья, и холодъ давалъ себя чувствовать. Всю ночь горѣлъ костеръ, около котораго отогрѣвался часовой и это затѣмъ повторялось еще четыре ночи сряду. Благодаря двумъ шубамъ, я спалъ въ теплѣ, но вставать было куда какъ непривѣтливо; въ моемъ кофѣ было—20 R. Затопили было печку, но толку отъ этого было мало, главная надежда въ этихъ случаяхъ на горячій чай и на шубы. Лошади на этомъ ночлегѣ уже питались однимъ тѣмъ кор-

¹⁾ Ее также называютъ *Бедель*, такъ какъ она течетъ изъ подножія этой горы на юго-востокъ.

момъ, который везли съ собою. Оказалось, что джигиты никакого клевера не сочли нужнымъ принасти и попросили у насъ. Такъ какъ имъ было впередъ извѣстно, что мы захватили запасъ только для своихъ лошадей и притомъ предстояло кормить изъ вьюка не день, а дня три по крайней мѣрѣ, то я подивился ихъ безпечности, но они прибавили „если нѣтъ лишняго, то можно и безъ корму“. Другими словами, киргизъ въ такихъ случаяхъ игнорируетъ потребность въ пищѣ у лошади и все-таки увѣренъ, что она его пронесетъ по такимъ мѣстамъ, гдѣ не пройдетъ сытая и сильная деревенская лошадь. На этомъ и на слѣдующемъ ночлегѣ мы имъ дали половину порціи, а на третьемъ, именно передъ переходомъ чрезъ Бедель, ихъ кони по нашему мѣрилу все равно, что ничего не ѣли, однако, по ходу ихъ никто-бы этого не могъ предположить.

Утро было ясное, но во весь этотъ и въ особенности на слѣдующій день намъ дулъ на встрѣчу убійственно рѣзкій вѣтеръ. Трудно себѣ представить, до какой степени такой вѣтеръ, вольно гуляющій по обнаженнымъ вершинамъ, обостряетъ дѣйствіе холода. Казалось-бы, что значить температура въ $+1$ или $+2^0$ при теплой одеждѣ, а между тѣмъ подъ напоромъ этого вѣтра мало-по-малу можно совсѣмъ окоченѣть. Я нѣсколько разъ садился въ носилки, гдѣ, по крайней мѣрѣ, нижняя половина тѣла защищалась кошками, которыми они были выстланы, но все-таки не разъ принужденъ былъ выходить и идти пѣшкомъ, чтобы согрѣться. Точно также слышивались по временамъ и казаки. Въ первый разъ въ эти дни они не ѣли, видно пѣни ихъ застывали въ гортани. Самая дорога становилась труднѣе и труднѣе. Она идетъ то по правой, то по лѣвой сторонѣ рѣки, то вверхъ, то внизъ, то лѣзетъ по склону горъ; препятствія ея состояли, главнымъ образомъ, въ нагроможденіи большихъ камней, которые мѣстами достаютъ лошадямъ до брюха, такъ что до

рогъ въ общензвѣстномъ смыслѣ слова нѣтъ рѣчи; и лошадямъ нужно много довкости, чтобы не повредить себѣ ногъ. Горы по бокамъ ущелья высокія и шокрыты снѣгомъ до самаго ущелья. Въ мѣстахъ, гдѣ рѣчка обжитъ стремительно, она еще была свободна отъ льда, въ болѣе тихихъ мѣстахъ держалъ лошадей. Не доходя до половины, приходится останавливаться въ укрепленицѣ, гдѣ живетъ 3 чедов. китайскихъ солдатъ, осматривающихъ билеты проѣзжающихъ. На картѣ оно названо *Ибрай*, проводники же его называютъ *Бырынче-караулъ*. Это скорѣе пикетъ или караулъ, построенный изъ мѣстнаго камня и снабженный небольшимъ дворомъ съ воротами, чрезъ который и надлежитъ проѣхать. Имѣлось ли у хвостатаго гарнизона какое-нибудь оружіе, неизвѣстно, — воины выходили по обыкновенію безъ признаковъ своего званія, въ синихъ кофтахъ и юбкахъ. Не веселое должно быть житье ихъ въ этомъ голомъ, холодномъ каменномъ гнѣздѣ, вдали отъ всего живаго. Впрочемъ, на дворѣ пикета расположена кибитка нѣсколькихъ киргизскихъ семей, которыя здѣсь находятъ для посылки. Скотъ ихъ кормится соломой, которую привозятъ на вьюкахъ снизу, изъ ближайшихъ деревень (т. е. с. верстахъ 40) и арба ихъ возмываетъ округою до Дорогою живомногихъ мѣстахъ видѣлись бывшія ключья ваты, на дщинахъ и вышеупомянутой колючаго икустарника: это шедшій впереди насъ караванъ пробирался между колючкой, оставляя на нихъ слѣды хлопья, который онъ везъ въ Караколъ. Кое-гдѣ слышались крики рыбчиковъ, и выходы этихъ птицъ убегали отъ насъ въ горы. Вѣроятно, они питаются ягодами колючки, иначе трудно придумать, чѣмъ бы могли они существовать въ этой пустынѣ. Должно отъ этой Второй кочевой полегать намъ быть въ *Ал-текѣ* — закрытой съ сѣвера площадкѣ, на берегу рѣчки того же имени. Прибыли часа въ 4 пополудни, окончившими отъ неумавшагося вѣтра. На этотъ разъ, какъ только поставили кошъ, я обратился къ помощи моей печки, но держась вновь

придуманного мною способа топки. Дровъ, т.-е. точнѣе хвороста во-первыхъ было очень въ обрѣзъ; чтобы имѣть ихъ больше, требовалось-бы больше животныхъ, а съ чѣмъ послѣднихъ, въ свою очередь, увеличился-бы кормовой выюкъ. Кроме того, слѣдовало имѣть въ виду возможность различныхъ задержекъ и непріятныхъ случайностей, напр. бурановъ и беречь топливо насколько возможно. Наконецъ, при вѣтрѣ печка дровами очень трудно растоплялась и наполняла юрту дымомъ. Поэтому и велѣлъ употреблять топливо только для костра, а самъ обратился къ болѣе компактному горючему матеріалу, котораго предвидѣлся остатокъ съ излишкомъ, именно къ стеариновымъ свѣчамъ, къ аптечному деревянному маслу, къ спуску и къ столовому маслу, которое мнѣ поднесъ аксуйскій аксакалъ. Прежде всего и сталъ разогрѣвать чайникъ стеариновыми свѣчами, для чего 3—4 огарка разомъ зажигались, и вода скоро достигала кипѣнія. Еслибъ не это, то я былъ-бы въ большомъ затрудненіи. Потомъ тотъ-же способъ былъ приложенъ къ печкѣ: на блюдечко клалось нѣсколько огарковъ или нѣсколько столовыхъ дожекъ масла или спуска, туда-же клочъ ваты, затѣмъ блюдечко вставлялось въ печь и вата зажигалась. Не смотря на раскаленіе печки, температура въ серединѣ коша не поднималась выше 2 или 3⁰ R. и то только пока поддерживался огонь. Въ казачьей-же палаткѣ такая температура стояла сама по себѣ и притомъ удерживалась дольше, благодаря большому количеству людей, отчасти, впрочемъ, ее пригрѣвалъ и костеръ. Ради лучшаго согрѣванія я опускался на полъ¹⁾ передъ самой печкой, поворачивался къ ней то бокомъ, то спиной, даже садился на нее, подложивъ сырую кошму и такимъ образомъ удалось провести вечерніе часы въ относительномъ теплѣ, не спуская при этомъ, конечно, мѣховаго пальто съ плечъ. Правду сказать, не легко мнѣ доставалось это препровожденіе времени, — я обратился въ коче-

1) Роль пола въ такихъ палаткахъ тоже играетъ кошма.

гара, весь вечеръ то и дѣло нужно было подливать или под-
 кидывать, руки были въ сажѣ, голова тяжѣла отъ сальна-
 го чада. О раздѣваніи или какихъ-нибудь занятіяхъ въ те-
 ченіи 5—6 дней и думать нельзя было. Во время пребыва-
 нія моего въ Амурскомъ краѣ, мнѣ случалось быть въ до-
 роги въ такіе морозы, что хересь замерзала въ моемъ по-
 грѣбцѣ, но такой постоянной борьбы съ холодомъ не испы-
 тывалъ, потому что чрезъ какіе-нибудь 2—3 часа тѣды слѣ-
 довалъ интервалъ на теплой станціи. И все-таки слѣдуетъ
 прибавить, что въ путешествіяхъ подобныхъ настоящему,
 кошомная палатка или юрта представляетъ такую гарантію,
 которая можетъ спасти проѣзжаго. Великое ея значеніе въ
 томъ, что она удерживаетъ вѣтеръ, а въ немъ-то вся суть.
 Хотя-бы температура внутри палатки была такая-же, какъ
 на дворѣ, но когда нѣтъ вѣтра, то при помощи шубъ, чай-
 ника, даже безъ топки, можно жить. Кромѣ того, палатка
 защищаетъ отъ снѣга, что тоже очень важно во время бу-
 рана. Когда одинокіе джигиты проходятъ по этимъ пусты-
 нямъ, они обыкновенно имѣютъ при себѣ полосу кошмы, въ
 которую на остановкахъ завертываются на-глухо и это имъ
 замѣняетъ палатку или кошъ.

Кромѣ холода начинала заявлять о себѣ и рѣдкость воз-
 духа. При движеніяхъ легко появлялась усталость и одышка,
 изъ чего можно было заключить, что мы уже поднялись на
 значительную высоту.

Утромъ 21-го, когда я проснулся въ кошѣ, было —3°, а
 снаружи —5° R. и вскорѣ возобновился убійственный вѣтеръ,
 которому нужно было идти навстрѣчу. Часа черезъ 2 хода
 мы прошли мимо рабата *Агачь-Акуль*. Это заброшенный ка-
 менный пикетъ, въ которомъ есть помѣщеніе для людей и
 для лошадей. Во время бурана онъ можетъ служить убѣжи-
 щемъ, въ особенности когда нѣтъ палатокъ. Здѣсь снѣгъ въ
 самое теплое время еще сходить, но лишь мѣстами, и то не
 надолго. Послѣ полудня вѣтеръ, къ общему удовольствію,

стать стихать, солнце стало греть и въ то-же время мы, наконецъ, увидѣли начало конца: при одномъ поворотѣ, откуда открывался видъ на длинное русло ущелья, джигиты № 1 вытанулся на стременихъ и, указывая рукой впередъ, произнесъ: „Беделя“. Мы увидѣли вдали внушительную конусовидную бѣлую шапку, вставленную между двумя сѣрыми массами. Казалось, можно-бы и перевалить сегодня, но проводникъ отсодѣловалъ, предлагая лучше отложить до слѣдующаго утра, и мы на другой день убѣдились, что совѣтъ былъ дѣльный. Направо отъ дороги, въ закрытомъ догу¹⁾, мы вскорѣ увидѣли выступившій нѣсколько раньше насъ купеческій караванъ, который также расположился для ночлега, хотя былъ только 2-й часъ въ началѣ. Туда-же повернули и мы. Дно дога было обнажено отъ снѣга, тогда какъ въ главномъ ущелии уже не было свободного мѣста. Изъ этого дога течетъ рѣчка *Ахъ-теке*, которая вмѣстѣ съ другой рѣчкой, текущей изъ-подъ Беделя, составляетъ р. Уйталъ²⁾. Скоро нашъ лагерь получилъ оживленный видъ. У сартовъ уже стояла зеленая палатка, около которой, въ видѣ вады и для защиты отъ вѣтра, располагались тюки съ ватой. Нѣсколько выше раскинулись наши палатки. Кругомъ на различныхъ равстояніяхъ группами стояли лошади и дѣкали различныя части вьюка. Костры задымились, лошади ржали, люди сновали туда и сюда, хлопоча кто надъ варкой пищи, кто надъ кормомъ лошадей, и т. д. Въ сартовскомъ караванѣ, между прочимъ, ѣхали 3 женщины, которыя тамъ хозяйничали; у насъ, по обыкновенію, кашеваромъ былъ Дементій, которому поочередно помогали казаки. Сегодня шла у насъ послѣдняя мясная порція изъ купленного въ деревнѣ барана, другаго достать тамъ не могли, поэтому остальной путь предстояло идти на вегетаріанской пищѣ, — о чемъ, впрочемъ, люди, повидимому, не тужили.

1) Мѣсто это называется *Бесъ-курганъ*.

2) Мѣсто впаденія называется *Ахъ-теке-чаты*.

Съ прекращеніемъ злого вѣтра, стало настолько хорошо, что всѣ оттаяли, а когда насытились и стали пить чай, то людьми наименѣе овладѣло необыкновенное оживленіе, на что, вѣроятно, не безъ влияния оставался видъ Беделя, общающагося близкій конецъ скитанія и возвращеніе въ „Рассею“. Пѣсни за пѣсней выливались у казаковъ, одна другой веселѣе, юмористическіе рассказы Софронова, шутки и задумчивый хохот перемежались, заглушая журчаніе бѣжавшей вдоль логарѣвки и шорохъ лошадей. Киргизскихъ лошадей на эту ночь подгнали въ окрестныя щели „кормиться“. Хотя кругомъ видѣлись нѣкоторые мѣста, обнаженные отъ снѣга, но вообще горы представлялись совершенно голыми, каменными массами, гдѣ казалось не было ни намѣка на кормъ. Лишь на слѣдующее утро, когда мы проходили мимо одного такого мѣста, я успѣлъ разглядѣть, что тамъ точно торчали кое-какія былинки, но, во всякомъ случаѣ, онѣ относились къ настоящей травѣ такъ, какъ пухъ на лысой головѣ къ настоящимъ волосамъ.

Наступили сумерки и голоса стали стихать. Надъ горой, возвышавшейся противъ нашего лагеря по ту сторону ущелья, взошла луна. Хотя она была въ половинѣ, но воздухъ былъ очень прозраченъ и лучи ея разливали уже яркій свѣтъ. Въ третій разъ за этотъ походъ, я ее увидѣлъ прибывающею, — буду-ли дома, когда она въ третій разъ нальется до полного круга? Что намъ скажетъ этотъ старый великанъ, котораго обликъ мы увидѣли изъ ущелья? Терпѣливо-ли онъ дастъ верейницъ дерзкихъ муравьевъ переползти чрезъ свою бѣлую годову, или сдуетъ ихъ и скомкаетъ? Тишина и ясность воздуха позволяли надѣяться на благополучный день. Мы находились на высотѣ, вѣроятно, не менѣе 12.000 фут. надъ уровнемъ моря, поднявшись на исполинскую крышу, тянущуюся поперекъ хребта верстъ на 100 въ приблизительно одинаковомъ поднятій, не считая нѣсколькихъ еще болѣе высокихъ башенъ, къ которымъ относится Бедель и его со-

свиди. Словомъ, этотъ горбикъ Тянь-шаня то-же дѣло въ родѣ «Крыши міра». Когда мы взоидемъ на высокую крышу, на башню или гору, то все лежащее внизу получаетъ поэтическую окраску. Ты самыя деревья, поля, хижины, дворы, группы людей, стада и т. д., мимо которыхъ вблизи проходимъ равнодушно; теперь становятся привлекательными линіями живописной картины. Это такъ называемый «видъ съ высоты». Но что такое собственно этотъ «видъ», почему объяснить такое превращеніе будничной прозы въ поэзію? Оно происходитъ у всѣхъ на глазахъ и, вѣроятно, поэтому считается дѣломъ очень простымъ. Между тѣмъ, процессъ, благодаря которому даже очень обыкновенные люди вдругъ становятся доступными воспріятію хотя-бы слабого поэтического волненія, вовсе не такъ простъ, и остается очень интересный вопросъ: почему это такъ? Потому, что мы при этихъ условіяхъ получаемъ разомъ гораздо большее число и большее разнообразіе зрительныхъ впечатлѣній, чѣмъ при отдѣльномъ разсматриваніи внизу; впечатлѣнія эти, встлкаясь въ душу, складываются въ болѣе высокую волну чувства. Подобное этому мы видимъ во многихъ другихъ примѣрахъ: одиѣ и тѣ-же силы, будучи приложенными порознь, не производятъ того результата, который получается отъ одновременнаго ихъ дѣйствія.

Каковъ-же долженъ быть видъ съ крыши міра и ей подобныхъ высотъ! Объ этомъ пусть рассказываютъ тѣ счастливицы, которымъ удалось стоять на вершинѣ Монблана въ ясное утро, что, какъ извѣстно, выпадаетъ очень рѣдко. Что до нашей крыши, то никакая ясность дня не можетъ помочь дѣлу, потому что самый видъ закрытъ горами. Но что недоступно глазу физическому, то видитъ глазъ духовный—гоображеніе. Одно сознаніе того, что вы находитесь такъ высоко надъ матерью-землею, какъ немногіе изъ вашихъ братьевъ, что милліарды людей копошатся далеко внизу, дѣй-

ествуеѣтъ подобно необыкновенному виду и настраиваетъ душу торжественно. Нѣчто подобное овладѣло мною въ этотъ тихій лунный вечеръ, наканунѣ перехода чрезъ ребро испанской перегородки, поставленной между Азією и Европою. Ибо я надѣюсь, что каждый, кто побывалъ въ такихъ странахъ, какъ эта окраина Китая, согласится считать Европою даже наше новорожденное Семирѣчье.

Въ такомъ настроеніи возвратился я съ прогулки по ущелью въ свой холодный подвижной кабинетъ и прицѣлся за вечернее занятіе, т. е. за топку печки. Когда она раскалилась, я присѣлъ передъ нею на кошму и хорошо согрѣлся, хотя не надолго. Сквозь щели, остававшіяся около печной трубы, ко мнѣ еще проникали лучи луннаго свѣта. Голоса утихли, люди улеглись съ пѣтухами, слышались только шаги часоваго, рокоть рѣчки и отдаленный лай Криваго, производившаго обычную вечернюю рекогносцировку около лагера. Мало-по-малу я почувствовалъ дремоту и незамѣтно очутился въ области сновидѣній, которыя составляли какъ-бы продолженіе являвшихся мнѣ передъ этимъ размышленій и проходили передо мною въ удивительной ясности и связности. Мнѣ представилось, что я поднялся на воздухъ и, несомый невидимыми крыльями, возвратился назадъ и летѣлъ надъ печальными равнинами Кашгарій. Пустыни за пустынями проходили подо мною; вотъ сыпучіе пески, бѣлые солончаки, тамарисковые бугры, болота, темныя мертвыя деревни, города съ мрачными, пыльными улицами. Я видѣлъ ряды земляныхъ норъ, въ утробѣ которыхъ шевелились покрыты лохмотьями человѣческія существа. Предо мною проносились грязныя трущобы съ валяющимися въ дремотномъ одуреніи курильщиками, далѣе мрачныя застѣнки, кѣлки съ подвѣшенными умирающими людьми, связанные, плачущія дѣвочки въ свадебномъ нарядѣ, лачуги, набитыя умирающими горячечными. Все исчезло, я высоко поднялся и чрезъ

и говеніе увидѣлъ визу: нашь лагерь, у подножія Беделя. Меня повлекло дальше, я увидѣлъ подѣ собою тѣ, сотворенныя отъ двѣка, башни, которыя еще предетояло намъ побѣдять. Я летѣлъ надъ пропастями, надъ мрачными ущельями, гдѣ въ это время мирно спалъ горный духъ, да далѣ надъ свѣтлыми полянами, надъ темной цѣткой дѣсовъ, надъ бурнымъ потокомъ, я спускался ниже и ниже и, наконецъ, увидѣлъ знакомый мнѣ край. Вотъ широкая водяная чаша, тихо сіяющая при лунномъ свѣтѣ, мирный городокъ, почтовые станціи, хутора, деревни. Далекое свѣтятся ихъ окна, въ окнахъ рисуются горшки съ цвѣтами, кипящіе самовары, мелькаютъ краснощекія дѣтскія головки, широкія плечи въ цвѣтныхъ рубахахъ, улыбающіяся женскія лица, слышится кругомъ мычаніе коровъ, говоръ людей, хохотъ, звуки гармоникъ. Опять предо мною горы, я несусь быстрее, вотъ за ея ливъ горахъ луны бѣлыя головы двухъ одѣтыхъ темными лѣсами великановъ, а у ногъ ихъ засверкало много огней. Я узнаю городъ, который видѣлъ въ послѣдній разъ въ жаркое лѣтнее утро. Надъ широкими прямыми улицами, надъ освѣщенными луною садами, надъ свѣтящимися рядами оконъ свѣтло и мирно разливается звонъ вечерняго колокола. Но вотъ на углу площади одинъ домъ, я почувствовалъ, что меня туда влечетъ. Вижу знакомыя комнаты, свѣтло тамъ и должно быть тепло. „Что же меня держитъ, почему не могу, наконецъ, войти въ мой домъ и почему меня никто не встрѣчаетъ?“ вырвалось у меня, но вдругъ прозвучало около меня „назадъ!“, все исчезло, меня охватилъ холодъ, я несусь въ пространство и — просыпаюсь, ежась дѣйствительно отъ холода.

опробужденіи. Почти въ этомъ родѣ случилось со мною, ибо когда я очнулся, то огонь на блюдечкѣ еще не совсѣмъ погасъ,—значить, прошло всего минутъ десять съ тѣхъ поръ, какъ я поддвигалъ масло въ послѣдній разъ. А сколько я успѣлъ увидѣть видовъ за это время! Дюшалью рассказываешь, что когда ему однажды во время путешествія по экваторіальной Африкѣ, пришлось терпѣть голодъ, то во снѣ предъ нимъ проносились вслѣдъ кушанья, которыми его угощали на прощальномъ обѣдѣ въ Лондонѣ. Подобно этому, и мнѣ стали рисоваться картины свѣта и тепла въ то время, когда я опять начиналъ ледѣть. Отчасти же сновидѣніе это составляло отголосокъ того, что встрѣчалось мнѣ по ту сторону Тянь-шаня, и того, что предстояло увидѣть на нашей сторонѣ. Повозившись еще нѣкоторое время съ печкой, я легъ пораньше, подъ защитой мѣховаго пальто и еловой шубы, благодѣяніемъ которыхъ я обязанъ тѣмъ, что и эту ночь провести въ относительномъ теплѣ, не смотря на то, что она была самая холодная во весь походъ, и что вліяніе печки очень скоро исчезло; въ 6 часовъ утра, когда я проснулся, въ юртѣ было $-7\frac{1}{2}^{\circ}$ R. У казаковъ, напротивъ, было $+11\frac{1}{2}^{\circ}$. Утромъ 22-го было ясное и тихое и предвѣщало благополучный переходъ. Въ $7\frac{3}{4}$ ч. мы выступили. Сначала дорога идетъ по ущелью, вдоль плотно замерзшей рѣчки. Здѣсь груды громадныхъ камней чередовались со снѣгомъ, который мѣстами хваталъ лошадямъ до брюха, но былъ, къ счастью, замерзшій, такъ что большую частію держалъ лошадей, хотя онѣ все-таки кое-гдѣ проваливались и выкарабкивались съ трудомъ. Потомъ начался крутой и необыкновенно длинный подъемъ на предгорія Бедели. Скатерть тропинки, по которой мы поднимались, здѣсь ровна и снѣгу почти не было, но самая тропинка идетъ по краймъ крутыхъ склоновъ, надъ глубокими пропастями, извиваясь многочисленными оборота-

ми, по случаю крутизны. Кто подверженъ головокруженію при взглядѣ съ высоты, тотъ долженъ здѣсь принять всякія предосторожности, иначе онъ можетъ свалиться съ лошади, а послѣднее въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тропинки могло-бы стать роковымъ. Нѣкоторые уже здѣсь поднимались пѣшкомъ, ведя лошадь въ поводу. Оба каравана перемѣнялись, кто какъ поспѣвалъ. Я былъ въ числѣ передовыхъ, урядникъ Трофимовъ спѣшился и просилъ позволенія поддерживать мою лошадь на наиболѣе сомнительныхъ мѣстахъ. Когда мы добрались до болѣе отлогого мѣста, я обернулся назадъ и посмотрѣлъ внизъ. Картина стоила того, чтобы полюбоваться: болѣе 50 вьючныхъ и вьючныхъ лошадей вмѣстѣ со спѣшившимися людьми изображали, какъ-бы исполинскую змѣю, выполняющую изъ бездны. Солнце обливало насъ яркимъ свѣтомъ, и небо, какъ и при поднятіи на Ташъ-рабатъ, вслѣдствіе рѣдкости воздуха и отсутствія облачности, стало темно-голубымъ. Во время подъема термометръ показывалъ еще — 6°, но, благодаря отсутствію вѣтра, намъ было тепло.

Мѣсто, откуда я смотрѣлъ, представляетъ начало площадки, на которой расположено заброшенное глинобитное укрѣпленіе *Урта-курганъ*, въ которомъ во время Якубъ-бека содержалось человекъ сто гарнизона. Люди мѣнялись каждые 2 мѣсяца, по случаю трудности службы: они страдали сильными головными болями, вслѣдствіе рѣдкости воздуха, влияніе которой вскорѣ обнаружилось и на насъ. Первый фельдшеръ Байгуловъ почувствовалъ такое головокруженіе, что едва усидѣлъ на лошади; такъ какъ этотъ припадокъ появился не во время подъема, а уже на площадкѣ, гдѣ ѣхать было опасно, то его слѣдуетъ приписать исключительно дѣйствию уменьшеннаго атмосфернаго давленія. Отъ Урта-кургана дорога поворачиваетъ направо, иди почти въ горизонтальномъ направленіи по продолженію упомянутой площадки, представляющей уступъ у подножія послѣдней высокой стѣны Бедели, на перевалѣ котораго вѣтъ тропинка

поднимается такъ круто, что кажется издали отвѣсною. Направо отъ уступа глубина, но съ довольно отлогимъ склономъ. Все сплошь покрыто снѣгомъ, который по дорогѣ, впрочемъ, не глубокъ. Когда мы ѣхали по сказанному уступу, у джигита № 1 какимъ-то образомъ свалилась съ ноги калоша¹⁾ и покатила въ глубину, но оставилась саженьхъ въ 2-хъ отъ дороги. Казаки стали надъ цѣмъ трунить, полагая, что онъ тѣперь поѣдетъ съ одной калошей. Но онъ имъ не доставилъ этого удовольствія. Не слѣзая даже съ лошади, онъ молча направилъ ее внизъ и спустился, пробираясь наискосокъ до калоши. Правда, что здѣсь снѣгъ былъ лошади до колѣна и довольно вязкій, а склонъ отлогій, но все-таки для непривычнаго глаза казалось-бы неудобнымъ совершать верховую прогулку въ такое мѣсто. Наконецъ, мы у поворота къ самому перевалу. Передъ нами возвышалась стѣна, по самому скромному расчету футовъ въ 200, на гребнѣ которой видѣлась каменная караулка, а подлѣ нея узенькая горизонтальная полоска, куда направлялись кое-какіе слѣды по снѣгу. Это и былъ перевалъ. Стѣна такъ крута, что среднимъ счетомъ можно считать наклонъ въ 42—45°, что, какъ извѣстно, очень трудный подъемъ, въ особенности для животныхъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что почва ровная и единственный упоръ, который находятъ ноги, это вязкій снѣгъ и выстояшіе мѣстами камни. Самое крутое и гладкое мѣсто послѣднія 2—3 сажени. Хотя и на эту стѣну мѣстами поднимаются зигзагами, но не вездѣ это возможно, и во всякомъ случаѣ этотъ подъемъ такъ труденъ, что по временамъ, т.-е. когда снѣгъ перемежается со льдомъ, онъ безусловно бываетъ недоступенъ, безъ помощи сверху. Въ виду этого, въ прежнее время въ упомянутой караулкѣ жила часть Урта-курганскаго гарнизона, которая была обязана

¹⁾ Киргизы, какъ и другіе мусульмане, носятъ круглый годъ кожанныя калоши, которыхъ назначеніе вовсе не состоитъ въ защитѣ ногъ отъ холода (см. выше).

итаскивать выючныхъ животныхъ помощью аркановъ. При китайскихъ же порядкахъ все это оставлено. Къ крутости и высотѣ подъема присоединяется рѣдкость воздуха, вслѣдствіе всего этого верховья, даже порошійя, лошади карабкались вверхъ съ большимъ трудомъ, черезъ каждыя 5—6 шаговъ переводя духъ. Половина нашихъ людей поднималась одновременно со мною, другіе позади, одни верхомъ, другіе пѣшкомъ. Не легко было, впрочемъ, и пѣшимъ. Мою лошадь опять держалъ за уздцы Трофимовъ, а на самомъ крутомъ мѣстѣ спѣшился даже нашъ философъ-джигитъ № 1 и пошелъ подлѣ меня, поддерживая лошадь. Вьюкъ и купеческій караванъ были еще далеко позади. Большинство нашихъ людей почувствовали головную боль, которая, впрочемъ, на самомъ перевалѣ понемногу прошла. Я, наоборотъ, чувствовалъ себя легко до перевала, но благодаря долгой проволочкѣ на немъ (о которой скоро будетъ сказано), мало-по-малу появилась у меня сильная боль головы, которая продолжалась до ночи. Было 10 час. утра, когда мы взобрались на перевалъ. Онъ представляетъ небольшую площадку, шаговъ въ 6 шириною, лежащую между развалившеюся караулкою и обломками скалы, которая еще превышаетъ перевалъ. Изъ этихъ-то обломковъ взяли я образчикъ, оказавшійся тальковымъ сланцемъ. Къ сожалѣнію, съ этой столь возвышенной точки, благодаря нагрѣжденію горъ и извилистому ходу ущелій, вовсе нѣтъ живописнаго вида, котораго-бы можно было ожидать. Море бѣлыхъ верхушекъ—и больше ничего. Утро все еще оставалось тихимъ, такъ что легкій морозъ въ $-1\frac{1}{2}^{\circ}$ R. вовсе не чувствовался. Небо въ это время мѣстами представляло легкую прозрачную облачность. Облака эти были конечно перистыя, которыя плаваютъ очень высоко, обыкновенныя-же облака могли-бы быть ниже насъ. Высота Беделя до сихъ поръ, на основаніи приблизительнаго разсчета, считалась отъ 14.000 до 15.000 фут. надъ уровнемъ моря, но по барометрическому опредѣленію Н. М. Пржевальскаго

(осенью 1885 г.) онъ возвышается на 13.700 фут.¹⁾ Впрочемъ, не мѣшало-бы еще нѣсколько опредѣленій, для выведенія средней цифры, такъ какъ состояніе атмосферы имѣетъ вліяніе на искомую величину. Самъ я, къ сожалѣнію, не имѣлъ возможности заготовить инструментами, потому что сборы мои были слишкомъ неожиданны и скоропостижны, притомъ я сначала не предполагалъ возвращаться черезъ Бедель, до Нарынскому-же пути высота переваловъ уже была опредѣлена раньше. Наивысшія точки пиковъ Кокъ-шала, по приблизительному расчету К. А. Ларіонова, достигаютъ 16.000—17.000 фут.

Давно уже мы были наверху, а вьюкъ все оставался внизу. Долго тянулись различныя части каравана, подъ горой по горизонтальному уступу, но какъ только онъ подходилъ къ повороту перевала, то начиналась съ лошадьми такая-же бѣда, какъ съ верблюдами подъ Ташъ-рабатомъ. Измученныя уже во время прохожденія по каменистому долу ущелья и по первому подъему, вьючныя животныя, не смотря на всевозможныя усилія погонщиковъ, стали пасовать одна за другою. Нѣкоторыя поднимались, безпрестанно падая на колѣни и съ непомѣрно длинными паузами для отдыха, другія ложились на-бокъ и вовсе не могли быть понуждаемы далѣе. Къ послѣднимъ относилась большая часть лошадей нашего вьюка. Время проходило, а все-таки толку нѣтъ. Еслибы при такихъ условіяхъ поднялся вѣтеръ, то положеніе въ такомъ мѣстѣ и при разобщеніи съ вьюкомъ, было-бы довольно серьезное. Наконецъ, наши-же молодцы насъ выручили. Младшій джигитъ, Дементій и 4 казака (двое оставались при лошадяхъ наверху) стали спускаться внизъ по нѣсколько разъ и притаскивали на плечахъ различныя части вьюка, чтобы облегчить лошадей. Въ одно изъ такихъ путешествій Дементій немогъ удержаться на крутизнѣ и покатился внизъ, но удержался за выступающій камень. Что это было за трудъ,

¹⁾ На основаніи любезнаго сообщенія, сдѣланнаго Н. М. Пржевальскимъ, вслѣдствіе моего запроса.

можно было заключить изъ того, что уже однократное хожденіе, безъ всякой тяжести, составляло трудную задачу, и видѣть чего это стоило купцамъ, которые почти рѣдъ поднимались въбѣгомъ, задыхаясь и красные, какъ изъ бани. Труднѣе всего было ихъ женамъ, особенно одной, которая, благодаря варварскому обычаю и цепкой ревности мужа, даже при этихъ обстоятельствахъ не рѣшилась снять своей плотной занавѣски, вълѣдствіе чего еще болѣе страдала отъ недостатка воздуха. Вся эта занавѣска промокла уже отъ ея дыханія, грудь высоко поднималась, бѣдная женщина топталась на одномъ мѣстѣ, не зная какъ одолѣть послѣднюю крутизну, и никто не подавалъ ей помощи. Оказалось, что между стоявшими уже на перевалѣ были и ся супругъ, который наблюдать за нею съ высоты величія. Узнавъ, что это онъ, и потребовалъ черезъ переводчика, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, позволилъ ей снять вуаль. Онъ покачалъ головой съ угрюмымъ равнодушіемъ. Меня взорвало. „Иманъ! (дрийъ) крикнулъ я ему и приказалъ немедленно подать помощь жень. Тогда онъ соблаговолилъ спуститься и подать ей купцовице нагайки и, такимъ образомъ, поднялся въбѣтъ съ нею. Во время хлопотъ съ выюкомъ одна вязайка дровъ покатила въ пропасть и остановилась на такой глубинѣ, что доставать ее какимъ-либо образомъ нельзя было. Прошло отъ 3 1/2 часа прождали на перевалѣ, наконецъ, кое-какъ подняли лошадей и мы тронулись. Купцы справились нѣсколько раньше насъ, вѣроятно, ихъ вьючные лошади были лучше. Сначала спускъ довольно отлогій, но потомъ дороги идетъ по такому мѣсту, что чуть-было со мною бѣды не случилось. Пробраться приходится по крошечному уступу (карнизу), проходящему на половинѣ высоты между высокой стѣной и глубокой пропастью. Уступъ при томъ самъ имѣетъ наклонъ къ пропасти и на этотъ разъ былъ покрытъ рыхлыми, настолько глубокимъ снѣгомъ, что трудно было ощупывать дорогу. Не смотря на бывшую головную боль, я

долженъ былъ сидѣть верхомъ, но при первыхъ шагахъ замѣтилъ, что лошадь моя, у которой нога была ранена во время прохожденія по камнямъ, стала скользить, чему конечно способствовало и то, что снѣгъ спекался подъ копытами. Въ виду этого и въ надеждѣ облегчить головную боль, я слѣзъ и пошелъ пѣшкомъ, но тутъ попалъ изъ огня въ полымя. Я везъ съ собою пару валенокъ, которые не понадобились во всю дорогу, но въ это утро я ихъ надѣлъ, на случай могущаго подняться вѣтра. Въ эту минуту пришлось мнѣ раскаться въ томъ. Выпуклое дно валенокъ препятствовало ощущивать почву при опусканіи ноги, и при этомъ условіи нога неминуемо скользила. Я чувствовалъ невозможность пройти по этой тропинкѣ, не соскользнувши съ нея, особенно при нетвердости, которую сообщала моимъ шагамъ гнетущая головная боль. Соскользнуть же съ дороги въ этомъ мѣстѣ было равносильно паденію въ пропасть, потому что наклонъ съ горы ниже тропинки въ этомъ мѣстѣ очень крутъ, градусовъ въ 60 или болѣе и удержаться на немъ не было никакой возможности, а пришлось-бы показаться до самаго дна. Даже допуская, что снѣгъ предохранилъ-бы отъ ушиба при паденіи, то ужъ выбраться изъ этой бездны, на днѣ которой притомъ снѣгъ выше головы, было-бы безусловно невозможно. Словомъ, это былъ самый для меня критическій моментъ всего похода. Я, конечно, сообразилъ, что необходимо снять валенки и пройти въ однихъ сапогахъ, но это было дѣломъ, при данныхъ условіяхъ, очень нелегкимъ. Къ счастью, подоспѣлъ на помощь мой вѣрный и проворный Дементій. Стоя самъ на краю пропасти, но крѣпко упершись одной ногой, онъ такъ ухитрился стащить съ меня валенки и надѣть вмѣсто нихъ резиновые калоши, въ которыхъ идти было гораздо легче. Такимъ образомъ, я, ведомый за руку шедшимъ впереди джигитомъ, кое-какъ пробрался по этому мѣсту, а идти пришлось такимъ образомъ съ $\frac{1}{4}$ часа.

Лошади все пробрались благополучно. Потомъ мало-помалу дорога стала такою ровною, на какую мы ее дарю не видали. Она шла по дну долины, которой лѣвый бокъ покрытъ снѣгомъ, а правый болѣе или менѣе оголенъ. Я сначала опять поѣхалъ верхомъ, но потомъ изъ-за головной боли, принужденъ былъ сесть въ носилки. Съ 1½ часа (время оставленія перевала) до полуночи мы шли безостановочно, стремясь найти для ночлега обнаженное отъ снѣга мѣсто, гдѣ-бы была вмѣстѣ съ тѣмъ и вода. Мѣстность, гдѣ дорога становится ровною, относится уже къ хребту *Сары-чаты*. Нагорное плато *Сары-чаты* возвышается на 11.800 фут. (Ларіоновъ). По долину, которою идетъ дорога съ *Беделя*, течетъ и рѣчка *Бедель-су* (которую не слѣдуетъ смѣшивать съ упомянутою одноименною, текущею къ югу). *Бедель-су* впадаетъ въ *Иштыхъ* или *Истыкъ*, который представляетъ одинъ изъ притоковъ *Джанарта*. Вообще, дорога отъ *Беделя* къ *Иссыкъ-кулю* идетъ на с.-з. и лишь ненадолго уклоняется къ з. Въ долину *Бедель-су* она нѣсколько разъ встрѣчается съ рѣкою, идя отчасти по берегу ея, особенно по правому и въ нѣсколькихъ мѣстахъ перестѣкаетъ ее. Было еще два небольшихъ перевала. Между первымъ и вторымъ дорога въ одномъ мѣстѣ огибаетъ карнизъ, съ лѣвой стороны котораго такая стремительная пропасть, что съ дороги нельзя разсмотрѣть дна ея. Самый карнизъ представляетъ изрядный косогоръ. Мѣсто это названо *Келенъ-Таймак*¹⁾. Къ счастью, въ это время намъ уже свѣтила луна, а безъ нея было-бы плохо. На днѣ пропасти течетъ рѣчка *Бедель-су*. По карнизу я шелъ пѣшкомъ, ведомый подъ руки джигитами. После еще разъ пришлось идти подобнымъ-же образомъ. Второю перевалъ былъ непріятенъ, подъемъ его очень труденъ для лошадей. Последніе часы этого вечера шли ровными долинами и степями, покрытыми снѣгомъ, и, наконецъ, изму-

¹⁾ Буквальный переводъ „сноха прямо ногу не поставитъ“, иносказательно — опасная для бабъ дорога.

ченные усталостью, въ полночь пришли въ доѣзъ *Иштукъ*, гдѣ есть мѣсто, обнаженное отъ снѣга, и хорошая вода, т.-е. рѣчка и ключъ. Здѣсь имѣется небольшая каменная загорода, а въ ней мы застали поставленную юрту, въ которой тлѣлъ сухой навозъ (кызакъ) вмѣсто костра. Юрту эту нарочно привезъ, какъ оказалось, знакомый нашихъ любезныхъ джигитовъ и самъ онъ меня встрѣтилъ, приглашая погрѣться. Юрта, положимъ, была таковою только по названію, вся въ дырахъ и безъ купола, но все-таки, когда ее покрыли коницами изъ нашего выюка, въ ней можно было провести ночь. Какъ волки мы накинудись на нашу провизію, въ томъ числѣ и я, у котораго лишь къ этому времени прошла головная боль. Бѣдные лошади тоже крайне нуждались въ отдыхѣ и пищѣ, у многихъ изъ нихъ были сбиты и ранены ноги, и онѣ не шли цѣлый день, а лошади джигитовъ, какъ сказано было, не первый день держали діету. Здѣсь уже оказался небольшой подножный кормъ и табунъ нашъ отправился туда. Мы сдѣлали въ этотъ день, вѣроятно, не менѣе 50 верстъ, да еще какихъ! Купеческій караванъ мы потеряли изъ виду. Онъ въ темнотѣ гдѣ-то отсталъ, остановившись, вѣроятно, ранѣе на ночлегъ.

Утромъ въ юртѣ было — 2° R., день опять былъ ясный и тихій. Ландшафтъ сталъ болѣе привѣтливымъ, дорога шла все время широкими плоскими долинами, горы были ниже и мягче. Все было покрыто довольно глубокимъ снѣгомъ, но по бокамъ горъ изъ-за снѣга уже сквозила довольно густая пожелтѣвшая трава. Блескъ этихъ снѣжныхъ долинъ при яркомъ солнечномъ свѣтѣ былъ такъ силенъ, что мы все время жмурились глаза. Плоскогорье, по которому лежалъ нашъ путь и которое лежитъ между хребтами Сарычаты и *Терскей-Ала-тау*¹⁾, относится къ самымъ высокимъ мѣстамъ, хотя при взглядѣ на низкіе горные коллѣчки, поднимавшіеся тамъ и сямъ, и на густую травяную растительность, выглядывавшую

¹⁾ На картѣ, приложенной къ сочиненію г. Куропаткина, этотъ хребетъ называется *Курмызин-Ала-тау*.

изъ-подъ снѣга, можно было-бы вообразить себя въ какихъ-нибудь низменныхъ стѣняхъ. Въ немъ различаютъ мѣстность *Акз-Ширякз*, *Арабель*, *Акз-бель*, *Тожеке-бель*¹⁾ и др. Чрезъ послѣдній мы прошли. Оно возвышается на 11.000—12.000 фут., поэтому подъемъ на перевалъ Кашка-Су, который мы прошли на слѣдующій день и который имѣетъ 12.300 фут. (Пржевальскій), совсѣмъ незамѣтный. Такія высокія мѣста называются киргизами *тютекъ*. Въ виду того, что это плоскогорье производитъ прекрасныя луговныя травы, сюда перекочевываютъ въ срединѣ лѣта, по обыкновенію не болѣе, какъ на $1\frac{1}{2}$ —2 мѣсяца, и при томъ съ соблюденіемъ извѣстныхъ предосторожностей, по случаю рѣдкости воздуха. А именно людей слабыхъ²⁾ и беременныхъ женщинъ сюда не пускаютъ, точно также жеребята и жеребевыя кобылы оставляются внизу, такъ какъ замѣчено, что первые часто окочкѣваютъ, а вторыя легко выкидываютъ. Мало того, наблюдаютъ, чтобы самыя случки производились внизу, ибо здѣсь онѣ, болѣею частью, остаются безъ послѣдствій. Вслѣдствіе большой высоты здѣсь даже лѣтомъ бываютъ снѣжныя буряны, и это вмѣстѣ съ холодными ночами, въ свою очередь, заставляютъ сокращать время пребыванія здѣсь кочевокъ. Трава здѣсь невысокая, но отборная, и вообще страна эта все-таки не такая угрюмая пустыня, какъ можно-бы заключить изъ нѣкоторыхъ описаній³⁾. Такъ, по рѣчкѣ Тожеке, гдѣ былъ нашъ ночлегъ въ этотъ день, растетъ въ изобиліи

¹⁾ «Бель» означаетъ верхушка.

²⁾ Даже для здоровыхъ здѣсь не совсѣмъ безопасно. Вспомогающий Джиян-Бай умеръ на этой высотѣ.

³⁾ Une grande partie de la region, comprise entre le Terskei-Alataou au nord et le Kock-Chalau sud, forme une large plaine ou sirt, revêtue de grès, de marnes bigarrées, de gypses et de couchos salines, parsemée de flaques d'eau et n'opprant qu'une herbe rare sur les isthmes, qui separent les cavités des marais et des lacs: les voyageurs, qui traversent cette redoutable contrée, où les tempêtes de neige ne sont pas rares même en juin et juillet, trouvent à peine entre les marais un endroit favorable pour y planter leurs tentes (Elisée Reclus. l'Asie Russe, 1881, page 357).

нигец (*Festuca* sp.) — небольшая травка, считающаяся перво-
 классным кормом для скота! Довольно водятся здесь и
 зверья: *Есть заяц, лиса, волк, горный козел, олень, серый,
 бурый и черный медведь*; последний, говорят, бывает чер-
 ным только до 2-х летъ, потомъ дѣлается грязножелтымъ.
 Изъ птицъ *беркутъ, утка, гусь* и проч. О звѣряхъ и насѣкомыхъ
 киргизы ничего немогли сказать. Что касается геологиче-
 скаго состава, то въ востокъ плоскогорья (по Мункетову),
 встрѣчаются *каменноугольная, девонская, силурійская и ор-
 довейская системы* (филиты, кристаллическіе сланцы и пр.).
 Въ умерки мы дошли, наконецъ, до пога *Джаакъ*, гдѣ не
 было сѣнагу и есть ключъ и хорошая трава. Это мѣсто одно
 изъ наиболѣе высокыхъ на этомъ плато, и, дѣйствительно,
 одышка легко появлявшаяся при утиняхъ, напру при под-
 нятій чегъ-нибудь съ полар, подтверждали мнѣ это, да и хо-
 холды были чувствительный. Въ этотъ день мы сдѣлали до-
 брыхъ 40 верстъ. Погъ *Джуду-Джурекъ* (гдѣ останавливался
 г-нъ Сунагуловъ) мы прошли, оставивъ его назади, и вер-
 стахъ въ 5-ти. Онъ также былъ покрытъ сѣномъ, оставлен-
 нымъ 24-го утромъ въ моемы кони было — 5° R. Съ этого мѣ-
 ста до деревни Сливкиной, въ которой можно было считать
 конецъ нашего скитанія, оставалось верстъ 70; притомъ очень
 трудной дороги. Но близость жилища крова была большою
 приманкою и я рѣшился употребить все усилія, чтобы подо-
 лѣть этотъ переходъ за одинъ разъ, тѣмъ болѣе, что погода
 продолжала намъ благопріятствовать, а зѣтимъ слѣдовало поль-
 зоваться, особенно въ виду того, что ущелье *Каина-Су*, ко-
 торое предстояло пройти, славится буранами. Въ 7 часовъ
 утра мы были готовы къ выступленію. До ущелья мѣстность
 такъ ровна, что мы большую часть ея проѣхали быстро; съ
 полчасу мы могли скакать въ галопъ, да и въякъ не очень
 далеко отставать, не смотря на довольно глубокій снѣгъ.
 Въ востокъ дороги видѣлись перевалы *Барскоунъ* и *Зукъ*,
 черезъ которые слѣдуетъ идти караванный путь; такъ какъ

на Кашка-Су, чрезъ который путь короче, есть озеро, препятствующее проѣзду, когда оно не покрыто льдомъ. Въ 10 часовъ мы вступили въ ущелье Кашка-Су, въ которомъ были до 2-хъ часовъ. Длинное, узкое и извилистое ущелье это было покрыто глубокимъ снѣгомъ, такъ что лошади, бродя въ немъ по брюхо, передвигались съ большимъ трудомъ. Джигиты замѣтили, что такого обилія снѣга еще не было, когда они проѣзжали въ первый путь. Значить за нѣсколько дней передъ тѣмъ были сильныя бураны, которые совпадали съ ранними метелями, гулявшими по всему Семирѣчью въ теченіи цѣлой недѣли. Выступили мы днями 5-ю ранѣе изъ Аксу, путешествіе наше чрезъ Бедель и Кашка-Су было-бы, вѣроятно, неособенно благополучнымъ. Пока мы тянулись ущельемъ, вихрь нѣсколько разъ принимался крутить снѣжныя облака но не надолго, это какъ-бы были снисходительныя напоминанія о томъ, что онъ могъ-бы обойтись съ нами гораздо хуже. *Озеро Кашка-Су-куль* лежитъ между высокими обрывистыми скалами; оно было до того основательно засыпано снѣгомъ, что нельзя было даже замѣтить его присутствіе. За нимъ тотчасъ и самый перевалъ, котораго подъемъ не замѣтенъ, онъ собственно обозначается лишь тѣмъ, что послѣ этого начинается спускъ. А спускъ этотъ такой, какого до сихъ поръ еще не видали. Уже на перевалѣ къ снѣгу присоединились огромныя камни, отчасти скрытыя подъ снѣгомъ, что еще болѣе увеличивало трудность прохожденія. Одна изъ нашихъ лошадей попала-таки ногою подъ такой камень и упала. Ее высвободили послѣ большой проволоочки и хлопотъ, но она хромила и пришлось ее пустить порожнякомъ; была, къ счастію, запасная. Обыкновенно, при спускахъ даже съ очень высокыхъ горъ (напр. на Кокшаль) бываетъ такъ, что, какъ-бы ни были круты, неудобны или опасны нѣкоторые мѣста, но онѣ перемежаются съ болѣе отлогими и удобопрѣзжаемыми. Здѣсь-же природа какъ-бы желала не давать путнику отдыха. Спускъ въ

одинаковой крутости продолжается болѣе 2 часовъ къ ряду. Снѣгъ мало-по-малу исчезаетъ, но это не улучшаетъ дѣла. Извилина смѣняется извилиной, а глазъ все видитъ впереди тѣ-же крутизны, загроможденные большими острыми камнями и обломками льда, тѣ-же тропинки, лѣзнящія по ребрамъ горъ, надъ глубочайшими обрывами, тѣ-же крутые скаты, мѣстами въ добавокъ подернутые ледяною коркою. Много разъ приходилось сгибываться, но даже нѣшкомъ случалось падать. Перешли рѣчку въ бродъ чрезъ рѣчку Кашка-Су. Скалы высочайшія по обѣ стороны, далѣе внизъ уже обнаженные отъ снѣга. Въ одномъ мѣстѣ по обѣимъ сторонамъ ущелья нижняя часть стѣны его представилась, какъ-бы состоящею изъ какой-то сизобѣловатой породы камня: это были ледники¹⁾, первые, которые намъ встрѣтились. Вообще въ Тянь-шанѣ ледники больше попадаются въ мѣстахъ, гдѣ есть лѣса, т.-е. гдѣ болѣе влажности. Далѣе внизъ еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ по стѣнамъ, надъ дорогой висѣли большіе глыбы льда. По Кашка-Су часто встрѣчаются ярко-желтые, желто-красные и кирпичные конгломераты и песчаники.

Около 4-хъ часовъ по полудни дошли мы, наконецъ, до болѣе ровнаго и широкаго ущелья, по высокимъ стѣнамъ котораго представилось нѣчто давно не видавшее—густой еловый лѣсъ, восходившій до самыхъ высокихъ реберъ горы и казавшійся издали чернобурымъ. Это, значитъ, мы спустились приблизительно до высоты 8.000 фут. Скоро дорога уклоняется нѣсколько вгѣво, т.-е. къ з., и Кашка-Су впадаетъ въ р. *Зуки* (Джуука), вдоль береговъ которой потомъ долго приходится идти по высокому и густому еловому лѣсу. Трудности прохожденія здѣсь мѣстами чрезвычайныя. Къ безчисленнымъ и огромнымъ камнямъ присоединяются ливни, стволы деревьевъ и частые переходы въ бродъ чрезъ Зуки, представляющую уже довольно крупную и быструю рѣчку, русло

¹⁾ Обозначаемый на картахъ ледникъ *Петрова* остается значительно правѣ караваннаго пути.

которой, въ свою очередь, завалено каменными глыбами. Трудность пути нѣсколько облегчалась лунынымъ освѣщеніемъ.

Не смотря, однако, на усталость и на нескончаемыя препятствія, на меня повѣяло чѣмъ-то роднымъ въ этомъ живописномъ ущельи. Группы высокихъ, стройныхъ елей, разнообразно освѣщенные луною, одна за другою принимали насъ въ свои объятія, тихо шевели верхушками, какъ-бы говоря: „здорово! гдѣ пропадали такъ долго?“ Спутники мой, видимо, поняли этотъ привѣтъ: съ самаго вступленія въ лѣсъ пѣсни ихъ гремѣли съ небывалою еще энергіею, прерываясь лишь по временамъ на трудныхъ мѣстахъ перехода. Лѣсъ сталъ рѣдѣть и, чу!... къ пѣнію казаковъ и шуму потока присоединились новые звуки,—то тутъ, то тамъ сталъ раздаваться лай киргизскихъ собакъ, и по направленію лая ихъ можно было разглядѣть вдали огоньки, дымокъ и темные контуры юртъ и людей. Тепло стало на сердцѣ и пѣсня казаковъ звучала еще громче. Когда мы выбрались изъ лѣса на равнину, то поѣхали рысью, не смотря на сильную усталость. Лошадей ужъ не нужно было погонять, онѣ бѣжали, какъ будто только-что выступили съ ночлега. А вотъ въ отдаленіи послышался перекатный лай такого большого общества собакъ, какого не бываетъ въ кочевыхъ аулахъ—это значитъ мы приближаемся къ русской деревнѣ.

Наконецъ, вотъ и она! По обѣимъ сторонамъ потянулись чистые уютные домики, въ нѣкоторыхъ уже было темно, въ другихъ окна еще свѣтились. Одинъ изъ казаковъ, котораго послали впередъ, здѣсь насъ встрѣтилъ и повелъ въ отведенную квартиру. Когда я вошелъ въ избу, было 10 часовъ. Скоро радушная хозяйка подала самоваръ, молока, яицъ, всякаго печенья, а у входа съ любопытствомъ столпились мужики, посмотреть на неожиданныхъ странниковъ.

Проснувшись утромъ (25 октяб.) отъ крѣпкого сна, я сталъ оглядываться, точно-ли я наконецъ очутился въ настоящемъ домѣ. Точно! я лежу въ свѣтлой, чистой и теплой комнатѣ съ

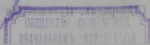
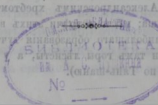
досчатымъ поломъ, съ толстошувой печью, съ картинками по стѣнамъ, а на улицѣ слышно гаканье гусей и утокъ, смѣхъ ребятишекъ, русскій говоръ людей. Сливкина большая зажиточная деревня на южномъ берегу Иссыкъ-куля, представляющая въ своемъ населеніи цѣлый букетъ великорусскихъ переселенцевъ — тутъ есть: пермяки, воронежцы, тамбовцы, пензенцы, витичи и т. д. Все это обжилося здѣсь и народъ живетъ привыкаячи, только жалуется на недостатокъ сбыта.

Отсюда до города Каракола 36—40 верстъ, которыя я проѣхалъ на лихой тройкѣ, въ солнечное тихое утро. На поляхъ еще стояли неубранныя скирды хлѣба, то и дѣло видѣлись киргизскія стада, по дорогѣ встрѣчались то русскія, то дунганскія телеги, то верховые киргизы, съ одной стороны видѣлась гладь озера, съ другой — горы съ синѣющими лѣсами¹⁾. А вотъ предсталъ уютный городокъ, съ густыми пожелтѣвшими садами и аллеями, весь облитый утреннимъ солнцемъ. Это — Караколь. Какой прѣятельной идилліей показались мнѣ деревенскія картины, какими чертогами дома моихъ каракольскихъ друзей! Какимъ-то сіяніемъ была окружена для меня вся эта обстановка мирной осѣдлой жизни и привычекъ цивилизованныхъ людей. Съ чувствомъ, которое мною овладѣло въ это время, я могу сравнить развѣ ощущеніи конвалесцента, который послѣ долгой болѣзни и затворничества, въ первый разъ выѣхалъ на прогулку и радуется каждой травкѣ, каждому камню, каждому встрѣчному лицу. Кто правъ, — онъ или окружающіе его здоровые, которые видѣли все эти предметы каждый день и смотреть на нихъ равнодушно? Кто правъ, — юноша, пристально и съ любопытствомъ вгля-

¹⁾ Западные вѣтра проникаютъ на Иссыкъ-куль чрезъ сѣдловину между Запайскимъ Алатау и Александровскимъ хребтомъ, сѣверовосточные — чрезъ сѣдловину Санташа; мѣсто встрѣчи этихъ воздушныхъ теченій, которое и есть мѣсто наибольшаго образованія тучъ, находится у восточной половины озера и тамъ горы лѣсисты, а у западной безлѣсны (Сѣверцевъ. Путешествіе по Тянь-шаню).

дывающийся въ явленія жизни и наслаждающийся красками ея, или старикъ, считающій все суетнымъ, потому-что его ничто не радуетъ, не согрѣваетъ? Если мы, вслѣдствіе притупленія привычки, не чувствуемъ прикосновенія рубашки къ тѣлу, изъ этого не слѣдуетъ, чтобы ея дѣйствительно не было; отсутствуетъ только наша восприимчивость. Предметы вѣшняго міра кажутся намъ таковыми, каковы мы сами. Подъ вліяніемъ гармоническаго состоянія души, вызваннаго музыкою, мы часто смотримъ глазами примиренія и участія на людей и на предметы, къ которымъ въ другое время равнодушны или непріязненны. Когда намъ послѣ долгаго лищенія возвращаются тѣ блага, съ которыми успѣвъ сродниться кулуатурный человекъ, въ насъ зарождается подобная-же гармонія чувствъ. Ощущенія обновленной души настолько справедливыя ощущенія притупленной и завидней, насколько изображенія въ свѣтломъ и гладкомъ зеркалѣ вѣрнѣе изображеній въ потускнѣвшемъ или надтреснутомъ. Застывать въ самоуслажденіи и квасномъ восторгѣ—конечно, не можетъ быть назначеніемъ человека, напротивъ, вверхъ и впередъ лежитъ ему путь. Но бываютъ событія и положенія, которыя невольно заставляютъ насъ оглядываться назадъ и внизъ. Такъ бываетъ, когда мы на-время окунаемся въ омутъ низшихъ формъ человѣческой жизни. Изъ глазъ нашихъ не исчезнетъ тропа, ведущая къ верхушкѣ горы, но, по крайней мѣрѣ, поглядѣвъ внизъ, мы сознаемъ, что одолѣли уже многое, и эта мысль даетъ намъ новыя силы.

Въ Караколѣ я разстался съ казаками, которые отпразднелись въ Нарынѣ, а я, продавъ выюкъ и лошадей, черезъ 21 дня поѣхалъ на почтовыхъ въ Верный, не замѣчая на этотъ разъ однообразія станцій и почтовой ѣзды.

ИЗДАНИЯ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО ОТДѢЛА

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Записки Отдѣла:

- КНИЖКА 1-я.** (Отчетъ за 1878 г.—Колдовство и порча у крестьянъ Томской губ. *Князя Кострова*.—Крестьяне-старожилы Нарымскаго края. *Григоровскаго*.—Путевые очерки Джунгаринъ, съ картою. *Пивцова*.) Ц.—1 р. 50 к.
- КНИЖКА 2-я.** (Отчетъ за 1879 г.—Побѣда по Западной Сибири и въ горный Алтайскій округъ. *Ядрищенскаго*.—Зимнее изслѣдованіе нагорнаго берега Иртыша отъ Тобольска до Самарова и сѣверныхъ тундръ между Обскою губою и Сургутомъ, съ картою. *Хомдажевскаго*.—О пароходствѣ въ Обской губѣ и морской торговлѣ Западной Сибири съ Европой въ 1878 и 1879 гг. *Балакина*.—Былъ-ли Ермакъ пожалованъ въ князья, *его-же*.—Смѣсь.) Ц.—1 р. 50 к.
- КНИЖКА 3-я.** (Отчетъ и протоколы за 1880 г.—Путевыя записки, веденныя во время побѣдки, въ 1878 г., въ Кокчетавскіа уѣздъ. *Слонова*.—Изслѣдованіе путей въ Алтайскомъ краѣ. *Бремискаго*.—Торговое движеніе между Западною Сибирью, Средней Азіей и Китайскими владѣніями. *Балакина*.—Смѣсь.) Ц.—1 р. 50 к.
- КНИЖКА 4-я.** (Отчетъ и протоколы за 1881 г.—Отчетъ о побѣдѣ въ 1880 г. въ горный Алтай, въ Телецкому озеру и въ вершины Катуні. *Ядрищенскаго*.—Сельскія общества Сагаирской волости. *Поникровскаго*.—Очерки Нарымскаго края. *Григоровскаго*.—Промыслы Нарымскаго края, съ чертеж. *Шостковича*.—Объ условіяхъ торговаго сношенія Европы съ Западною Сибирью, перев. *Козлова*.—Статистическій очеркъ современнаго состоянія горнозаводской промышленности въ Западной Сибири, съ картою. *Маларевскаго*.—Перечень 172 астрон. пункт. Зап. Сибири. *Мирошницкаго*.—Смѣсь.) Ц.—1 р. 50 к.
- КНИЖКА 5-я.** (Очеркъ путешествія по Монголіи и сѣвернымъ провинціямъ внутренняго Китая, съ картою Монголіи. *Пивцова*.) Ц.—2 р. 50 к.
- КНИЖКА 6-я.** (Протоколы за 1883 г.—Озеро Балхашъ и теченіе р. Или отъ выселка Илийскаго до ея устья. *Фитера*.—Описаніе Васюганской тундры съ карт. *Григоровскаго*.—Нервобитная культура тюрко-татарскихъ народовъ *Волмберг*, перев. *Стражицкаго*.—Двѣ главы изъ соч. Котты: *Der Altai*. *Леонавскаго*.—Ботаническій очеркъ Тарскаго округа Тоб. губ. *Лебединскаго*.—Флора г. Омска и его окрестностей. *Килломача* и *Колоколова*.—Астрономическія и барометрическія наблюденія. *Лазарева*, обр. *Пивцовымъ*.—Метеорологическія наблюденія въ г. Акмолинскъ съ 1873 по 1881 г. *Лазарева*.) Ц.—1 р. 50 к.
- КНИЖКА 7-я, выпускъ I.** (Путешествіе на озеро Балхашъ и въ Семирѣческую область. *Никольскаго*.—О находкахъ предметовъ каменнаго періода близъ г. Тюмени. *Слонова*.) Ц.—1 р.
- выпускъ II-й** (Отчетъ и протоколы за 1884 г.—Киргизы (этнологическій очеркъ). *Зеланди*.—Путевыя замѣтки объ оз. Сартганъ. *Дьяконова*.—Смѣсь.) Ц.—1 р.
- КНИЖКА 8-я, выпускъ I-й.** (Отчетъ и протоколы съ 1-го Января 1885 по 1-е Юля 1886 г.—По Ишиму и Тоболу (изъ путешествій и изслѣдованій крестьянскаго быта Зап. Сиб.) *Петронавловскаго*.—Очеркъ переселенческаго въ Сибирь движенія. *Дудолова*.—Путевыя Записки, веденныя во время побѣдки лѣтомъ 1885 г. въ верховья рр. Тартаса и Тары и зоографическій очеркъ лѣсно-болотистой полосы, лежащей между рр. Омью, Тарой и Иртышемъ, съ картою. *Степанова*.—Смѣсь.) Ц.—1 р. 50 к.
- выпускъ II-й.** (Путешествіе на Алтай и за Саяны, лѣтомъ 1883 г. (предварительный отчетъ) чл.-с. *Адрианова*.) Ц.—1 р.

Складъ изданій въ помѣщеніи Зап.-Сибирск. Отдѣла Императорск. Русск. Геогр. Общ. Иногородные адресуютъ въ Зап.-Сибир. Отд. Импер. Русск. Геогр. Общества, въ Омскѣ.

